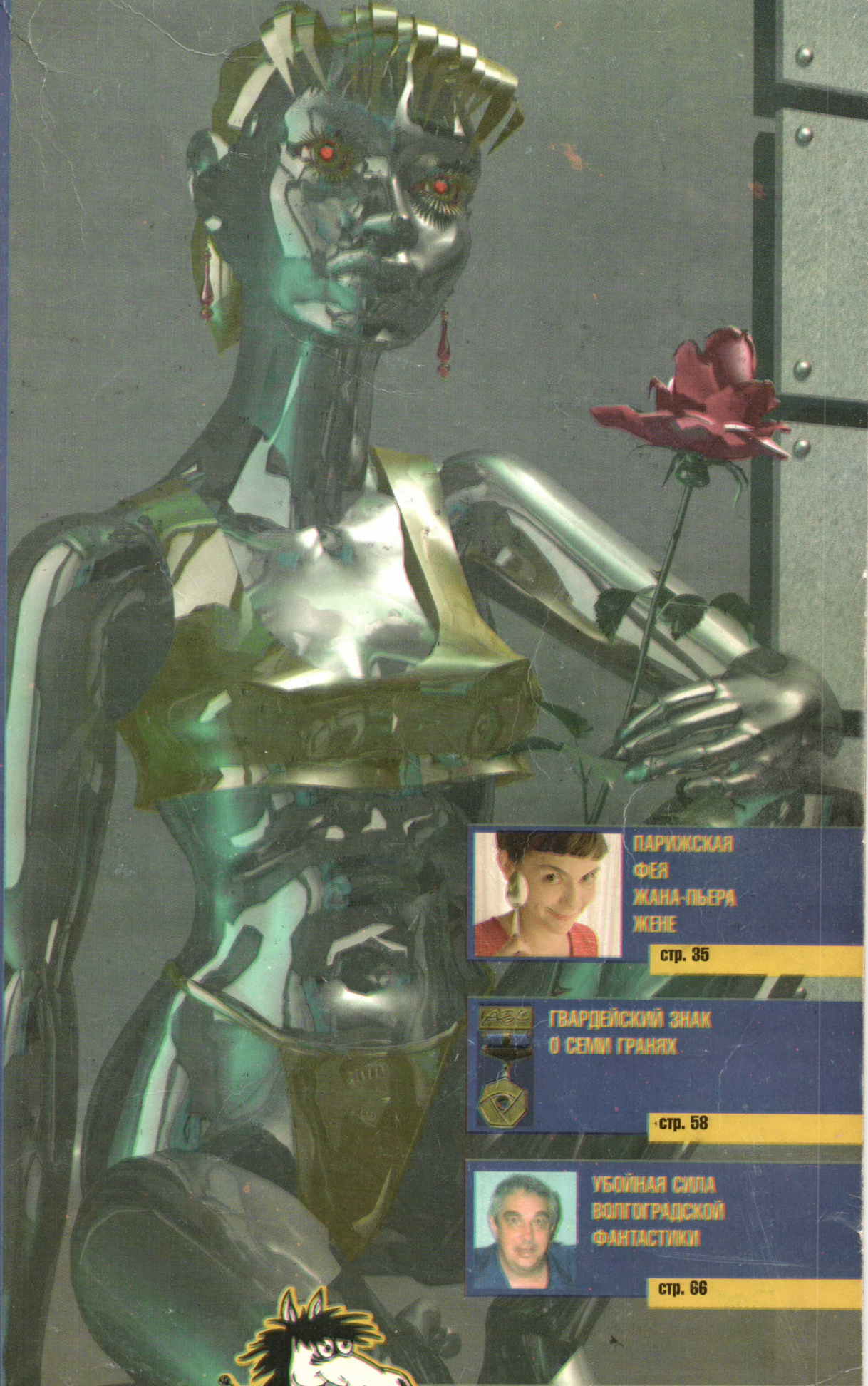

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ №2 (10) 2001

ПАРИЖСКАЯ
ФЕЯ
ЖАНА-ПЬЕРА
ЖЕНЕ

стр. 35

ГВАРДЕЙСКИЙ ЗНАК
О СЕМИ ГРАНЯХ

стр. 58

УБОЙНАЯ СИЛА
ВОЛГОГРАДСКОЙ
ФАНАСТИКИ

стр. 66

Приз ВолгаКона-2001

«За лучший провинциальный НФ-журнал»

ЗНАКОМСТВО с картинами пермского художника Михаила Волкова можно начать с полотна, названного пока академически сухо: «Зауролофы». Это невольная ассоциативная игра палеонтологическими образами, не экзотика двухсот-миллионной давности, но тщательная реконструкция, к которой не придется ни один специалист по мезозою. Сразу же хочется увидеть полотна «Дейноцефалы», «Эстемменозухи», «Парейазавры», а то и «Битву трицератопса с тарбозавром».

ГАЛЕРЕЯ ДРАКОНОВ МИХАИЛА ВОЛКОВА

Увы, «Зауролофы» дело началось и закончилось. Хоть палеонтология — давняя любовь Волкова. Наверное, ни один подросток лет 20 — 30 назад не мог не полюбить эту сказочную науку, если ему повезло, и он держал в руках сверхдефицитнейший альбом Зденека Аугусты и Йозефа Буриана «По путям развития жизни». Своевременно попал Волкову в руки и журнал «Юный техник», где публиковался фантастический рассказ Роберта Янга «У начала времен» — о путешествиях во времени, в эпоху динозавров. Чтобы не спугнуть колоссальных рептилий, ученые-палеонтологи своим вездеходам конструктивно придавали форму древних пресмыкающихся.

Любовь к палеонтологии и к фантастике закономерным образом соединились. А когда произошло знакомство с фэнтези Урсулы Ле Гуин, для Михаила открылась основная тема его творчества. Существует несомненное архетипическое сходство между динозаврами и крылатыми ящерами эпических мифов. Дракон — это загадочный и глубокий символ, без которого не обходится, наверное, ни одна культура — германская, кельтская, славянская, китайская, ацтекская... Лишь единожды у Волкова дракон олице-

творяет собой зло — в одном из первых полотен, где Георгий подбирается к горынычу на глайдере, вооруженный лазерным копьем.

Волков создал целую «Галерею драконов». Репродукции его полотен этой серии можно увидеть на сайте www.tri.raid.ru/volkov.

Пожалуй, столь же адекватно передать суровый дух древних легенд и мистику взаимоотношений человека и древнего змея кроме Волкова удалось лишь одному художнику — Майклу Уэллану. Американец всецело знаменит, российские издатели сразу же растащили по книжным обложкам практически все рисунки Уэллана — когда исчерпалась «золотая жила» китчевого Бориса Вальехо. А русский тезка Майкла скромно выставляется вместе с самодельными художниками любительского объединения «Прикамье». По образованию Волков — архитектор, и бывшие его коллеги, создавая на компьютере проекты интерьеров для «новых русских», украшают виртуальные стены элитных квартир электронными репродукциями полотен Михаила. Правда, «вживую» ни одно его полотно, кажется, так и не было приобретено.

Продолжение на 3-й стр. обложки.

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ №2(10) 2001

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Н. Володина. Яблоко для Тролля. Повесть. <i>Окончание</i> .	2
В. Колышкин. Один день. Рассказ.	20
Н. Сова. Оэл-менестрель. Рассказ.	24
Е. Максимов. Рошка. Рассказ.	26

ПОЧТА

Отклик на предыдущий номер журнала	31

БЛУЖДАЮЩАЯ МАСКА

Н. Маркалова. Электроник по Спилбергу	32
Ю. Баталина. Искусство и интеллект	32
Н. Маркалова. Кино будущего?	33
Ю. Баталина. Парад динозавров-3	34
Н. Маркалова. Зена — королева x-файлов	34
Ю. Баталина. Город вечных детей	35

ФЭН-ШТУДИИ

А. Кабанов, Д. Трифонов, Н. Маркалова. Реклама — двигатель звездолетов.	36
Игорь Легков. Одноразовая невозможность	38
Валерий Окулов. О схождении крайностей, или Стерсопара	43
Анатолий Нейтак. Регрессорство: фантастика и реальность	44

КУРЬЕР

2-я конная или Анабасис-2001	47
В. Ларионов. Семигранные гайки вручены	58
Б. Завгородний. Мини-Волгакон	60
Б. Завгородний. ВолгаДонкон	61
В. Запольских. Бетакон в «Библиосфере»	62
В. Ларионов. Петербургские хроники	65

НФ-ПЕРСОНЫ

Д. Скирюк. Интервью с Завгаром	63
Д. Скирюк. «Утопии сегодня невозможны».	
Интервью с Сергеем Синякиным	64

ХРОНОСКОП

С. Синякин. Реквием по книгам детства	66

ТАМ-СЯМ-ИЗДАТ

Рецензии на новинки фантастики	68

www.sf.perm.ru/lavka.html

Издатель и редактор:

Вячеслав Запольских,
lavkafan@mail.ru.

Ответственный секретарь:

Александр Лукашин,
<http://sf-enc.narod.ru>.

Верстка:

Оксана Никифорова.

Художники:

Олег Иванов (обложка),
Дмитрий Землянин,
Владимир Колышкин.

Адрес для переписки:

614039, Пермь,
Комсомольский проспект, 63—9.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция не берет на себя обязательств по рецензированию всех присланных книг.

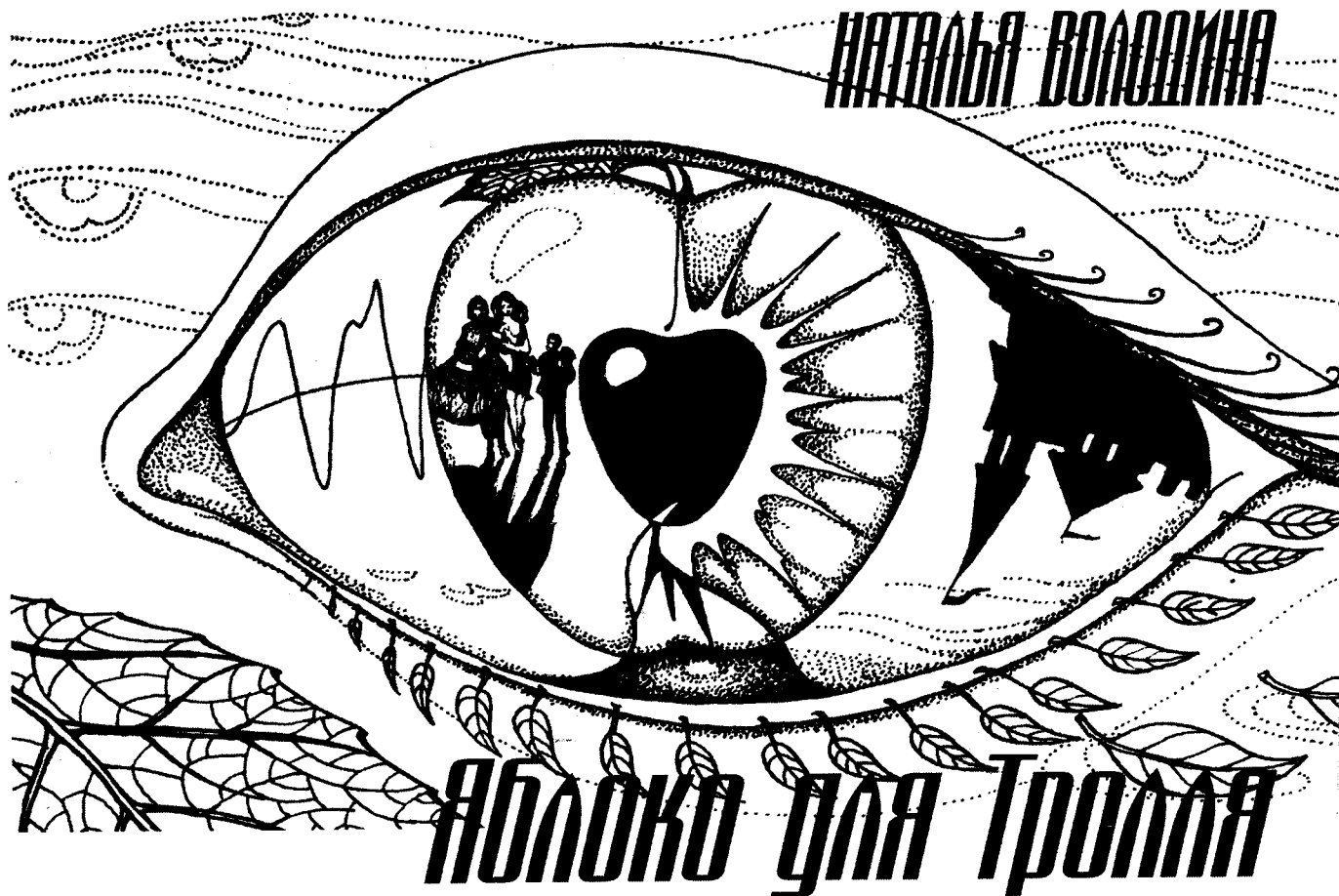
Журнал зарегистрирован 25 ноября 1997 г. в Уральском региональном Управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ в средствах массовой информации. Свидетельство №Е-2377.

Тираж 300 экз.

Цена свободная.

© «Лавка фантастики», 2001.

НАТАЛЬЯ ВОЛОДИНА

35

— Эдик, погоди стучать. Здесь нужен другой ритм, разве ты не чувствуешь?

Подхожу, беру палочки, показываю рисунок. Он кивает, повторяет, доводит до нужного темпа. Мы, остальные, пока он разучивает, выходим в буфет чаю попить, кричим сквозь грохот: «Догоняй!» Через полчаса, удивленные его отсутствием, возвращаемся. Эдик четко выводит на барабанах новый ритм, бесконечно повторяя одну и ту же фразу. Лицо бессмысленно, глаза остекленели, в углах рта — пена. Вырываю палочки, бью по щекам, даю водички. Он приходит в себя, плачет. Да-а...

— Ладно, Эдик. Играй-ка ты лучше по-старому.

36

В коридоре затопали отец и Геничка. Что-то быстро нагулялись.

— Мамочка! Смотри скорей! — ликующий сынуля влетает в комнату в шубе, в валенках и в снегу, и бросает на пол зверя. Зверь ошестинивается крыльями и злобно орет: «Карр!» Геничка скачет вокруг бродячей твари, визжит в аффекте, бьет в ладоши — радуется. Ворона выскакивает из описываемого им круга, прыгает ко мне, клюет в тапок. От неожиданности верещу и лезу на стол. Птичка смотрит снизу, раскрыв клюв, шипит. Вурдалак, а не животное.

— Мамочка, она будет жить у нас, — безапелляционно заявляет новоиспеченный вороновладелец. — Ее собаки ели, мы с дедом отбили. У нее крыло сломано, надо лечить. Дай таблетку!

— Фиг, — отвечаю. — Сначала посади ее на цепь, надень намордник, а то так и буду целый день сидеть, не слезу.

— Геничка, лапочка, — заискивающе просит бабана, устроившаяся на спинке дивана, а это при ее комплекции непросто, — убери птичку.

— Сначала дайте слово, что ее можно оставить.

— Честное пенсионерское! — клянется бабана, цепляясь за обою.

— Клянусь носками деда! — отзываются я со стола.

Окончание. Начало в №1 (9) 2001.

Дед гнусно хихикает в коридоре. Геничка бесстрашно подходит к зверюге, спокойно берет ее под мышку, уносит и запирает в туалете.

— Геничка! — стенаю я. — Я писать хочу!

— Потерпишь, — твердо заявляет сын. — Сначала мы с дедом ей ящик сколотим. Кстати, зовут ее Крак, она так сказала.

37

Перед выступлением. Долли, Кэт и я в гримерке. Звезды переодеваются, я, примостившись на ручке вращающегося кресла, травлю байки про геничкину ворону:

— ...Кормит сырым мясом, кладет с собой в кровать, на подушку, на прогулку тварь ездит у него на плече. Такая любовь! Одна неприятность — в садик птичку не пускают, так она приспособилась на улице ждать...

На этих словах Долька с воем кидается ко мне, глаза безумные, морда перекошена. Сшибает с насеста на пол, падает сверху и сжимает на манер шимпанзенка, месяц не видевшего мамку — руками и ногами. Ее колотит.

— Долька, у тебя что, воронофобия? Так бы и сказала, — бормочу сквозь ее волосы, забившиеся в мой открывшийся от неожиданности рот, вытаскиваю откуда-то снизу руки, глажу все, до чего достаю. Долька, наконец, разжимает судорожно стиснутые зубы, мотает головой, стонет:

— Не застегивается...

— Ну-ка слазь, сейчас разберемся.

Сидим на полу. Верх ее концертного костюма представляет собой френч с двумя десятками пуговиц. Шея Долли распухла в последнее время за счет разросшихся лимфатических узлов, ворот не сходится. Оставить его раскрытым нельзя, это конструкцией сего шедевра не предусмотрено.

— Катюха, ножницы есть?

— Маникюрные.

— Сойдут.

Сгребая шикарную рыжую гриву, задираю кверху, стригу поперек стоячий воротник пиджака и далее — по спине. Получается довольно аккуратно. Кэт ахает:

— Знаешь, сколько он стоит?

— Неужели! — огрызаюсь я, освобождая долькины кудри.

Они резво ссыпаются вниз и уверенно скрывают разрез. Спокойно застегиваю пуговиц.

— Еще проблемы?

— Порядок, — отвечает Долли и смущенно улыбается. — Не ушиблась?

— Ни за что! — гордо возвещаю я, растирая болящую «туловище».

38

Поздно вечером расходимся по домам после записи очередной песни. Басист Пашка Загоняев остается в студии, тащит из угла спальник. Интересуюсь:

— Ты что, тут теперь живешь?

— Да, понимаешь, такое дело, — шепчет он почему-то виновато, — жена попросила. Говорит, за детей боюсь. Вот умрет ваша Долли, ты проверишься и вернешься, мы тебя любим и ждем. — Он добавляет, — Мне без «Бергамота» никак, и за семью страшно. Ты смотри, Долли не ляпни, она думает, с женой-то я поругался.

Уж как-нибудь не ляпну.

Однако ну и Пашка!

39

— Лена!

Мы с Махмудом лежим на кровати у него дома.

— Да, милый?

— Когда мы, наконец, поженимся?

— Осенью.

— Я не могу ждать осени, я хочу, чтобы ты была со мной уже сейчас.

— Я с тобой, — глажу его по щеке.

— Не так! Чтобы ты жила в моем доме со своим активным сыном, готовила ужин, разбрасывала везде юбки и колготки. Хочу просыпаться по утрам и нюхать твои волосы, раскинувшиеся по моей подушке. Я люблю тебя, Лена.

— Махмуд, — говорю я осторожно, — посмотри на меня внимательно.

Он приподымается на локте и послушно обзеревает открывшиеся с высоты просторы. Продолжаю:

— Ты видишь белокурые, — да черт с ними! — хоть какие-нибудь локоны, гибкий стан, пышную грудь, длинные стройные ножки?

— Нэт, — честно отвечает он.

— Не за что тебе меня любить. Ты не люби, а? И все будет в порядке, осенью сыграем свадьбу, нарожаю Геничке чернявых братиков...

— Люблю! — упирается он и бросается целовать во что попало.

Выпутываюсь из его рук, одеваюсь и убегаю. Прощай, Махмуд, я тебя предупреждала. И прости.

40

*Дурачок свистит в свисток.
С неба падает листок.
На востоке есть восток.
Дурачок свистит в свисток.*

*С неба падает листок.
Бедный ржавый водосток —
мокрый ветер так жесток.
С неба падает листок.*

*Где тут запад, где восток?
Дурачок свистит в свисток.
Жметесь щупленький кусток —
мокрый ветер так жесток!*

*Дождь не хочет в водосток.
Мысли робкий лепесток:
Где-то должен быть исток...
Дурачок свистит в свисток.*

Дурачок свистит в свисток...

41

Мне снится.

Помещение. Далеко ли стены и потолок — не чувствую. Может быть, их нет. Это помещение от слова «помещать». Мы тут вдвоем — я и высокое мрачное зеркало. В него нужно смо-

треть, таков порядок. Справа и слева жмутся к ногам две свечки. Другого света нет, и ничего больше нет. Только я и мое напряженное отражение. Стою и гляжу себе в глаза. Где-то в них, внутри, то, за чем меня послали сюда. Я вижу на дне их ветер, пыль, бесконечные вереницы лиц, крошечные звездочки мыслей, не рожденных желаний, кочки запретов, вездесущую паутину страхов... Стоп! Вот оно. Вглядываюсь. Оно замечает меня и резко бросается навстречу. В панике разворачиваюсь, рвусь обратно из глубины, но поздно — оно накидывается сзади на плечи, обнимает нежно, впитывается через кожу. Оно во мне.

Вот я уже снаружи, перед зеркалом. Отражение начинает плыть, плавиться, я-та теряю человеческие черты, раздвигаюсь в стороны, становлюсь огромной, безобразно огромной, лицо исчезает, вместо лица — чернота. Я-та смеюсь, от звука зеркало лопается, и я-эта вместе с ним. Меня больше нет. Те, кто ждали снаружи, вбегают, падают ниц и молятся новорожденному существу. Хэпши энд.

42

— Мама спит. Давай поговорим, птица Крак.

— Всегда к твоим услугам.

— Как думаешь, она догадывается?

— О, да! И бежит от этого со всех ног.

— Не понимаю. Это же так весело!

— Она боится.

— Чего?

— Перемен, ответственности, мало ли чего.

— Но ей придется! Выбора-то нет. Может, помочь?

— Пока не стоит. Время есть.

— Время тварь лживая, не заметишь, как обманет.

— И все же подождем. Лучше, если она справится сама.

Открываю глаза: лицом к окну стоит Геничка, на его плече сидит ворона. Схожу с ума?

43

Стряпаю пироги. Геничка кричит из комнаты:

— Мамочка! Тетю Долли показывают!

Вглядываю в гостиную: по телевизору идет очередной «ток», паренек-ведущий сыплет общие слова об R-вирусе, в студии за столиком в качестве живого экспоната — моя Долька. «Прошу задавать вопросы госте», — заканчивает бой. Устраиваюсь на диване. Интересно, что это еще за стрип-шоу? Послушаем.

— Вас волнует дальнейшая судьба группы?

— Нет. Они не пропадут.

— У вас есть мечта?

— Хочу лежать в Мавзолее.

— Это правда, что вы решили заморозить мозг?

— Кому нужен мой мозг? Я бы заморозила голосовые связки, если б была возможность.

— Во что вы верите?

— Не знаю. Может быть, в одного человека.

Показывают крупным планом лицо. Под толстым слоем косметики надежно прячутся долькины эмоции. Прочесть ничего невозможно. Камера отъезжает, не вижу ее рук, они под столом, похоже, пишет что-то на коленях.

— У меня тоже R-вирус. Наверняка у вас возникли проблемы с половой жизнью, предлагаю себя в любовники.

— У меня проблемы просто с жизнью

— Хотите что-то сказать человеку, который вас заразил?

— Ему уже апостол Павел все объяснил.

— Долли, какую книжку вы сейчас читаете?

— Красную. Все-таки приятно быть в компании.

— Что вы посоветуете молодежи?

— Стерилизацию.

— Как не стыдно! Зачем вы ее показываете на всю страну? Сидит тут, гордится, по телевизору выступает. Обычная шлюха, это у них профессиональный риск, в нагрузку к баксам...

Не договорил, микрофон отобрали. Брызжет слюной, как лейка, соседи утираются.

— Иди сюда, милый, бесплатно обслужу! — Долька вскакивает, обрывает пуговку микрофона, с колен сыплются на пол листочки. Лезет по головам наверх, обыватели шарахаются, кое-кто одобрительно свистит, владелец высоконтрастного soprano срочно вспоминает, что забыл выключить свет в сортире, и утекает. Камера наезжает на разбросанные по полу студии листочки. Крупно, во весь экран, — красный слон. Подлец, Самсонов! Враг бежал, Долли возвращается вниз, берет у ведущего микрофон:

— Послушайте, вы! Надоели дурацкие вопросы. Это ведь

меня сюда пригласили, не вас. Вы сами явились, значит, узнать что-то хотели. И пришли на встречу с больной R-вирусом, а не с заслуженной гимнасткой или умирающей сердечницей. Почему же вас интересует, что я читаю, есть ли у меня мечта? Черт дери, спрашивайте по существу! Чего вам хочется? Остренького? Грязенького? Как я заразилась? Много трахалась! Боюсь ли умирать? Писаюсь по ночам от страха! Почему тут раздеваюсь перед вами? Думаете, перед смертью славы захотела? Да насрать на нее! Я денег хочу заработать! На шикарные президентские похороны: чтоб гроб с позументом и открытые лимузины с оркестром Чагiani. Найму статистов, будут изображать скорбящие толпы поклонников. Проеду на руках по всей Москве. Машина у меня есть, шуба соболья не нужна — до следующей зимы не дотяну. А похороны — это да! У вас таких не будет.

Долька бросает микрофон пацану-ведущему и выскакивает из поля зрения камер. Шоумен бойко трещит мораль. Ах, ты, Самсонов, лысая лисица, трюкач рекламный! Быть Катюхе вдовой. Звоню Долли — трубку никто не берет.

Вечером она звонит сама.

— Ну, как тебе?

— Долька, какого хрена ты на это подписалась?

— Не подписалась, а вызвалась. Хочу успеть новый альбом в руках поддержать. Знаешь, сколько денег в него надо вбухать? Не журысь, обычная реклама.

— Все равно убью Самсонова. Ради удовольствия.

— У меня пятнадцатого День рождения, приезжай, заодно и убьешь.

— Что тебе подарить?

— Придумай!

44

*Одичалые вены дорог,
погодите, не рвитесь!
Может быть, разматает клубок
заблудившийся витязь?*

*Он бежит и бежит в никуда —
только б снам его сбыться.
Он встречает Любовь иногда
лишь затем, чтоб проститься.*

*И Любовь умирает одна
на обочине грязной.
Вновь и вновь наступает весна
чередой неотвязной.*

*И однажды Любовь оживет,
чтобы ждать и молиться...
Через тысячу лет он придет,
скажет: «Дай-ка водицы».*

*На дороге оставит копье,
выпьет за возвращенье,
поцелует в ладони ее
и попросит прощенья.*

45

Прилетаю в Москву заранее, вечером четырнадцатого апреля. Сюрпризом. К тому же, план убийства гада Самсонова, разработанный Геничкой, надо прикинуть на местности, а это требует свободы маневра. Открываю двери в долькину квартиру (код мне известен), в прихожей посторонние одежды — у Долли гости. Забавно, обычно она никого не впускает, кроме меня и Катюхи. Тихонько раздеваюсь, прохожу в гостиную — сидят лицом ко мне на софе мамочка и отчим. Меня пока не замечают, Долли тоже меня не видит, она в кресле, стоящем спинкой к дверям. Родственнички пялятся друг на друга и молчат. Между ними — небезызвестная каталка имени братьев (или чего похуже) Синих, утыканная посудинками. Все ясно: Долли впала в амплуа хозяйки дома. Мамочка краем глаза зрит-таки постороннее шевеление, вздымает очи, утыкается в отвратительно знакомую физиономию. Даму неэстетично передергивает. Я раскланиваюсь:

— Добрый вечер, Аморилада Глебовна, Лев Панкратович.

Долька визжит, катапультируется из кресла, прыгает на меня. Падаем на пол.

— И тебе привет, — добавляю задушенно, но вежливо. — Ты слазить собираешься?

— Нет. Плати выкуп. Где мой подарок?

— Ничего не знаю. День рождения завтра — и подарок завтра. Заранее не дарят.

— А мне дарят. Мама, например. Давай, а то не отпущу.

— Ничего не выйдет. Я его специально в камере хранения оставила, в аэропорту. Завтра заберем.

— Хоть скажи, что это? — Долли разочарованно скатывается с меня, подымается, подает руку.

— Сама не знаю, — отвечаю я, почти не покрывив душой. — Вручу — ты и разбирайся.

Долька усаживает меня в кресло, втискивается рядом, обнимает, кладет голову на плечо, гладит мое колено. Мамочка силенок, но терпит. У отчима бурчит с голодухи под полосатым пиджаком — у Дольки не развешься. Рушу стену молчания:

— Надо же! Вломилась на семейный праздник, расстроила идиллию. Как там? Традиционный именинный пирог, бутылочка винца, трогательные сюрпризики, добрые лица любящих родственников и прочая пасторальная чушь? Покорнейше прошу простить!

— Долли! — шипит мамочка, — уйми свою... Лену? или как ее там...

— Отнюдь! — перебивает Долли, отвечая мне. — Две любящие пары, дети и родители за одним столом — что может быть прекраснее? — Она принимается целовать мою шею, ухо, нос и прочие детали организма, не имеющие слизистой оболочки. Это, конечно, нарушение договора, но я молчу — надо так надо. Отчим кривится, Долька довольна.

— Что, Левушка, не уважаешь женскую любовь?

— Какой он тебе «Левушка»! — заводится родительница. — Не смей так говорить, развратная девчонка, он тебе в отцы годится!

— Ах да, Лев Панкратович, совсем забыла, мамуля-то права — не имею я права Левушкой вас называть, не переспала я с вами, пока здоровенькая была. А теперь уж вы не захотите, побрезгуете. Ну да ничего страшного, зато остальные успели, не погнушались.

— Какие еще остальные? — дергается мамочка.

— Как! Ты уже их забыла? Иван Петрович, Ванечка то есть, потом Колюня и предпоследний твой шедевр — Аркаша Перепугов, все обожаемые папочки, кроме неизвестного мне родного.

— Что ты несешь?! Да тебе десять лет было, когда мы с Иваном Петровичем развелись!

— Неужели? Значит, я со младенчества такая развратная. Конечно — артисточка, богемочка малолетняя. Развратила к чертям твоего Ванюшу, а ты, бедняжка, как раз в нервном санатории лежала, не подозревала, что тебе рога наставили. Помнится, Иван Петрович меня на кровать аккуратно так уложил на спинку, под попку — подушечку, ножки раздвинул и откупорил, да неудачно, кровички много было. Хорошо, что он доктор, сам справился. А то пришлось бы тебе передачи в тюрьму носить. Правда, я ему, кажется, не понравилась — больше он меня не трогал, только все просил тебе не говорить, мол, мамочке волноваться вредно, умрет, мол, тогда мамочка. А с остальными папочками я уж по собственной инициативе трахалась. Из любопытства: ужасно интересно было, что ты в них нашла? Так и не поняла. Потом они, конечно, об этом жалели, у меня много к ним просьб появлялось. Да поздно — иначе я ведь могла и тебе рассказать, а то и — не приведи Господь! — прокурору. Вот Льва Панкратовича упустила, ты уж, Левушка, прости, не до тебя было. А ты, мамочка любимая, спасибо за Леву скажи, а то сейчас втроем бы в очередь на кладбище стояли. Да! Тебе же тоже спасибо полагается, за подарок. Босоножки модные, дорогие. Если до лета не доживу — обратно заберешь, износишь за упокой.

Долька высказалась и вновь уткнулась в меня — целовать. Мамочка почему-то забыла про сердце, в обморок не падает. Сидит молча на софе, ста-арая-а... Потом ее пробивает:

— Ты... всю жизнь мою изломала, подлая, грязная, неблагодарная сучка. Я старалась для тебя, таскалась на репетиции, концерты. Как я переживала, когда первое место не тебе дали, а этой толстухе! В больницу попала! Переписывала ноты, гладила костюмчики... Тостер твоему руководителю подарила на День клубного работника, чтоб он тебя не затирал! Я была хорошей матерью, правда, Лева?

— Ты забыла упомянуть, что любила меня, — отвечает вместо него Долли. — Все, банкет закрыт. Гости выметаются по домам.

Аморилада Глебовна и промолчавший доступный моему вниманию кусок вечера Лева послушно поднимаются и уползают в логово заливать душевные раны. Долька идет в туалет блевать, потом мы пьем чай с блинами. На этот раз у них есть ротик.

— Долька, сейчас одиннадцать. Ты когда завтра родилась?

- В два часа ночи.
- Поехали в аэропорт за подарком? Как раз к двум доберемся.
- Поехали!
- Срываемся, скатываемся по лестнице, начав на лифт, машина у подъезда, мчимся, добрались, стоим у нужной ячейки, ждем двух.
- Долька отвернись! Повернись! — команду я.
- Долька крутится, счастливо смеется и прижимает к себе здоровенную, мягкую, кремовую зверицу несуществующей разновидности.
- Кто это?!
- Геничка сказал, зовут его Титус. А порода? Сама видишь — мутант. Помесь мыши, медведя панды и кофе с молоком.
- И тебя. Спасибо.

46

Лежу и сплю, как уродка, а уже день давно, а у меня вагон дел... Солнышко царапает веки, скребется, просит впустить. Открываю глаз, второй, рот, зову:

- Долька! Ты дома?
- Дома!
- А где дома?
- На кухне дома!
- Что меня не будишь?
- Спи давай, хоть здесь отдохнешь! В вашем Малом Сургуче на тебе, видно, рельсы возят, худая стала и черная. Как бегемот после сафари!
- Не ври! Я ужасно красивая!
- Съезжаю с кровати, плечусь на кухню. На паркете сидит Долька, азартно, прядь за прядью, отрезает роскошные кудри большими портновскими ножницами. Рыжая куча на полу подрастает, шевелится недовольно от резких долькиных движений.
- Они что, покушали тебя ночью?
- Выпадают. Лезу, как облупленная кошка. Чиститься надоело, — объясняет она. — Я парик купила, такой же рыжий. Показать?

Долли встает. Обрезки волос ссыпаются с плеч. Через южное окно в спину ей светит апрельское солнце. Сейчас она еще больше похожа на одуванчик. Только на облетевший, и с ушками.

47

*Вечер кончается,
весна догорает.
Боженька спускается,
меня обнимает:*

*«Что, устала, доченька,
по земле плестися?
Хочешь этой ноченькой
ко мне вознестися?»*

*Не грусти, красавица,
завтра быть лету...»
Утро начинается,
а меня уж нету.*

48

- Ленка, такое дело, — звонит Катюха из Москвы, мнется, — Долли сорвалась.
- В больнице? — куда-то проваливаюсь.
- Да нет, как раньше: сидит дома, пьет. Работа стоит, концерты горят. Не знаю, что делать. Ты бы приехала, а? Илья бесится, ребята на нервах.
- Не темни, Катюха! С чего бы ей срываться? Я ж неделю как от нее, Долли как Долли, ненормальная, конечно, но это входит в образ. Что случилось?
- Да это все после того ток-шоу пошло, помнишь? Про Р-вирус.
- Помню-помню! У меня к твоему Илюшеньке счетец неоплаченный имеется по этому поводу.
- В общем, у нее неприятности начались. Подонки разные цепляются, соседи шарахались. Какие-то идиоты митинг во дворе устроили за чистоту расы. Она не рассказывала?
- Мы с ней на такие темы не разговариваем.
- Да-а?! А на какие разговариваете? Про погоду? — Катю-

ха вдруг завелась. — Что ты вообще про нее знаешь? Сидишь в своем Малом Сургуче, а Долли здесь одна бьется. Явишься — гостя великая, Елизавета Английская! Долли счастлива, пару дней летает: все может, все получается! Тебя нет — она тусклая, больная. Сколько раз с концертов на скорой увозили? Врач постоянно за сценой дежурит. Я стараюсь помочь, да она тебя в солнышки выбрала, от меня ей не греется! Лучше б ты совсем не ездила, чем так!..

Плачет в трубку.

— Кэт, послушай! Не реви. Я не оправдываюсь. Наверное, виновата. То есть, конечно, виновата. Со всех сторон: и перед Долькой, и перед семьей. Ладно, это мои проблемы, ты права. Спасибо тебе. Ты молодец. Я приеду. А теперь вытри быстренько сопли и объясни, что конкретно случилось. Знаешь, какой счет вам пришлет телефонная компания? Давай, я слушаю.

— Нечего особенно объяснять. Мы в клубе выступали, жарко было. Устали, нервничали. У Долли от напряжения рвота началась, прямо на сцене. И еще кровь носом пошла. Публика завизжала, в штаны наложила. Стали вопить, что Долли всех заразит, что ее изолировать надо. Побежали из клуба, как тараканы. Ей полущее стало, домой поехала, в больницу не захотела. Так дома и сидит с тех пор, четыре дня. Трубку не берет. Я к ней сходил, хотела поговорить. Она открыла, пьяная, в руке бритвочка. Говорит, уйди лучше, а то полосну по пальцам и в глаза брызну.

— Ты и ушла?

— Не ушла бы, да она полоснула. Горсть крови набрала и стоит, улыбается: «Хочешь со мной?» Я заревела, на площадку выскочила, вниз побежала. А она кричит из дверей: «Счас догоню!» и хохочет.

Я предстала, как разряженная Катюха на огромных каблучках скатывается по крутой лестнице, а моя Долька свистит сверху и улюлюкает: «Ату ее!», и чуть не фыркнула в трубку, но сдержалась. Жутко это было, а не смешно.

— Когда это случилось?

— Во вторник. Может, она уже умерла там? — Катюха снова завсхлипывала.

— погоди ты! У нас договор — когда умирать будет, я ее за руки подержу, чтоб ей не так страшно было. Долька договоры соблюдает, раз меня нет — не умрет, дождется.

— Может, тебе лучше тогда совсем не приезжать? — съязвила Кэт.

— А вот это фиг. Я все равно завтра в Москву собиралась, отпуск на работе оформила.

— Значит, зря я на тебя наехала?

— Ничего и не зря. Об одном жалею — надо было пораньше и танком.

...Бедный папа! Не видать тебе Рембрандта...

Чему ж я не сокол? Летала б бесплатно.

49

Снова Москва, грязная, шумная. Кто бы знал, как я ненавижу эту тварь! Она мне представляется монстром, вампиром, присосавшемся к ни в чем не повинной и ничего не ведающей, по-детски наивной России. Москва проталкивает жадные шупальца дальше и глубже в податливое тело страны. В каждой, самой крохотной домишке торчит на почетном месте голодный отросточек: обаятельный, открытый, зубастый, сосущий роток — телевизор. Он льет и льет в души сладкий дурман изощренной бредятины, отупляет, отучает наблюдать и думать, манит надежностью определенности и ложной любовью, сочиняет нам жизнь, а взамен вытягивает энергию, силу и свободу. Острые, упрямые корешки полуправды легко вспарывают дряблую кожуцу старинных верований и обычаев. Чудесное, настоящее и стоящее уходит рука об руку в прошлое. По сонным улицам селений тупо бродит несуществующее, но агрессивное и наглое Придуманное. Москва разбухает, жиреет и чтит себя благодетельницей.

А еще я ненавижу этот город за то, что здесь обижают мою Дольку.

Во дворе долькиного дома новые элементы дизайна: похуже на увечных пауков хромоногие транспаранты, светящиеся надписи гнусного содержания на деревянных сооружениях детской площадки. Стены подъезда загажены листовками: «Здесь живет вирусаноска», «Очистим Москву от мрази», «Не забудь пригласить на похороны — обожаю вечеринки» и тому подобные извращения воинствующего идиотизма. Подхожу к долькиной квартире. Уже на площадке меня встречает ужасная вонь: характерный запах больного человеческого тела, обслуживать которое хозяин перестал. Трупом не пахнет — на том спасибо.

— Заходи, не запрето! — слышен из-за двери хриплый голос.

Толкаю ее, стараясь не измазаться: дерматин извожен какой-то пакостью. Не то деготь, не то что похуже. Заглядываю. Почти впритык к дверям, только-только чтобы дать им возможность открыться, откинувшись на стену, в луже человеческих выделений и засохшего вина полулежит Долька. Лицо распухло, губы в коростах, глаза не фокусируются. По полу разбросаны длинные ноги и пустые бутылки. Она глядит на меня (вернее, пытается глядеть) и улыбается.

— Как ты долго! Жду, жду, все выпила, сижу трезвая, как дура.

— Катка позвонила, я сразу вылетела.

— Позвонила Кэт? Забавно. Она тебя не жалует. Погоди, не проходи, тут грязно очень. Хотя, как это — не проходи? Наоборот, забирайся сюда скорее, только обувь не снимай. Перчатки взяла?

— Вот, — достаю перчатки, халат, резиновый фартук.

— Вымой меня, ладно? Что-то я раскисла.

Переодеваюсь, помогаю даме подняться. Удалось! Обнявшись, плетемся в ванную, стараясь не поскользнуться и не рухнуть: пол уделан основательно. Добрались. Пускаю теплую водичку, пытаюсь Дольку раздеть. Как бы не так! Блевотина на одежде засохла. К тому же Долли мучил понос. До туалета дойти она не смогла, а, может, не сошла нужным. Теперь вся эта кака надежно спаяла одежду с кожей. Пытаюсь оторвать — Долли шипит от боли.

— Ну-ка лезь в ванну так. Отмачивать будем.

Загружаю ее в емкость, поливаю из душа.

— Что морщишься?

— Шипит.

— Сейчас, уже почти отклеилось. Вот, можно снять. Куда это?

— Выбрасывай сразу в ящик, у меня тряпок много.

Складываю грязную одежду в контейнер. Принимаюсь непосредственно за Дольку. Всегда худенькая, теперь она просто скелетообразная. Кожа туго обтягивает кости, к тому же она в мелких ссадинах и гематомах. Кое-где экзема и язвочки. Стриженные волосы на голове местами выпали совсем, образовался рельеф: лысинки озера и нетронутые массивчики лесов. Шея распухла. Неделю назад это был еще человек.

— Ленка, — Долли задирает кверху мокрую пятнистую рожицу, — ты ведь не уедешь больше, правда? Я уже совсем не могу без тебя.

— Не уеду. Видела, какая у меня сумка? Огромная! Туда все-все шмотки влезли, книга скандинавских саг и горнолыжные ботинки.

— И ведро перчаток.

Долька вылавливает из воды мою руку в перчатке и целует мыльную резину. Щекой прижимаюсь к ее плешивой макушке. Я больше не уеду, не бойся хотя бы этого.

После помывки почти отношу ее на кровать. Там, заботливо укутанный одеялом по самую развеселую в мире морду, расположился Титус. Постель, как ни удивительно, чистая. Под простыней шуршит клеенка. Долли уstraивается рядом со зверем, глядит нежно, чешет за ухом, шепчет: «Соскучился, малыш?» Титус глупо улыбается — рад.

— Погоди обниматься. Дай-ка я тебя смажу сначала.

Обрабатываю ранки, кое-что приходится забинтовать. Долька держит Титуса за лапу, терпит. По окончании процедуры спрашиваю:

— Наденешь что-нибудь?

— Не стоит. Так тебе удобнее будет, возни меньше. И стираю.

Опять переодеваюсь. Долли, обхватив пушистого мутанта, следит за мной. Даже через одеяло видно, какая она тощая. Надо попытаться ее накормить.

— Есть хочешь?

— Да меня рвет постоянно. И дома шаром покати.

— Там, где есть я, еда всегда найдется.

— Блины с дырками от Генички?

— Нет, суп от курочки. А от Генички несъедобный привет.

Куриный суп любишь?

— Люблю. Только все равно вырвет.

— Пусть попробует! Не отдадим, — вынимаю из сумки средних размеров канистру, — Надо подогреть, остыл по дороге, — отправляюсь на кухню.

— Ты куда?! — Долька дергается, пытается встать. — Я с тобой! — сползает на пол, заваливается. Бросаю судок, поднимаю ее, складываю обратно, сажусь рядом, успокаиваю:

— Что скажешь, как кенгуру на ринге? Думаешь, в двух комнатах заблужусь?

— Я должна тебя видеть, — она в панике.

Мухи на брюхе! Достаю паспорт, открываю страницу с фотографией, сую ей под нос.

— Это я?

— Ты.

— Смотри сюда и считай вслух до двадцати. Принесу кастрюльку и тарелки с ложками. Подогреем тут, у меня кипятильник есть. Идет?

— Один, два, три... пятнадцать! — она облегченно передыхает, увидев в дверном проеме нечто, идентичное изображению в паспорте и увешанное посудой.

У меня здесь свои: чашка, тарелка, стакан и прочее. Хозяйка никогда не пользуется ими на всякий случай, хоть я и говорю ей, что это ненаучно. Она не очень — то жалует науку. Подогреваю суп, чай, кормлю Долли с ложки, у нее руки дрожат от слабости.

— Тошнит?

— Нет, — смотрит удивленно.

— Давай, я в коридоре прибору. Запах не гастрономический.

— Просто закрой дверь плотнее и падай рядом. Будешь сказку рассказывать, — она подвигает игрушку, переползает на середину широкой кровати. — Ложись поверх одеяла, а то из меня разная отравка сочится.

— ... В некотором царстве...

— Нет! Не эту. Про Тролля. Помнишь, как он встретил А? Я все думаю: что-то там не так в этой сказке. Не могла А уйти. Может, ты конец с другой сказкой перепутала?

— Наверное. Или она просто пошла прогуляться, а вернуться не удалось, кто знает? Я новую историю про Тролля расскажу, хорошо? Через много-много лет, в средние века, он в очередной раз нашел свою А. Теперь ее звали Адель, и им обоим было уже совершенно ясно, что она Душа Тролля. Старухи не солгали юной рыжей дикарке, в древнем предании имелось зернышко правды. Итак, в маленьком, недавно народившемся вокруг герцогского замка городке ремесленников и торговцев Корде, что на юге Франции, жили — поживали искусный кузнец Пьер и его жена, высокая, гибкая веселая Адель. Их скромный домишко стоял недалеко от городских ворот. Снаружи казался он не особенно уютным, да и изнутри был темноват и холодноват, но даже в самую мрачную или квелую погоду полыхали там ярче солнца и грели Тролля огненные кудри хозяйки...

Долька внимательно слушает, дышит хрипло. У нее жар. Через все проложенные между нами тряпки пробивается и жжет меня ее боль. Надо завтра попросить у Айболита морфин. Ее, конечно, пора положить в стационар, но я пока не могу. Не могу!

50

«Хватит, пожалуй!» Невысокий, но жилистый и ловкий Пьер клещами вытащил из горна кусок раскаленного докрасна железа, шмякнул его на наковальню. Застучал-забухал-затюнькал молоток, придавая форму будущему лемеху.

В незакрытые по летнему времени двери кузни влетела Адель. Одета она была вполне по моде того века: в полотняную белую камизу — рубашку, сверху — в тунику-котту с длинными узкими рукавами и тунику-сюрко, подпоясанную по бедрам поясом. Рыжие кудри А полностью спрятались под белым круглым платком с отверстием для лица. Адель пару секунд с удовольствием наблюдала за пьеровой стукотней, потом по-разбойничьи свистнула. Отшвырнув молот с клещами, кузнец кувыркнулся в воздухе, оказавшись лицом к «врагу». Шерсть на голове встала дыбом, зубы оскалились. А захихикала:

— Обожаю прытких мужчин! Повторить можешь?

Тролля обиженно засопел:

— Вся работа насмарку! — он выудил откуда-то погнувшийся лемех, сунул обратно в горн. — Чего пришла-то?

— Да там этот опять, я видела, на заднем дворе со щита герб отковыривает, чтоб повод был зайти.

— Кто — «этот»?

— Корнеплод какой-то, кажется.

— Наверное, Свеклольд.

— Точно!

— Заказ готов, тащи сюда коробку.

— Уже принесла.

Адель выкопала в плетеной корошке нужный кусок пергамента с мадригалом и пометкой «для Свеклольда» и пожала плечами:

— Не пойму никак, зачем идти в трубадуры, если стихов писать не умеешь?

— Нам-то что? Платят — и прекрасно.

— Вон он топочет! — А юркнула в угол и приняла пристойный вид, подобающий жене уважаемого ремесленника.

В низенькую дверь кузни втиснулся великолепный трубадур. О! Он пленял. Весь в шлеме, весь в кольчуге, весь в плаще. Ноги восхищали обывателей ярчайшими, супер-стильными, самыми красивыми в мире штанами. Испачканными навозом. На поясе болтался меч в ножнах. В руках рыцарь гордо держал покалеченный щит и обиженный расставанием с ним герб: двуглавого беременного козла в туфлях. Внеся данные предметы в помещение, сиятельный воин изрек:

— Повелеваю: почини!

Его блудливые глаза обмырнули кузню, наткнулись на скромницу А, и он завел:

— О, это был великий бой! Я стрелой скакал навстречу чудовищу на могучем Брыкунсе, подлый дракон рыгал огнем, скреб землю когтями и испражнялся со страха. Мой огромный меч снес его богомерзкую голову, но как раз в сей торжественный миг победы коварный выродок откусил герб с моего щита. Такая досада! Пришлось освободить герб из зловонной пасти и направить в ближайший город к кузнецу. Не могу же я припасть к туфлям возлюбленной в столь неполноценном виде!

— Значит, навоз на ваших штанах принадлежит дракону? — спросила, чуть дыша, хозяйка.

— Ему!

— Ах-х! — Адель восхищенно закатила хулиганские очи почти под платок.

— А какие стихи я посвящаю своей даме сердца! — распутился клиент.

«Готово?» — шепнул он Троллю. Тот молча сунул листок и забрал изуродованный доспех — чинить. Рыцарь подкатил чурбан, взнес на него правую ногу, припал к листку и завыл:

*О, Лаврампия, дева! Красы незакатный рассвет!
Твоя прелесть превыше лазури палаты небесной!
Возгорелся в глазах моих верность вечный завет
расчудесный!
Я жую, и пою, и воюю во славу Твою,
о, прекрасней любви! алмазней сверкающей броши!
Сладкой негой стиха с головою тебя оболую
и дракона убью,
и другого дракона убью,
и вообще, я весь род их противный на мах перебую,
обрати только взор на простую персону мою —
я хороший!*

Адель захлопала в ладоши. Рыцарь, стоя одной ногой на чурбане, поклонился, пал, крихтя, поднялся, принял прежнее положение и завыл сначала: «О, Лаврампия, дева!..»

Тут он вдруг икнул и застыл с открытым ртом. Думать он не умел, но пытался. Беспомощные извилины трепыхались, корчились в конвульсиях, бестолково бились изнутри о шлем. Шлем звенел. Хотя нет, звенел молоточек Тролля, приколачивающего герб на место. Процесс думания закончился, вопреки ожиданиям, и трубадур заорал на кузнеца, тряся пергаментом:

— Подлый, жалкий писака! Червякоподобный отросток пятой конечности вепря! Недоношенный крол! Мою даму сердца зовут Магридия! Прекрасное, сиятельное, любвеобудительное имя! Какая еще такая гадкая Лаврампия? Не хочу мерзкой, тошнотворной уродки Лаврампии! Пусть сожрут ее драконы Черного ущелья! Пусть вывалится из окна замка эта глупая старуха Лаврампия!..

Он неожиданно заткнулся, квакнул и снова пал на земляной пол. Но крик не прекратился:

— Кто в столь гнусных выражениях поносит мою несравненную, ангеловидную, убедительно превосходящую прочих божественную даму сердца Лаврампию?! Не жить тебе на белом свете, дурак!

Увлеченные тирадой поклонника Магридии, Адель и Пьер не заметили, что в кузню вошел еще один трубадур. Взъяренный непочтительными выражениями, сыплющимися по адресу его богини, он мощной рыцарской ногой поддал под зад первому рыцарю. Пока тот барахтался внизу, новый заказчик вырвал у него лист пергамента, впился в текст, забормotal: «О, Лаврампия, дева...», перевернул листок, прочел: «Для Свеклольда» и снова пнул приподнявшегося было магридофила:

— Некультурная скотина! Как смел ты прочесть начертанный моей возвышенной рукой мадригал? Назови свое жалкое имя, пусть небеса услышат его в последний раз!

— Да будет тебе ведомо, ношу я вовсе не жалкое, а славное и достойное имя Брюквольд, а твое неизвестное имя так никто и не узнает!

— Это еще почему?

— Я сражусь с тобой и свалю насмерть три раза, прежде чем ты один раз успеешь его произнести!

— Не хвались! Я — Свеклольд, Свеклольд, Свеклольд! Что, слабо меня свалить? Крыса палестинская!

— Черт! — шепнула Адель Троллю, они забили в угол и наблюдали, как грозные рыцари, звеня кольчугами и бряцая зубами от ярости, ходят по кругу, лая друг на друга. — Как я могла ошибиться? Ведь помнила же — корнеплод. А их вон два таких овоща. Теперь поубивают один другого, а нам отвечать...

Брюквольд подхватил отремонтированный Тролем щит, вынул из ножен меч, затынул: «За Магридию-у-у!» и звезданул Свеклольда по шлему. Свеклольд вконец обиделся: «Нет, за Лаврампию-у-у!» и тоже треснул Брюквольда. И пошла потеха! Неуклюжие в условиях мастерской рыцари падали, сшибали задницами и лбами утварь и инструменты, тюкали друг друга мечами, азартно пинались и ругались. Нанести сколь-нибудь серьезное увечье было невозможно — места для богатырского замаха фактически не имелось, но с кузней воюки разобрались основательно. «Троль! — зашипела А. — Сделай же что-нибудь! Если их не остановить, они все разнесут!» «Чтобы мне железкой по шее стукнули? Я уж лучше тут посижу. Ставлю на Брюквольда, а ты?» «Иди к черту!» А высочила из укрытия, подхватила бадью с помоями, прыгнула к понравившемуся Пьеру Брюквольду и, крикнув, надела бочонок поверх шлема. «Эй, А, так нечестно!» — подал голос Троль. Ослепленный Брюквольд бестолково тыкался, водил мечом, бубнил чего-то. По его прекрасным красным штанам шаловливо стекали на туфли юркие струйки помоев. Свеклольд торжествующе хохотал, наслаждаясь столь неожиданным и полным упаданием чести противника. Потом получил клещами по шлему и упал: Троль вступился за возлюбленного Брюквольда; который, впрочем, тоже времени не терял, за что-то запнулся и рухнул. Очень удачно, надо заметить, рухнул, бадьей угодил на наковальню, доски рассыпались, но поздно: рыцарь уже не хотел биться. Он сказал: «Гы» и потерял сознание. Как и его коллега.

Пьер положил клещи, освободил Свеклольда от шлема. Вмятина на последнем была хорошенькая, но шлем выдержал. «Кто такие делает?» — заинтересовался кузнец, царапая ногтем металл.

— Тыфу на тебя, — грустно сказала Адель. — Чепуха одна в голове. Дом порушен, украшен двумя трупами, а тебе железяка понравилась.

— Живые они, не переживай. Дышат. Давай-ка их свяжем от греха, не то очнут — будет нам опять морока.

Троль и А сложили упакованных вояк лицом друг к другу и уселись решать их судьбу. Убивать агнцев не хотелось, отпустить было опасно.

— Смотри-смотри! — Пьер развернул подружку к виновникам дебоатов. — Кажется, и делать-то ничего не придется.

Рыцари пришли в себя. Они составили диалог:

— Гу? — рыжий Брюквольд вопросительно тыкал пальцем в глаз Свеклольда.

— Агу! — радостно отзывался толстый Свеклольд, колуная в носу Брюквольда пальцем в рыцарской перчатке.

— Знаешь, А, — Троль улыбался, — по-моему, у них ретроградная амнезия.

— Что?

— Память от удара отшибло. Мы их оденем, почистим, закинем на лошадей и отпустим на четыре стороны.

— На четыре не надо. — Адель подошла к парням и нежно похлопала их по жирным лжкам. — Вот что, шалунишки. Вы — братики. Брюквольд, узнаешь брата Свеклольда? А ты, Свеклольд, узнаешь брата Брюквольда?

— Гу? — удивились они.

— Агу! То есть, ага! Вы едете к бабушке Милетине в Жакре. Запомнили?

— Агу!

— Повторите.

— К бабушке Милетине в Жакре, — послушно проскандировали новообращенные братья.

— Везете ей пирожки от вашей матушки. Повторите!

— Пирожки!

— Мы с дядюшкой Пьером посадим вас на коников, и вы весело зацокаете отсюда. Цок-цок. Ясно?

— Весело? — не уловили братики.

— С песенкой.

— Агу! — радостно согласились парнишки.

На том и порешили.

Песенка-то их и подвела. У городских ворот народу в это время суток не случилось. Двое сторожей от нечего делать плевали на дальность. Более пожилой и опытный выигрывал: передние зубы у него сгнили под корень, и слюна вылетала в дырку как стрела из арбалета. В переулке показались Брюквольд и Свеклольд. Переулочек был так себе шириной, метра полтора, но brave рыцари исхитрились ехать рядышком. Они чинно держались за руки и хрипло голосили «Матушку-гусы-

ню». «Отойди, придурок! Затопчут!» — старший сторож отбежал в сторону и отчаянно махал новичку. Но в том со скуки выиграла служебная рьяность. Юнец ухватился за конец алебарды и браво перегородил дорогу укротителям драконов. «Ох-ох, убьют мальчика», — тихонько подвывал беззубый из безопасного места («малец» приходился ему племянником). Рыцари же послушно остановились. «Чьих будете? Куда путь держите?» — строго поинтересовался пацан-привратник. «Братики мы, Брюня и Свеля. Едем к бабушке Милетине в Жакре», — хором и чинно ответили вояки. «Проезжайте», — снисходительно позволил тот, ошалеv от собственной наглости, и повел плечом в сторону ворот. «Стой, ребята! — неожиданно взревел опытный сторож, подбежал, шепнул юнцу, — Я их задержу, а ты беги к герцогу, зови народ — в городе колдовство. Рыцари так себя не ведут, опоили их, порчу навели». Молодой привратник сиганул вверх по улице к замку.

Когда прибыли арбалетчики герцога и призванный на помощь священник-дьяволоборец, рыцари, спустившись с коней, плясали и на два голоса исполняли «на бис» «Матушку-гусыню». Над будкой привратника клубилась летняя жизнерадостная пыль, поднятая часто топавшими туфлями трубадуров. Но выше ее подымался и плыл над городом мелодичный серебряный звон, издаваемый кольчугами. Те, кто ковали их, знали свое дело, хоть и не предполагали возможности столь странно-го применения ратного доспеха.

Священник, потрясая крестом и крича что-то очистительное, ринулся к братьям. Арбалетчики еле поспевали за ним. Рыцари, в отличие от священника, держались благористойно, аки собаки не лаяли, на крест не кидались, дали себя обыскать и вообще выказывали крайнее расположение ко всему шевелящемуся. Служитель церкви чесал бородавчатый нос и пребывал в задумчивости: с одной стороны, братья были явно безопасны, — может, вывели, наконец, породу смиренных трубадуров? С другой стороны, чтобы высокочтимые рыцари стали голосить простонародную песню вместо мадригалов — это уж слишком. «Нет, дело нечисто. Они заколдованы. Зуб дам», — постановил священник. Ему протянули свиток пергамента, изъятого из крепко сжатого кулака Свежолыда. «Дьявольские письмена? — заинтересовался носитель ряссы и прочел, — «О, Лаврамния, дева...» Писать умеете? — обратился он к рыцарям. «Нет! Только читать» «Вот и я — только читать. В нашем городе читают пять человек, а пишут лишь два, герцог и кузнец. Герцог стихов не сочиняет. Кузнеца работа! — вычислил он и спросил у трубадуров, тыча листком им в морды, — Пьерова работа?» «Дядюшка Пьер! Хотим к дядюшке!» — заканючили те. Священник распорядился: «Жертвы колдовства должны быть доставлены в Собор. Кузнеца — в пыточную». План тотчас исполнили, даже с перевыполнением: вместе с Пьером прихватили жену, бросившуюся на стражу с мутовкой.

День погружался в Лету, из грязных воюющих домишек на не испорченные канализацией девственные улицы лились помой и темнота. Кто-то обрызгал небо звездами: на город напала ночь. Городские ворота недовольно закричали, распахнулись, впуская богатую карету рыцаря Ордена Далматинцев и вереницу крытых повозок. К герцогу Альбрехту заехал погостить знаменитый дядя, адент, герой походов, крестоносец-диссидент и гурман, герцог Дюренваль. Вообще-то он рвался в Палестину, карать безбожников, но Корде был почти по пути, а у племянничка отлично кормили. Ворота, проглотив процессию, сомкнулись. Ночь победила.

На следующее утро, вкусив изысканный завтрак, родственники решили размяться. Герцог Альбрехт повел именитого дядюшку в подвал замка — хвастаться пыточной. Прихватили экскурсоводом священника:

— Мы, конечно, не парижане какие-нибудь, люди сугубо провинциальные, — без устали вещал тот, первым спускаясь по винтовой лестнице, ведущей в подвал, — церковные указы в Корде года через два доходят, а необходимую аппаратуру нам и вовсе не присылают, достаem по знакомству списанное оборудование, но еретиков и ведьм жучим в хвост и в рыло, только дым стоит! Какой у нас костерок бывает на лобном месте, если еретика словом, люблю-дорого! Предмет моей особой гордости. Из других городов посмотреть отъезжают семьями, вино пьют, гуляют, одно слово — праздник, отдохновение души! Кстати, тут двух ступенек нет, не упадите... Кувыркаться недалеко уже, но несolidно. Опаньки! Пришли. Стойте-стойте, сначала — налево. Тут у нас кунсткамера, музей в некотором роде. Храним изъятые у еретиков богопротивные предметы: сатанинские книги, алхимические дьявольские сосуды, орудия полета — метлы разных конструкций и прочее. Да Вы сами поглядите, потрогайте, Вы человек высокорелигиозный, гигант духа, Рыцарь Ордена, к Вам чертовство не прилипнет, испугается. Между прочим, может быть, как магистр дадите консультацию специалиста? Вечером вчера колдуна поймали, столько лет в городе

жил, кузнецом прикидывался, а двух трубадуров взял да и околдовал, те теперь смиреннее агнцев. Чисто по человечески, всем остальным это даже и удобнее. Но ведь непорядок — среди бела дня на достойных рыцарей порчу насыпать! Раньше они с драконами бились, у каждого на мече по три зарубки — по три зверя завалили, значит, а теперь у герцога, Вашего племянника, на кухне сидят, тюрю хлеблют. От мяса отказываются. И песни народные поют вместо мадригалов. Жуткое зрелище! Значит, кузнеца-то взяли, вещи дьявольские изъяли, а что именно — понять не могу. По необразованности и удаленности от источников церковной мудрости. Видите, писульки какие? То ли рисунки, то ли буквы изуродованные, нечеловеческие. Может, рецепты колдовские? Покойник-то будущий в кузне по ночам, видно, еще и алхимией занимался, сосуды имел непонятного назначения. Но ясно, как Божий день — дьявольские все как есть! Страсть Господня.

Священник продолжал трещать, время от времени осеняя себя крестным знамением. Магистр взял в руки обрывки пергамента со странными надписями. Нет, такого и он раньше не видел. Вот сосуд, определенный богослужителем в дьявольские, магистру попался. Такие он у арабов встречал, те в них листья ароматные заваривали — чай. Рыцарь попробовал напиток: ничего особенного, но забавно. Бодрит. «Надо бы эти записки Никогданеврамусу отнести, пусть разберется. Вдруг кузнец золото из свинца готовил? Напечем золота, на нужды Ордена пойдет. Что-то братия в последнее время пообносилась, пообтрепалась...» Он прикрыл плащом дырку на расшитой котте и быстро сунул за пазуху кусочек пергамента.

— Не видели, значит, такого? Жаль! Хотя — чего жалеть? Войду в анналы церкви как открыватель нового вида колдовства. Ах, кузнец, шельма! Я-то его в гости на следующей неделе звал, думал — верный католик, посидим, Писание почитаем по ролям, отдохнем культурно. Жена его тоже ведьма рыжая. На пару колдуют, — решительно закончил обвинительную речь священник. — Теперь в пыточную пройдемте. У нас главпалач намедни загулял, уж не обесцудите, только-только работу сегодня начали, еретики не воют пока. Лучше б попозже сюда прийти, когда процесс в силу войдет, да лестница больно длинная, мне ее два раза в день не одолеть, а вы без меня тонкостей не уловите, упустите самое наслаждение.

Священник заливался весенним соловьем, ведя герцогов Альбрехта и Дюренваля по закоулисту, вонючему, темному и склизкому подземелью. Приступившие к труду под руководством отгулявшего начальника палачи гремели щипцами, разминая мускулы, разжигали огни, грели масло, топили свинец. Работа налаживалась. Кое-где уже раздавались отдельные стоны, жалобные крики, проклятия и прочая обычная музыка сего эскупиария. Экскурсовод нел:

— Это «Железная дева», совсем от крови заржавела. Никак новую не достану, беда, да и только. Очень еретикам полезна, до кишок пробирает. Башмачки, опять же, железные, ножку сжимают. Сжимай сильнее, оболтус! Видишь ведь: не больно ему богомерзкому! — заорал он на палача, примеряющего железный сапог на ногу какого-то грустного огромного алхимика. Нога высывалась из сапога. — Тфу, балбес! Отростят лапу, не лезет нигуда... Не видишь разве — не по размеру обувь, ты его на огне поджарь, больше толку будет... На чем мы, стало быть, остановились? Сбил, дубина! А! Сейчас перед нами откроется дыбная. Еретик с нее обычно начинает, а мы закончим. Тут у нас новенькие, кузнец с супругой. Кузнец уже в работе, жена пока ждет, наблюдает, получает моральные муки. А это наш главный палач. Гвидо! Пьер сказал что-нибудь интересное? Как он трубадуров искурочил?

— Пока не выведаль. Он только назвал сто сортов вин в алфавитном порядке, спел про какую-то Магридию и восемнадцать раз сругался.

— И все? Ты ему груз к ногам привяжи, пусть проникнется. Жена-то молчит?

— Как не молчать? Молчит, конечно — ей рот заткнуть пришлось, верещала непотребное про его светлость герцога. И про вас тоже. Связать еще пришлось — дерется. Может, ей виску для начала прописать, чтоб не рыпалась? Только рот лучше не развязывать — другие клиенты разволнуются, мысли им разные в головы полезут, непедагогично получится. Не до раскаяния им будет.

— Подвесь-ка ее рядышком. Пусть друг на друга полюбуются, голубочки. Ишь, какие стойкие! Ничего, через недельку в ногах ползать будут. Если смогут. А потом и праздник устрой — костерок. Двойной, жаркий, долгий. Вы, магистр, недельку у нас погостите?

— Нет, дела зовут. Со своими еретиками вы и сами хорошо управляетесь. А мне в Палестину пора, тамошних жесть. Братья заждались, волнуются. Что, племянничек, может, пойдем обедать? Славные у тебя люди работают, душой за дело бо-

леют. Оборудование, конечно, устарело, с этим я помогу породственному, у меня в церковной мастерской свои люди есть в отделе распределения, подкинут парочку новинок. Но кое-что вы и сами можете улучшить. Вот кровь с еретиков у вас куда, между прочим, стекает? Ага, под ноги, на пол прямо. Не модно это сейчас, не современно. Продвинутые инквизиторы желобочки специальные в полу прорубают, наклонные такие, кровь по ним из всех помещений в один резервуар бежит. Канализация, называется. Очень удобно: ноги не скользят, обувь чистая. Да, и колпаки на служащих Богу — черт знает, что такое, а не колпаки. Теперь другой фасон носят: верхушка длинная, вытянутая, на конце узелочек завязывается. А так — по-деревенски получается. Я-то ладно, знаю, что главное — содержание, а не форма, а кто другой придет — оконфузится. Покушать бы, а?

Отправились покушать. Староватого священника оставили покорять подъем, сами бодро, по-военному, вползли наверх. В зале уже ждал обед. Отъев, удалились вздремнуть. Пока хозяин честно вздремывал, гость спустился во двор провести личного алхимика и астролога, а также (в первую очередь) чудесного повара, тешащего в тяжких походах утонченный вкус магистра ярчайшими образчиками яств покоряемых народов. За долгие годы путешествий с герцогом старикашка-алхимик здорово поднаторел в готовке, набрался тщеславия и наглости, научился лихо прятаться от инквизиторов — короче, приобрел массу полезных навыков. Единственное, что у него никак не получалось — а очень хотелось! — сделать золото из чего-нибудь другого. Что только не закидывал ученый муж в послушные колбы, с чем только не смешивал! Цветочную пыльцу с тинной, лягушек со свинцом, алмазы с навозом — золото не появлялось. А хозяин и покровитель требовал результатов. Орден хотел кушать и одеваться, безразлично на каком способом добытые деньги.

Магистр Дюренваль подошел к ничем не отличающейся от других кибитке. Лишь он и алхимик знали, что это не только кухня, но и походная лаборатория. Рыцарь задумался, вспоминая чудное имя ученого. У того был пунктик: на все другие имена он не отзывался. Хотя жги. Дюренваль пробовал.

— Никомунедамус! — тихонько позвал дядюшка. Нет ответа.

— Необижумамус! Недогаудеамус! — нет ответа. Вздорный алхимик господский зов игнорировал. Вот тщеславная тварь! Магистр озлился.

— Черттебянобрамус! Ногиобломамус! Кожуобдирамус!

— Козанострадамус!!! — визгнул старикашка в черной камизе, вылезая-таки из повозки. Он лязгал зубами, с уголков губ стекала красная пена. Обиделся, что ли?

— Пусть твоя бабушка помнит это глупое имя! Кто только его придумал мне на горе? Делать больше нечего — абракадабру всякую разучивать! Я и так за тебя тружусь, мало того, что от инквизиции спасаю, так еще и твои обязанности выполняю, рецепты достаю! Рецепт философского камня кто принес? Я! Мало ли, что свойства не те, камень-то образовался, что еще надо? Вот еще рецепт. Как золото приготовить. Наколдуешь два фунта этого к утру! — рыцарь сунул трясущемуся от злости алхимику пергамент, украденный в кунсткамере. — Понял?

— Этого? — желчно переспросил старикашка, проглядев листок.

— Вот именно! — поставил точку начальник, раздосадованный тем, что ученый опять вывел его из себя, развернулся и ушел к племяннику продолжать наслаждаться ролью гостя.

— Будет сделано! — крикнул вдогонку вредный дед и скрылся под навесом.

Недолгой летней ночью рыцарь грезил, крутясь на огромной пышной кровати. Его верное Ордену тело грызли клопы, но не они беспокоили его верную Ордену голову, гнали робкий, ненавязчивый сон. Мысли ели душу, мысли. Сделает Богане-продамус золото, принесет Дюренваль презренный металл Великому Магистру и скажет: «Жертвую на нужды Святой Церкви!» А Великий Магистр прижмет его к груди (вместе с золотом!), утрит слезу и растроганно шепнет на ушко: «Ай, молодец!», а потом отодвинется, посмотрит вдаль, на страны, стонущие под копытом дьявола, и крикнет: «Держись, ребяташки! Скоро и вас спасем!» И вздохнут, окрепнут надеждой будущие христиане и возблагодарят Господа и слугу его Дюренваля.

Тут на слугу Господа рухнул балдахин со всеми клопами и тараканами, нападавшими на него за ночь с потолка. Мечты растаяли. К тому же, просыпалось утро. Дюренваля ждали вредный старикашка и два фунта золота. Для начала.

Магистр опустил стылые конечности (надо полагать, нижние) в туфли, взвел на себя рыцарское облачение, выгреб из немойтой гривы клопов. Воняли те гадостно. «Создал Господь это такое непотребство! Терпению учит», — догадался он и втер мерзость обратно в прическу. Клопы радостно заавтракали.

Дюренваль бойко зашлепал по холодным каменным плитам залов и виражам лестниц к выходу наружу. Дорога пролегла через кухню. Замковая челядь еще спала — герцог-племянничек пробуждался не ранее полудня, и кухня, так чтимая магистром, ждала, безлюдна и холодна, аки желудок доброго католика в страстную субботу. Но откуда-то извне, из неведомых райских трапезных куш просачивался в возбужденный нос пса-рыцаря и, конечно, являлся знамением, чудный, наивосхитительнейший амбр. Ближе к выходу во двор аромат усиливался — Господь указывал слуге, что товарищ идет правильной дорогой. Так, следуя усиливающемуся запаху, герцог и проследовал к повозке... как его? Имя снова вылетело из головы. В нетерпеливом мозгу возникало гастрономическое: Курооципамус? Свинозажарямус? Гусеосожрамус? все не то! Герцог плюнул, перекрестился и бухнул наудачу: «Козанострадамус!» — и попал. Бог в беде не оставил. Занавесь повозки заколыхалась, отодвинулась, амброзиоподобный запах вынырнул из глубин походной лаборатории, свалил рыцаря на привычные к чудесам колени, старикан-ученый возник в проеме в клубах дыма и аромата, держа в руках блюдо с... С колен было не видно, чем.

— Готово?

— Сделано! Точно по рецепту. Язык древний, ирландские руны. Еле прочел. Здесь ровно два фунта. Полфунта перетягивало, крылышко пришлось самому съесть, — немного смазав концовку, торжественно изрек дед, суя под нос Дюренвалю блюдо с куропаткой. Запах достиг апогея, скрутил магистра, поднатужился и кувыркнул рыцаря в незапланированный восстановленный обморок. «Что ж! — подумал герцог, уносясь из реальности, — с золотом опять проколышек, так хоть позавтракаю». Очнувшись, он так и сделал. И сделал бы еще и еще, но птичка кончилась. Тут он вспомнил нечто, заставившее желудок тревожно заныть: автора рецепта сего чуда еды в настоящий момент доламывают на дыбе, или — о, ужас! — он уже вовсе помер, и ничего столь же восхитительного больше никогда не создаст. Ноги вдруг ожили, распружинились, понесли, из глотки хлестнул крик: «Сто-ой!» Кому следовало стоять, было не ясно. Сам магистр, наоборот, бежал — и пребыстро — в сторону пыточного подвала, маша огрызком птичьей ляжки. Сейчас его не остановил бы и сам Господь, не то что Архангел Гавриил. Золото из грез пожало плечами и скрылось в мире снов, скорбя о собственной несдобности.

В дыбную гурманоборец вкатился. Он, конечно, забыл о двух несуществующих ступеньках на лестнице, ведущей в пыталнице. Достоинство было смято, раздавлено и отпущено в увольнительную, но не пыл. Экзекуторы, работавшие вторые сутки сверхурочно в связи с накопившимися за время загула начальника несознанными, растерялись и не воспритивились, когда набарахтавшийся на немодном скользком полу магистр встал, наконец, и заявил, что конфискует двух особо закоренелых колдунов, кузнеца и его жену, для нужд Ордена далматинцев. Они, якобы, будут образцово-показательно замучены высококлассными специалистами с последующим сожжением предпоследних. Главпалач энд сослуживцы почесали провинциальные колпаки и посмотрели на висящую парочку. К этому времени над ними изрядно потрудились. Адель болталась на перекладине, привязанная за кисти завернутых назад рук и выглядела крайне неаппетитно. Из одежды на себе она имела только красный от крови кляп, по-прежнему затыкавший не в меру непотитительный рот. По ее голому телу бежали с разной скоростью несимпатичные жидкости, начиная от пота и крови и кончая менее эстетичными. Длинные красные глаза злобно сверкали. Каются данная ведьма явно не собиралась. Пожалуй, одолеть настолько закоренелую клиентку провинциальным экзекуторам и правда было не под силу. Кузнец, напротив, висел смирно, как агнец после заклания. Его фиолетовые глазки сочились мудростью и боголюбием. Пожалуй, этого уже пора было бы и сжигать, но для гарантии к нему применили усиленное дыбление: ноги связали в щиколотках, в образовавшееся таким образом живое кольцо просунули толстенное бревно, повисшее вместе с колдуном метрах в полутора от камней пола. За один конец бревно придерживал здоровенный палачик, на другом, свободно плавающим в воздухе, палачишко пониже и половчее танцевал джигу. Процедура называлась «виска со встречской». Кузнец от нее изрядно удлинился и совершенно раскayлся в чем-то. В чем, значения ни для кого не имело. Игра была старая, и все прекрасно знали правила. От него, как и от Адель, презрительно воняло.

Дюренваль, узря такое небрежливое отношение к источнику кулинарной информации непередаваемой ценности, просто взбеленился. Он заорал, что Гвидо-де узурпировал права на особо опасных колдунов, исконно принадлежавшие Ордену, что Господь не простит ему самодетельности и местнической самонадеянности, а Великий Магистр лично выпотрошит его с подчиненными, а после срежет им головы по

самые пятки. Пьяноватый по причине вечного опохмела Гвидо мыкал и пукал со страха и, стелая, собственноручно снимал Тролля с Аделиной с дыб. Пьер ласково улыбнулся ему, а Адель ногой выбила три передних зуба и один коренной. Главпалач терпел и молился Господу, чтоб пронесло. Супругов возложили на носилки и направили наверх, к солнышку. На прощание Гвидо шепнул кузнецу, брызгая кровью: «Ты того, парень, не сердчай, что мы тебя этому извергу отдаем. Наше дело подневольное: откажемся — сами тут повиснем. Я знаю, ты мужик хороший, мы с тобой сегодня бы уж и закончили к общему удовольствию, а в воскресенье сожгли бы, как человека. А этот зверь как начнет мучить — у-у-у! Одно слово — садюга столичная. Прощай, братец! Не поминай лихом». Сердобольный палач ласково похлопал Пьера по ноге. Тот завыл. Так и удалились: впереди диссидент-магистр, пошедший против Ордена на поводу желудка, за ним, привязанные к носилкам, вертикально подымались по крутой лестнице с помощью недавних экзекуторов ужасные колдуны: воющий Тролля, полюбившийся начальству, плыл вверх головой, а вредная А — вниз, подметая рыжей гривой ступени.

Ценную в кулинарном отношении парочку загрузили в повозку, Дюренваль свистнул срочный сбор, дисциплинированные средние братья, младшие братья, подбратья и кандидаты в подбратья похватили кресты и то, что успели нагрести в городке за тридцать часов, и погрузились в кибитки. Свистнули, гикнули, осенили тех, кто попал под руку, крестным знаменем, заскакали, затряслись по камешкам к городским воротам. «К чему такая спешка?» — подумал старый осторожный привратник, но ничего не спросил. Крестносцы были воспитаны еще хуже трубадуров, могли и сжечь ненароком. Если же вы, уважаемый читатель, поинтересуетесь необходимостью столь быстрого и полного исчезновения Дюренваля с братией из Кордо, я сжигать никого не буду, а отвечу вежливо и откровенно. В те дикие времена герцог, хозяин замка, являлся полновластным владельцем как городка, так и любой твари, его населяющей. Вряд ли Альбрехту понравилось бы, что у него из-под носа увели дармовое развлечение, и намеченный праздничный костерок не возгорится. Конечно, дядохка мог попросить дорого племянника подарить нашу парочку Ордену для нужд. А если б Альбрехт заартачился? Нет, магистр не хотел рисковать. Кушанье, изготовленное по рецепту Тролля, производило на рыцаря впечатление более сильное, чем первое причастие. По жизни Дюренваль влекли за собой две идеи, две лошади везли его энергичную карету по кривым ветвистым дорожкам бытия: религия и кулинария. Иногда они мирно скакали бок о бок, иногда разбегались по разным проселкам, и тогда более сильная в тот момент лошадь тащила за собой и рыцаря, и подругу послабее. На этот раз кулинарная коняга утянула из Корде всю компанию. Ничего, потерпит Церковь, поносит еще земля парочку нехристей во благо верному слуге Господа, едущему, кстати говоря, отстаивать его, Господа, интересы в Палестине. Там трудно, там тяжело, там жарко, там опасно. Так пусть будет хотя бы вкусно.

Тролля и А, доедавшая кляп, катались по дну повозки, не зная еще об уготованной им милости судьбы. Они не подозревали, что едут не на усиленное пытанье, а в Палестину, что за время долгой дороги старичок-алхимик вылечит их подпорченные дыбой тела, что они подружатся, и Пьер даже подарит лекарю рецепт изготовления золота из навоза, для конспирации написанный древнеирландскими рунами.

— Козанострадамус! — скажет кузнец, и сердце старика растеплется от того, что нашелся человек, запомнивший его имя. — Дарю тебе это. Можешь состряпать пару фунтов Дюренваля, если очень уж пристанет. Но лучше не надо. Он ничего себе мужик, но бывают заскоки на почве религии. Начнет на твое золото нехристей обращать в трупы. В общем, думай сам. Ты его дольше знаешь.

Речь сию Тролля произнесет месяца через два, а пока попрощаемся за него и за А со спящим городом: до свидания, Корде! Взрослей, Корде! Может быть, встретимся через пару веков, когда ты побреешься к вечноживущим поэтам и рыжим хулиганкам.

51

*Сочиняю сказку для Долли
о печальном маленьком Тролле.
Он меняет века и роли,
дурой-смертью не обнаружен.*

*Он тебе отчаянно нужен.
А вокруг кружат вереницей
Полублизкие полулица...
Он, конечно, тебе приснится.*

*И, конечно, уйдет с рассветом.
Только ты не забудь об этом,
заедаю кефир омлетом.
Не ругай себя идиоткой —*

*жизнь бывает забавной теткой:
шлак реальности размывает,
в ткань банальности сны вплетает.
Вдруг с рассветом Тролля не растает?*

Во сне Душа моя забыла про свою великую заразность, привалилась и привычно засопела в ухо. Мы с Титусом лежим по обе стороны от нее бесполезным караулом. Мы не в силах защитить Долльку от смерти и не в силах Долльку смерти отдать.

«Сочиняю сказку для Долли, чтоб она забыла о боли...»

Что я еще могу сделать? Впрочем, знаю: полы помыть и квартиру проветрить.

Хорошо было Гераклу: перегородил речку, направил поток воды в авгиевы конюшни, все само собой рассосалось. Повезло мужику — клиент на первом этаже жил, не на восьмом. Даже если Анда с сослуживцами в подвале и промочило, то он, как свидетельствуют легенды, претензий не предъявил и в гражданский суд заявления не подал. О дольких соседях я знала только то, что они есть и с ней не здороваются, поэтому обострять отношения не решилась. Способ Геракла, несмотря на техническую простоту и доступность получения из крана водяного русла любого напора, толщины и даже температуры, не подходил. Пришлось применить дедовские методы: ведро и тряпку. Это меня здорово задержало, несколько часов провозилась. Не успела закончить — в дверь позвонили. Может, соседи замочили? Открываю — Катюха. Волосы окрашены двухцветно, спирально. От макушки развивается к периферии синяя спиралька, ее оттеняет внутренняя фиолетовая. Кончики волос искупаны в золотом. Пособие по оптическим эффектам, а не женщины. Спрашивает:

— Как она?

— Как покойник, отпущенный с кладбища на побывку, — врать не хочется, и шадить кэтовы нервы тоже. Наплевать на нее для разнообразия.

— Работать может?

— Экспонатом в анатомическом театре. Ты за этим пришла? До свидания. Топай к Илюшеньке.

— Передай Долли, она еще не видела, — Кэт лезет в сумочку, достает компакт, протягивает мне. На компакте — картинка: концерт давно закончен. Очень давно: белый атласный занавес застывший, сцена запорошена снегом. На сцене — белый рояль. На его заснеженной крышке по-турецки сидит Долли в великолепном перламутровом платье. Плечи голые, но ей не холодно — она захвачена книгой, которую держит в руках. Книга яркая, цветная, огромная, на обложке — заглавие «Сказки». Белые софиты, белые цветы, сверкающие сосульки. Долли — часть натюрморта, его холодной, снежной чистоты. Даже упрямые рыжие кудри сдались: их закатали в култышку, и они больше не горят, не греют. Им не растопить льда. Может быть, это удастся книге? Долли здесь новая, не та, она отстраненная и далекая. Персонаж, идея, а не живой человек. Я не хочу такую Долльку. Она не имеет права становиться такой. Мелкими синими буквами тонет в снегу название группы: «Бергамот по средам». Яркими красными пылает, прожигая белизну, имя альбома: «Сказки Тролля». Мне становится плохо.

— Почему вы его так называли? — спрашиваю.

— Долли предложила, — пожимает плечами Кэт. — Илье понравилась, ребятам тоже. Ты разве против?

Молчу, потому что реву. Катюха меня обнимает, гладит по голове, объясняет виновато:

— Ты не думай, я понимаю, что мы сволочи безнадельные, заездили ее совсем. Но ведь она сама этого хотела, Илья бы за альбом ни за что не взялся, если б вы не настояли. А теперь уже почти все сделано, осталось чуть-чуть. Мы и концерты отменили, чтоб ее не мучить, и презентации не будет. Но клип! Его обязательно нужно снять, без него никак. Все подготовлено, оператор на камере сидит, режиссер сценарий доедает. Павильон ждет, декорации смонтированы. Долли только полденька поработает — и ладушки. Можно, я с ней поговорю? Она успокоилась, не будет больше меня пугать? Она спит? Да что с тобой такое!

Продолжаю рыдать. Катюха вдруг пугается, бросает меня в прихожей, скачет в комнату к спящей Долли. Через пару секунд выходит. На доброй круглой морде ужас и растерянность.

— Кто это там? А Долли где? — в голосе Катюхи безнадежная мольба. Ничем не могу помочь, подруга. Ты и сама все понимаешь.

Омерзительная штука смерть, правда, Кэт?

52

Гример отказалась работать с Долли. Та взялась за дело сама. Сидим в гримбурной, через полчаса — съемка. Долька перед зеркалом, в ее распоряжении сотни две баночек, тюбиков, коробочек, кисточек и других приспособ для обдуривания зрителей. Она орудует ими страстно и довольно ловко. Накануне, налюбовавшись обложкой компакта и до тошноты наслушавшись божественных звуков, изливающихся с его поверхности, она решительно заявила, что не упустит возможности сняться в клипе. Сегодня утром встала, почти не шатаясь, залезла в какую-то одежду, созвонилась с продюсером и потащила меня в павильон.

— Долька, можно спросить одну вещь?

— Тебе все можно.

— Зачем нужен клип? По-моему, это лишний труд. Альбом получился чудесный, он в момент разойдется и без рекламы. Люди ведь не глухие идиоты, хоть иногда так и кажется.

— А почему родители стараются отдать талантливых детей в хорошую школу? Если по-твоему рассуждать, то их и вовсе учить не надо, сами все сообразят. Я вложу в нашего детеныша то, что успею. Пока могу, я буду с ним, — она сосредоточенно красится. — И ты увидишь этот клип лет через десять в передаче «Ретро-шлягер» и вспомнишь, как какая-то рыжая зараза заставила тебя научиться писать хиты. Смотри, так хорошо?

Долька закончила рисовать лицо. Я уже, оказывается, за была, какая она красивая. Так и говорю:

— Ты самая красивая зараза в мире!

Долли встает, гордо встряхивает буклями парика, небрежно хлопает ладонью по несуществующей кобуре на бедре и цедит:

— Пойдем, приятель, сделаем этот клип!

Она его сделает.

53

О, ты, Вечерняя Верхняя Салда! Летняя, умиротворенная, комариная. Верная маленькая речка Салдинка, перегороженная плотиной в год твоего рождения, накопила среди тебя огромный прудище воды, вечной, как время и грязной, как сплетни. По сравнению с веком воды, задерживающейся на минутку в городском теле и следующей далее, в куда-то, верхнесалдинские два с половиной века кажутся сопливыми наивными углами, но все же и ты, моя домоватая подруга, кое-что повидала. Топтал когда-то новенькие мостовые дядька Демидов, парил черный дым юного бустозавода, проезжал в нерастаможенном мерсе первый на Урале новый русский. Время порядком облупило штукатурку на физиономии города, но добавило крепости и букета его уральской самости. Верхняя Салда стала личностью, с чем нельзя поздравить множество молодых, навороченных городов. Она обрела душу, не зависящую от мимолетных поползновений желающих видоизменить ее людей. Держись, подруга, крепче за старинную землю! Они скоро помрут, а ты — нет. Впрочем, ты уж, небось, и привыкла.

Троль и А чинно проветривались вдоль набережной пруда. Здесь вечерами выгуливались те, кто считал себя местной элитой: банковские клерки, директор среднего лица с супругой и секретаршей, батко салдинского казачьего войска с нагайкой, гениальный художник Повойко в поисках природы, голубые друг с другом, зеленые с красными, и случайно заблудившийся в России австралийский турист. Почтенная публика вкушала мороженое, вдыхала комаров, вбирала очи в туманные поверхности пруда, несла интеллигентную чушь, была благообразна, мила, фальшива, пуста и ярко наряжена. Троль знал ее такой всегда. Если что и не менялось в мире, так то гуляющая публика. Стасик с удовольствием ощущал себя законным стеклышком общего витража. Правда, немного и как всегда подкачала Аделина. В этом веке ее внешность неожиданно совпала с идеалом женской красоты. Мужчины лизали глазами ее ноги и прочие составные прелести. Аделина забавлялась, Троль злился. Выделяться он не любил, а А была его частью.

— Пойдем отсюда, — он не выдержал.

— Куда? — небрежно бросила А, не прерывая утонченного развлечения: она отбрасывала походку манекенщицы после второго стакана спирта. Получалось неплохо: самцы клевали.

— К Никитичу. Я совсем старика забросил.

— Бедный дедушка! А он кто?

— Увидишь.

Парочка догуляла до конца набережной, прихватила водку в киоске и свернула с густо избрызганных рекламным неонем улиц центра культурного в центр исторический. Здесь не свело, веяло затхлостью, забвением и дощатыми туалетами. На облезлых домах красовались таблички и надписи: «Здесь безвинно творил и прозябал измученный самодержавием великий местный поэт Исписалово-Страницин», «Супермаркет», «Губернатор, давай поменяемся квартирами! Доплачу натурой», «Цой и Ленин — вечные близнецы-братья», «Рокер Федя съел медведя», «Да здравствует партия национал-эксгибиционизма!», «Макдональдс», «Люся! Я вернулся. Твой лапуста». Разнообразно пьяные аборигены отмечали кончину очередного дня массовыми играми, состоявшими в наставлении на тела соседей синяков, фонарей, бланшей, слив и прочих украшений. Потом кончился и исторический центр, раскинулся под ногами пустырь, бывший графский сад. Над ним царил некогда одушевленный его цветочно-кустовую плоскость, а ныне разрушенный особняк Задунай-Передволжских. Второй этаж некогда гордого здания полностью канул в Лету, первый, униженный старостью, дурашливо хлопал вертикальными веками чудом сохранившихся ставен, был темен, свистел щелями в стенах, тоскливо разевал бездверные дверные проемы, зазывая случайных прохожих хотя бы пописать с удобствами. Если бы путник, оправившись, дал бы себе труд оглядеться и пошарить потщательнее, он нашел бы и другие следы посещения этого места людьми, помимо испражнений и запаха. В помещении, бывшем сотню лет назад кухней, имелся в полу люк, ведущий в когда-то кладовую, а теперь просто — подвал, каменный, добротный, крысиный. Под самым сводом подвала почти по верхней границе стен имелись маленькие окошечки, порой, в особенно солнечные дни, довольно сносно освещавшие его внутренности. Сейчас укоренился поздний вечер, и Троль и А, спустившиеся внутрь по лестнице, могли бы не увидеть вообще ничего, если б не другой источник света, бодро справлявшийся с затхлой тьмой костерок жильцов-наркоманов. Костерок, помимо освещения, работал еще и кухонной плитой, на нем жарилось мясо, капающая жиром в огонь и шипя. А принялась и определила: — Собака. И жирная, хозяйская наверно. Мы к ним? Что-то есть хочется.

— Нет. Эй, браток, — обратился Стасик к оборотившемуся на голос А наркоману, — Никитич дома?

— Спит хозяин. Вон там, в шифоньере, — «браток» вяло мотнул острой мордой в темный угол.

Гости отправились туда, благо ориентировались в темноте неплохо. В углу Троль обнаружил лежавший на спине старинный резной шкаф из толстого дуба. А по запаху нашла свечи, спички, запалила огонек, подала Стасику. Он подергал прикрытые дверцы шкафа — заперто. Ключ не торчит, похоже, заперто изнутри. Постучим.

— Никитич! Мы выйти принесли. Вставай.

— Всегда готов.

Дверцы распахнулись, волосатый и измятый Никитич восстал из шкафа. Вернее, воссел в нем.

— О! Здесь дамы.

— Всего одна, — пунктуальная сегодня А присела в реверансе. — Аделина. — Каблук подвернулся, она завалилась к Никитичу в руки, доставив старику немалое удовольствие. Троль чувствовал, что они понаравились друг другу, глубокий старик пятидесяти лет и девушка, прожившая этих лет не одну тысячу. Почему-то стало грустно. Когда А находилась рядом, его часто прошибало на немотивированные эмоции. Аделина выбралась из ящика, подала тонкую руку Никитичу. Тот щедро облобызал нежную длань, потом тяжело оперся на нее, выкарабкиваясь из сейфокровати. Быстренько накрыли на ящик, попросили займы у жильцов пару собачьих шашлыков на закусь, разлили по емкостям и выпили за дону Педро. Потом жаждали за знакомство. После тянули, зюзюкнули, вмазали, шарахнули, хапнули, шибанули, опрокинули, залили по самое горлышко и сверху насыпали горку. Принесенная бутылка давно закончилась, Никитич выкопал трехлитровую банищу самогона, купленную на заработанные попрошайничеством бабки у знакомой бабки. Банка стояла на каменном полу, блестела загадочно и влажно. Имела полное право — жидкость, переливавшаяся из нее в собутельников, действовала на манер волшебного эликсира. Резковатые черты Аделины слегка расплылись, разгладились, из-под обычной агрессивно-развеселой маски высунули грустные умные морды тревога, неуверенность и безнадежность. Никитич скинул десяток-другой лет, неустроенность и неухоженность и глядел Гоголем, юным и наглым, у которого вся слава впереди, и он об этом знает. Троль... Что Троль? Он не изменился.

Разговор с тем проходных перебрался на философские. Или житейские? Впрочем, это одно и то же. Вел беседу Никитич.

— К примеру, зачем человеку бессмертие? Ты знаешь, сколько твоему приятелю лет? — обратился он к Аделине.

— Примерно, плюс-минус несколько веков. Я сама вроде него.

— Тоже бессмертная?

— Смертная. Но вечная, — усмехнулась А.

— Не может быть! Ты баба нормальная, настоящая. Не то, что он, — Никитич пренебрежительно ткнул пальцем в живот Стасику. — Зря ты с ним связалась. Разве ж это человек? Неладно с ним.

— Что ж со мной неладного? — любопытствовал Троль, ничуть не обидевшийся на старика. — Вроде все на месте, все как у других.

Никитич тяжело развернулся к нему ревматическим туловищем. Хлипкий ящик под ним затрещал. Бомж долгонык смотрел на Троля, потом вздохнул:

— Не понимаешь. Конечно, где тебе. Ты оттого и вечный, что ни живой, ни мертвый. Наблюдаешь, себя не тратишь. С чего бы тебе умереть? Через все века целенький проходишь. Сколько тебя знаю, ты ничему по-настоящему не обрадовался, не удивился, не огорчился. Кирпич по башке стукнет — только улыбнешься да плечами пожмешь. На Аделину погляди: такая красавица, любит за что-то, ей виднее, за что. Порадуйся, люби ее тоже, будь счастлив! Ан, нет, бережешь себя, боишься потратиться. Нет в тебе жизни. Так, видимость одна. Голограм-ма, — вернул Никитич ученое слово.

— Ты тоже так считаешь? — Троль посмотрел на А. Она напряженно глядела на огонек свечи, не собираясь отвечать. — Ладно. Как нужно жить? — обратился он к Никитичу. — Извини, но и ты не особенно похож на счастливую. Стоило ли огорждать городить ради такого финала?

— Дурак бессмертный! — плюнул бомж. — Разве живут с какой-то целью? Глупости это. Бред. С какой целью можно любить? Работать, если работа по душе? Детей рожать? Думаешь, ради того, чтобы спокойную старость обеспечить? Что старость — несколько лет маразма. Имею право так говорить: был и молодым, и старым. А ты не будешь, нет. Не дано тебе. Ни то, ни другое.

— Какой ты был в молодости, Никитич? — спросила вдруг А, подняв глаза от свечи. В них еще не погас ее отблеск.

— Тоже дурак, конечно. Но искренний, — старик усмехнулся. — Многие имел: работу, семью. Дочку. Влезает на руки, прижмется крепко, волосы младенчиком пахнут. «Папка мой!» — говорит. — Он замолчал, шурился, вспоминая.

— Где же она теперь? — прервал Троль бомжевы грезы. Аделина зло зыркнула на вечного скептика.

— Случай все испортил. Я в молодости спортсменом был, лыжником. Мастер спорта международного класса. Загранпоездки, слава, деньги. Дома семья ждет. Я их не обижал, любил. Приеду с подарками, в доме радость, праздник. Бац — травма. И все. Из спорта ушел, конечно. Запил, озверел. Опустился. Семья пробовала поддержать, да я тогда любого врагом считал. Так казалось. Короче, расстались мы. После тоже женщины встречались, и дети рождались, но уже не то, не так, как в первый раз. А я так устроен — либо на полную катушку, либо рваную дерюжку. На серединке не держусь. Вот и живу один.

— Может, легче ничего не иметь, чем все потерять? — сказал Стасик.

— Врешь, парень! Страх в тебе говорит, а не сердце. Я любил свои три года, даже теперешние, на твои триста не променял бы. — Троль улыбнулся, пожал плечами.

— Сам видишь, — с жалостью констатировал седой бомж, — нечего тебе сказать. Я — то потерял, да не совсем: память осталась. А тебе за тысячу лет ни вспомнить нечего, ни забыть. Не нужна мне такая вечность, пошла она к чертам. Давайте-ка лучше выпьем за дону Педро, царствие ему небесное, да топайте домой. Не те мои годы, чтобы по ночам кутить.

Тянули на посюток, гости встали. Согреваемый снизу мерцающими огоньками свечей лохматый старик, сросшийся со стулом-ящиком, сам казался троллем, но не тем, нашим, а настоящим. Древним существом из скандинавских саг. Маленьким утесом, поросшим елками и опятами, потрескавшимся от времени, ужасно каменным и удивительно живым одновременно.

— Заходи, дочка, — сказал он А. — Хлебнешь ты с этим сфинксом.

— Не такой уж он и сфинкс, больше прикидывается, — Аделина нагнулась, поцеловала старика в немую физиономию. — Мы пойдем.

Троль и А поднялись вверх, в ночь, оборачивающуюся утром, и влились в редкие ряды придурков, бороздящих в сию

нелюдскую пору спящие улочки Верхней Салды. Домой не хотелось.

— А, помнишь, как мы впервые встретились?

— Конечно.

— Почему ты исчезла тогда? Что случилось?

— Умерла, как обычно. Ты ушел на рыбалку, я заскучала и решила развлечься: поглядеть, как там мое племя поживает, может, с голоду подошло. Я у тебя многому научилась. Дай, думаю, подкину, им подкину, а потом вернусь. Пусть пообедуют раз в жизни по-настоящему. Оленя убила, да, видно, неосторожна была, я ж тогда тонала, как бегемот. Подошла слишком близко. Они меня и поймали и порезали на ленточки за Бубен. То есть, наверное, порезали. Как убивали — помню, а потом — извини, не могу твое любопытство удовлетворить. Интересно, — А замолчала.

— Что?

— Раньше ты об этом не спрашивал. Ты изменился. Может быть, спасешь меня, наконец? Я ужасно устала умирать.

— Ты уверена, что хочешь этого? Вдруг мне придется измениться настолько, что мы не сумеем остаться вместе? И ты больше уже не родишься, проживешь длинную, но одну жизнь?

— Пусть так, пусть эта бесконечная гнусная чехарда хоть чем-нибудь закончится, — А заплакала.

— Слушай сказку, — Стасик на ходу обнял подружку за плечи и продолжил историю Лены и Долли с того момента, когда рыжая певица окончательно слегла в больницу помирать.

54

Конечно, клип ее доконал. Долька работала азартно и рьяно, как новопожарованный старшина, дотошно воплощая в жизнь великую маразматину, что накропал в ночи придурок-сценарист, и пропускала через себя многословные указания сбежавшего из психушки (делившего там одну койку со сценаристом) режиссера. Последний, наконец, натворился, изрек с апломбом: «Снято, всем спасибо!», силы Дольки разом кончились, она стала задыхаться, просела на пол, легла, горлом хлынула алая кровь. Сидящий в засаде конный полк медиков в инфекционных костюмах от Зайцева захватил съемочную площадку. Часть медиков несла за спиной ранцы, из коих по шлангам немедленно и шипя полилась, смывая в никуда, смертельную красную жидкость, вонючая пена. Другие, вооруженные носилками, склонились над падшей актрисой, застучав тупыми щитками, прозрачными, но надежно хранившими их врачебные очи от случайных брызг хлеставшего изо всех ее дырок яда. Недолго думая, вирусоборцы похватили бессознательную звезду за конечности и скоренько сгрузили в стоящую под парами машину. Я, ошавев от происходящего, успела, однако ж, выпрыгнуть следом, и все помчалась мимо нас, мигая и воя: светофоры, авто, дома, прочая пестрая законная мазня. Я забила в уголок, заткнула уши, засунула нос в колени, читала «Отче наш», чтобы ничего не знать, чтобы не со мной, не с Долькой, а — параллельно тряслась в «скорой», неслась по кривым коридорам стационара, норовившим сжаться, раздавить нашу кавалькаду, не пустить туда, где могут помочь...

Хотя помочь было нельзя.

Свистела, рассекая воздух, больничная каталка, толкаемая привычными руками медиков, я скакала следом, оставляя в цепких лапах поворотов вырванные с мясом кусочки реальности происходящего. Беспорядочно сверкали плитки пола, неравномерно стучали мои каблуки (медики неслись бесшумно), напоминая не то ужас сердца перед инфарктом, не то — бой сошедших с ума ходиков. Ассоциация со временем вызвала тошноту. Я выскочила из туфлей и побежала было в тишине, но вместе с ней пришел и конец дороги. Долька с эскортом пышно въехала в дверь реанимации, а меня туда не пропустили. Я села на пол и завывала, как дурочка, разлученная с грезами. Проявились мудрые белые сестры, окружили заботой, запахом корвалолола, пели в уши про хороший конец (разве бывает хороший конец?), спрашивали, какая тяжелыми головами, кем прихожусь больной. «Всем», — глупо и правдиво отвечивала я и взревела с новым усердием, от горя потеряв бдительность. Тут же ловкие сирены вкатили укол. Успокаивающий, как стало ясно из воследовавшего сна.

Когда глаза, наконец, открылись, они уперлись в нависшую над кроватью громаду самой толстой из сирен.

— Долли очнулась, хочет вас видеть. Идемте, провожу.

Я злобно вскочила, крыша мигом съехала, и я тянула носом в забитую поставленные кем-то рядом с койкой отверженные туфли. Тыфу ты! Распылю гадость на микроны. Сначала на четвереньках, после, как нормальные приматы — на ниж-

них конечностях вслед за сестрой босиком добрела до долькиной палаты. Они поместили ее в бункер строгого режима. Передняя стена была прозрачной, но сути это не меняло. Охрана в спецкостюмах, запрещающие знаки на дверях: мою бедную девочку надежно изолировали от остального, пока здорового мира. Будто боялись, что опасная больная как выскочит, как начнет всех заражать! А она лежала за толстым стеклом, и сил ее хватило только на то, чтобы слегка загнуть острую рожицу в мою сторону и улыбнуться. Я дернулась от прикосновения — толстая сестра предложила обрядиться в инфекционный скафандр.

— Зачем? Долли не станет плеваться кровью.

— Ваши микробы для нее смертельны.

Неужели! А собственные не смертельны! Но логика здесь присутствовала. Ладно, надену. Через шлюз меня запустили в палату. Статуйей Командора дошаркала до кровати.

— Привет, — голос из — под щитка зазвучал глухо и до мерзости безразлично.

Долька, покорно лежавшая на больничной койке, как приготовленная для глажения юбка, утыканная иголками, обвитая гибкими шлангами и проводками, подключенная к бойко подмигивающим и щедро отмеряющим что-то аппаратам, молчала и глядела с укором воспаленными глазами. «Она думает, я ее боюсь!» — хлестнула по щекам, приводя в чувство, жесткая мысль. Остатки навязанного сна и врожденной тупости улетучились, морда вспыхнула: стало ужасно стыдно. Моя Долли умирает, а я тут играю по чьим-то дурацким правилам. Я довольно шустро вылезла из пошлого карнавального костюма, хотела было обнять ее, но началась потеха: заскочили в бокс два здоровенных санитаров, один держал шприц (ну уж нет!), и ринулись в бой — изымать с доверенного объекта нестерильный предмет. То есть им казалось, что ринулись. На деле же парочка напоминала в своих доспехах братиков Брюквольда и Свеклольда, пытавшихся козырнуть рыцарской доблестью в условиях мастерской Тролля. Мне с давно не репетированным первым боксерским в два хука удалось нейтрализовать героев в нокаут. За стеклом шла отчаянная суетня, собирались свежие силы. Богатыри ровно дышали на гостеприимном полу, мои кулаки, стоковавшие по ратному труду, нетерпеливо зудели, ноги пружинили в стойке. За спиной слабо кудахтала Долька. К сожалению, побиться вволю не удалось. Явился к всполошенному персоналу наш старый союзник — главдоктор Айболит, и все утихло. Видимо, он скомандовал разрешить меня в палате в натуральном виде. Зашли лишь безоружные (без шприца) санитары пожизне прежних, сделали успокаивающие пассы, прогудели беззлбно: «Порядок, оставайтесь», выволокли раненых с поля битвы. Я, наконец, повернулась к Долли и присела на кровать.

— Извини, что задержалась. Еще раз привет?

— Теперь привет, — прохрипела звезда. — Ничего, главное — ты здесь. Стало почти не страшно. Почти весело. И спектакль понравился.

Я осторожно взяла Дольку за чудом оставленные медиками на свободе кончики пальцев, горячих, как галька на берегу пересохшего от жажды моря, наклонилась к ее лицу, но целовать не стала: Геничка ждал возвращения здоровой мамочки. Кожа ее воспалилась, покрылась красными мокрыми ятями. Губы напоминали гноящие куски мяса — кожа их покинула. Изо рта шел трупный запах. Я здоровой, без единого прыщика, щекой на мгновение прижалась к какому-то влажному и жаркому сегменту долькиной рожицы, стараясь дышать микробами в сторону, потом вернулась в вертикальное положение. Щеку, прикоснувшуюся к лицу Долли, жгла ее боль.

— Вот и все, да? Как быстро, — Долька попыталась улыбнуться. Трубки в носу шевелились. — Хочу сказать спасибо, пока еще могу. Не прыгай, знаю, что уже конец. Обидно, правда? Только начала жить, научилась чуть-чуть. Последние полгода — так здорово! И альбом, и ребята, — она сделала паузу — задыхалась. — И ты. Спасибо тебе. Все ничего, но так жаль расставаться! Как думаешь, мы встретимся с той стороны?

— Обязательно. Ты ведь меня подождешь? Не улетай далеко.

— Конечно. Не торопись.

Ее пальцы поцарапали мою ладонь и замерли: Долли отключилась. Она еще приходила в сознание, но говорить уже не могла, ловила меня взглядом, найдя, успокаивалась и опять проваливалась, уносила на ту сторону, в боль и ужас умирания. Потом она и глаза открывать перестала, лежала тихонько не металась, не бредила. Долькина хулиганская жизнь покидала тело без пошлой суетни, чинно и благопристойно. В палату прикатили для меня кушетку, но я не могла спать, глядела на Долли, гладила ее жгущие пальцы. Плакать не смела, почему — то знала, что она почувствует. Есть не хотелось, а умыльщик и туалет обнаружили тут же, в боксе. Выходить из него не-

обходимости не было. Счет времени я потеряла, сжалась в точку в самом укромном закутке собственного существа. Что было довольно сложно, между прочим. Меня постоянно дергали, сгоняли с законного места рядом с Долькой. К ней, как к святым мошам, паломничали все, кому не лень. Проходной двор, объединенный с музеем, а не палата. Если б посетителям продавать билеты, артистка заработала бы на двойные усиленные похороны королевского масштаба, а не на ту ерунду, о которой мечтала в телевизор. Студенты с любопытством, сестры с процедурами, профессора с научными амбициями в сюрреалистических одеждах вились над пациенткой, как мухи над помойкой. Приходили и просто гости. Осчастливили мамуля с отчимом, но в палату почему-то не зашли. Постояли за стеклом и удалились. Может, меня забоялись? Забрела на ватных ногах Катюха, покосила горестно глазищами из-под щитка, потом сбегала. Явился однажды пожарник проверять технику безопасности. Выяснилось, однако, что это замаскированный журналист из желтой газетки. Мне посоветовали дать гражданину в морду. Я дала, но по шее — на морде болтался пластик. Псевдопожарника выволокли наружу. Запомнился еще один субъект. Высокий, ловкий даже в спецкостюме, блондин, слишком молодой, чтобы вызывать к себе то уважение, даже поклонение, которое выказывал ему персонал во главе с Айболитом. Сей красавчик спрашивал о состоянии больной, а сам глазел на исключительно меня, будто на Мадонну какую эстрадную. Естественно, я была дивно хороша: неделю не мытая, не етая, не переодетая. Злая, как сто чертей. Его откровенно любопытствующий, совершенно не к ситуации мужской взгляд разбудил во мне вместо законной женской гордости притихшее было от усталости чудовище тревоги и напряжения. Долькин лечащий врач, Айболит, между тем воодушевленно гудел сквозь каску, адресуясь к дорожному гостю: «...Уникальный случай! ...Полгода без поддерживающей терапии!.. ложиться категорически отказывалась!.. естественно, вторичные инфекции... нарастающая сердечная недостаточность... может быть, но маловероятно... несколько часов...» Гадкие медицинские слова соляной кислотой прожигали мои годами возводимые защиты. Голодная зверюга паники ринулась в образовавшийся проем, обдирая мощные жирные плечи обломками кирпичей псевдо-покою (не со мной, не с Долькой!), рухнула в берлогу сознания, накинута, выкусывая сочные и дергающиеся в агонии клочки разума и логики. Странный гость чему-то улыбался, кивал удовлетворенно, по-сматривал на меня, будто радовался: «Ух ты, как ее перекосило! А еще гримаску? Вот-вот! И побольше пены в уголках рта!» Я бы его убила от полноты ощущений, но чувствовала, что это по какой-то причине невозможно. Нельзя — и все. Без вопросов. Ладно, на нет и суда нет. Пусть тогда убирается из палаты к своим чертям, Мефистофель белокрысы!

Будто поняв, что от него здесь хотят, мерзкий доктор прервал излияния Айболита, построил того в колонну по четыре и вывел из бункера. Разоблачившись, фамильярно помахал нам, дамам, из-за стекла и, вконец распоясавшись, послал воздушный поцелуй. Тыфу, нечисть! Сгинь, сгинь!

Я водрузилась на любимое место, взяла Дольку за руку, попыталась расслабиться. Поко-ой! Где ты? Ау! Нет ответа. Тихо, зубы, не стучите. Все пока в порядке, девочка моя жива, слышите, как дышит? Хрипло, конечно, но дышит ведь. Еще рано сходить с ума, еще можно подождать метаться, нужно отвлечься, ведь она непременно почувствует этот черный страх, запереживает. Успокоиться, расслабиться, вспомнить о хорошем, светлом: лете, детстве, теплой щеке Генички у груди... Где ты, Геничка? Помоги маме!..

Изорванное сознание, не в силах больше управлять телом, покинуло его вожденную некогда территорию, смылось то ли в психсанаторий лечиться, то ли в астрал летать. Но верная Душа осталась и прикрыла осиротевшие останки одеялом сна. Я отключилась, как была: сидючи столбиком на койке, схватившись за лапу некогда рыжей хулиганки.

Кто мне приснился?

Правильно, Тролля.

Он был я.

Выворачивающий сознание сладкий аромат смерти. Крысы и птицы активно пожирают трупы, с удобствами гниющие в разнообразных позах на улицах и в домах. Адская для этих мест жара. Тролля потерянно бродит между мертвецами, тупо тычется в их достойные физиономии, в низкие

окошки, заглядывает под дощатые столы рыночных рядов, топчет тонкие веточки переулков — ищет свою Душу. Она непременно где-то здесь, но ее нет. Тролля начинает волноваться, суетится, нарушая мудрый покой людей, вернувшихся в естественное состояние — состояние небытия. Он принохливается, находит, дабыт остатки шерсти, вспоминная звериные приемы поиска. Ничего не помогает — среди трупов А нет. Может быть, она еще жива и прячется? У нее это здорово получается. Тогда нужно удвоить усилия и тем более отыскать ее. Ведь А, конечно, уже заразилась, а умереть ей полагается у него на руках, таковы законы сказки. После он похоронит и оплачет ее. Зачем Душа умирает? С этим всегда столько хлопот! Сам Тролля никогда не болеет, разве что ломает иногда какую-нибудь ногу.

Наш бессмертный — не единственный живой субъект в городе. По узким улочкам изредка проползают открытые повозки. Мрачные крестьяне в сером вилами закидывают в них гниющие останки. С трупов, как серги с модницы, свешиваются тельца свирепых крыс, не желающих по чьей-то глупой прихоти потерять облюбованный на завтрак кусок. Крестьяне знают, что заразятся, но будут делать свою работу — таков приказ Герцога. За послушание Герцог непременно заколет вместе с семейством, а Чума вдруг да и помилует по-королевски. Правда, жалость у страшной королевы особая: Черная Смерть может оставить заболевшему жизнь, но разум отнимет непременно. Вон они, помилованные, прыгают по мостовой, тревожат достоинство усопших: подкидывают вверх трупы, орут восторженно и бесперебойно, насилуют более или менее сохранившихся покойниц и другими нечеловеческими способами нарушают общественное уныние и торжественность. Воображают себя сверхсущества, фаворитами страшной королевы — как же, им сама Смерть не страшна. Приходит вилами от них обороняться. Может быть, и слава Богу, что выживших — единицы.

*Мор. Разложение. Чума.
Вопя безумные придурки...*

Ай, Ангел Сна! Ты что, издеваешься? Я-то рассчитывала на скучноватую пастораль: цветочки, птички, пастушок с нагайкой, беременная пастушка с маргарином. Покой и отдохновение. Долго еще предполагается смотреть глазами Тролля сей низкопробный триллер? Возьму и проснусь!

«Подожди!!» — стонет во мне Тролля. — Я должен найти свою Душу!» Ладно, черт с тобой. Только быстро. Пожалуй, помогу для скорости. Подключаюсь к его нервной системе, считая дремотную паутину с эмоций. Где центр-то? Ну и хлам! Веками порядок не наводили. Собираю, что могу, в комок, вырываюсь в астрал. Расплываюсь над крышами, как нефть по заливу. Сканирую поверхность под собой, обширной. Вот и А, в каморке на чердаке. Ее насилует придурок из выживших. Концентрируюсь обратно в точку и возвращаюсь в Тролля. Беги, парень, спасай подружку! Совсем она не прячется, наоборот, зовет тебя, сигналит SOS по всем частотам, как тонущий радист. Не слышишь?! Говорят тебе, леги мухой, недотепа!

Гнусный фильм ускоряется. Тролля в панике несется к цели, бьется в паутине переулков, врывается в нужный дом. На чердаке, на скрипучей кровати — беспомощная А, над которой измывается переболевший садист. Он страшно доволен, что обнаружил в городе живую женщину. Насильник — так себе шварценегер, тщедушен и голоден, но страх его забрала Чума, и он стал опасен. Впрочем, Тролля справлялся и не с такими. Безумец вскоре оказывается на полу, прижатый к доскам уверенным коленом защитника дамы, но даже в столь беспомощном положении умудряется кусаться и подвывать. Тролля жалостливо вздыхает, — опасную тварь придется убрать, — и ловко ломает насильнику шею. Тот, естественно, умирает, но до конца не может поверить, что это случилось. Последний проблеск разума в неестественно развернутом лице — недоумение и ужас, что Смерть взяла-таки свое.

Победитель выкидывает труп на лестницу (мягкие, тяжелые, шмякающие звуки удаляются вниз), обнаруживает в комнате стул. Правда, предмет мебелировки уже занят: на спинке висит аккуратно расправленный саван. А приготовила новое платье на последнюю вечеринку. Тролля бережно переносит мрачный наряд на подоконник, тщательно расправляет складки и, забыв про стул, присаживается к даме на кровать. Теперь он, наконец, решается на нее посмотреть.

А уже очень больна. Изуродована недугом. Голое тело разбухло, кожа натянута. Впервые за тысячу жизней она стала толстухой. Прямо на глазах кожа покрывается бубонами, те тут же с треском лопаются, разбрызгивая фонтанчики гноя. Поверхность будто кипит. Шея вздувается и синяя, лицо в пятах. Из кратера полуоткрытого рта веет тленом. В щелочках глаз — злость и мольба. Чтобы не видеть их, Тролля наклоняется и це-

лует боковую губу. Но А не хочет его губ, она хочет говорить.

А: Вылечи меня!

Тролля (будто не слышит): Здравствуй, любимая! Не могу смотреть, как ты мучаешься.

А (желчно): Не смотри! Закрой глаза и вспомни, в каком уголке своего существа похоронил великую силу, с ней ты сможешь меня спасти.

Тролля: Не умирай, любимая! На этот раз мы были вместе совсем недолго. Ужасно нечестно!

А: Вспомни и вылечи!

Тролля (причитает): Не уходи, худо одному! Ох и худо! Пло-охо-хо! Останься, а?

А: С удовольствием, если вылечишь, дурак бестолковый. Поторопись, уже почти поздно!

Тролля: Забыл, навсегда забыл... Как это делалось? Нет-нет-нет! Не стоит. Бесполезно и пытаться, зряшные надежды. Забыл навсегда... О-о-ой! Не умирай (громко рыдает, пытаясь заглушить голос А).

А (кричит): Больно! Страшно! Помоги!

Тролля (воет): Люблю, люблю! Люблю-люблю. Но все забыл (трясет немой гливой в театральном отчаянии).

А: Врешь.

Тролля (скулит): Такая тоска... Все забыл... Все-все!

А: Стань собой, жалкая тварь! Хватит прятаться за стенами бессилия и предавать нас! Да как ты только смеешь опять прогонять меня через смерть? Сам бы разок попробовал! А если я не вернусь больше? Носись тогда один со своей возлюбленной тоской и никчемной вечностью!

Тролля (будто прислушиваясь): Ты что-то сказала, Душа моя? Нет, показалось. Где уж тут говорить, с такой-то шеей... Если б только мог, да разве б я не?... Буду ждать, разумеется.

Шея А за время дружеской беседы, действительно, еще более распухла. Лимфатические узлы до того разрослись, что наконец передавили горло. Возникает сомнение: а говорила ли Душа на самом деле? Тролля нежно берет ее горячие руки в свои, ищет, заглядывает в серые залившие глаза, будто хочет найти там слова прощания. Или прощения. Больная с презрением и жалостью смотрит на него. Она до судорог похожа на мою Дольку. То есть, я думаю, что если бы Долли умерла от чумы, а не от R-вируса, она выглядела бы так же. Часть черного отчаяния, бурлившего во мне, хлестнула через край и брызнула на крепкую броню Тролля. Он такого не ожидал, а если б и ожидал — что в том проку? От боли такого калибра защита не спасет. Прошибло мужика. Главное, он и понятия-то ничего не может: что происходит? Так плохо оттого, что уходит А? Но она умерла и раньше. А черная боль нарастает, заглядывает Тролля целиком, уже одни пятки торчат из смрадной пасти... Вдруг внутри него в ответ на насилие просыпается новый источник силы, да какой! Струя энергии вот — вот пробьет тонкую корку табу и смахнет к чертям, размажет изнутри по коже самое вечное существо вместе с атрибутами: взлелеянной веками личностью, тщательно оберегаемым покоем и приевшимся бессмертием. Моя боль, поджав хвост, с удивлением отступает перед силой-соперницей и возвращается в исходное сознание, но Тролля от этого не легче. Он пытается совладать с новым старым монстром, навсегда, как он думал, запертым в глубинах естества. Пока наш Геракл, скрипя зубами, борется с сим проявлением собственной природы, А незаметно отходит и сразу начинает разлагаться: жара. От бедняжки несет тухлятиной. Жужжат мухи. Монстр, готовившийся пожрать хозяина, передумывает, сдается, покорно мявкает и ныряет в берлогу подсознания доспать. Вулкан энергии стихает, на склонах, как напоминание, остается пепел жгучей, но привычной тоски. Тролля вздыхает с облегчением: пронесло. Виновато шепчет покойнице: «Прости, не могу. Люблю тебя». Целует в лоб. В ее глазницах свиваются в тугие лоснящиеся клубки белые черви, кожа начинает отслаиваться. Ползают жирные мухи. Он деловито пакует возлюбленную в приготовленный саван, выносит из дома. Снаружи мало что изменилось, но солнце поднялось повыше, телеги-труповозки разделились по цвету на черные и белые. Крестьяне-ассенизаторы куда-то пропали, мертвецов грузят на повозки Ангелы и Черты, бесплотные, но здоровущие, как культуристы. Они раскланиваются, обмениваются трофеями. В поисках добычи проходят сквозь стены домов. Нигде нельзя укрыться несчастному трупу! Ангелы и Черты роются в кучах людских останков, выскивая своих: одни — праведников, другие — грешников. Ведут себя с усопшими крайне бесцеремонно: тащат за отрывающиеся конечности, перекидывают друг другу. Беззлобно бранятся по поводу принадлежности конкретного экземпляра к категории плохих или хороших. Они — хозяева на улицах. Тролля, крадучись вдоль стен домов, несет на плече толстое тело А и боится, что Они отберут ее, пристроят на одну из телег. Но тех

не интересует мертвая А, будто ее и нет вовсе. Она из другой сказки. Мухи и птицы, пожиратели падали, не столь разборчивы, выются над головой, желают кушать. Им безразлично, кого жрать: возвышенного эльфа или замороженного мамонта. Мясо есть мясо. Одна чересчур наглая ворона, возмечтавшая на лету отъесть кусочек А, длинные нижние конечности которой торчат из савана, промахивается и шлепается под ноги Тролля на мостовую. Ей грустно. К тому же она получает пинок под зад, а это еще и обидно. Вам не доводилось испытывать? Ворона, кувыркнувшись, с неудовольствием и странно знакомо склонив голову, глядит на взмокшего бессмертного, но он больше не отвлекается на мелочи. Спешит за город хоронить свою А. Неотвязная птица летит следом. Мало ей здесь трупов?

Вот и редкий лесок. Это полянка довольно мила, не правда ли, Душа моя? Тебе тут понравится. Ноша спускается наземь, роется могилка. Лопаты, конечно, нет, но сухая почва будто сама расступается под руками. А уже в яме, земля смыкается. Образуется холмик, покрывается травой и рыжими цветочками. Печальный, но удовлетворенный завершением важного дела, Тролля садится на зарастающую могилку и чувствует, что злые ростки толкают его снизу, щиплют за зад через штаны, спихивают с холмика. Теперь это их место, их законная добыча. Но он не встанет, он намерен ждаться целую вечность, пока Душа вновь не вернется к нему. Упрямая ворона каркает где-то поблизости. Цветочки, птички, мирный тлен, тихая грусть — я дождалась-таки желанной пасторали...

...и тут же поняла, что у меня нет вечности, а у Дольки — другой жизни. Рванулась из вязкой паутины эмоций Тролля, сон задержался, пошли волны, помехи, «кину» — конец. Последним кадром четко проступил неожиданный здесь и строгий Геничка с вороной. Та сидела на его плече уверенно, как на толстой ветке дерева. Понятно, почему зверюга казалась знакомой — это птица Крак. Геничка улыбнулся ободряюще и мягко приказал: «Пора». Меня вышибло из остатков сна. Оказываюсь, я так и просидела столбиком все это время, держа Дол-ля за руку.

... а она умирала.

Долька, не уходи! Ты нужна мне.

А Душа его с ним играет
и в руках всегда умирает.

... Лети на небо...

Может, порыдать?

56

Хоть кто-то в этой долбаной больнице собирается спасти мою Дольку? Я отчаянно застучала по кнопкам вызова от «хочу пописать» до «мамочки, пожар!» На пульте, расположенном за стеклом бокса, лампочки замигали, как подвыпившая новогодняя гирлянда, но никто к нам не заспешил. Где эти сраные медики, спят что ли? Какое сейчас время суток, мне было неизвестно: в отсутствие окон в палате постоянно горел ровный бесстрастный свет. Как на ринге. За стеклом же в настоящий момент было темно, и видно хреновато, что там творится. Кажется, в тумане сумерек роились-таки смутные тени. Ага, одна отделилась от компании и ткнулась носом в невидимую стену. Знакомая образина! Со стороны отгородившегося от нас человечества насмешливо пялился на агонию больной и мое бесильное отчаяние суперкрасавец, лучезарное светило от науки и недавний посетитель в одном флаконе — чересчур белообрый для черта Мефистофель. Взгляд его холодных очей внушал твердую уверенность в отсутствии поползновений врачей исполнить свой долг. К чему? Больная все одно помрет, рано или чуть позже. Лишние минуты бестолковой долькиной жизни нужны были только мне. Я, как обещала, опять схватилась за ее руку и приготовилась встречать вместе с ней гнусную гостью — Смерть. Я чувствовала, что похожу на Тролля из недавнего сна: ты помирай, а я провожу, поплачу, цветочки на могилку положу. Не нужно было придумывать такую сказку, слишком она смахивает на правду. Между прочим, что там стоял главный герой? Кажется, «ужасно нечестно». Вот именно. И еще было: «Забыл, все забыл!» Интересно, о чем забыл?

Эта простая и вроде бы нейтральная мысль вдруг выскочила из сознания и пыточным колесом прокатилась по телу, ответившему невыносимой болью. Меня трясло, будто к каждой клеточке подсоединили персональные электроды. Самое забавное состояло в том, что я могла с этим справиться, но выткать палки в пыточное колесо не стала. Боль работала на меня, она была необходима мне и, каким-то образом, Дольке. Я это чувствовала. Я что-то забыла, и я вспомню. Прятаться от себя и дальше

на манер Тролля не представлялось достойным. Боль нарастала, подоспел на помощь где-то подзадержавшийся было ужас, парочка весело набросилась на бедное самодовольное некогда, а теперь смачно хрустевшее на зубах, сознание, пожрала, и родилась, наконец, истинная Я.

57

Правильнее сказать, проснулась. Поскольку была всегда. Блаженно потянулась (боль прошла), с восторгом расправила прежние, зачаточные ощущения, стряхивая остатки кокона. Бутончики новых возможностей с хлопком развернулись, демонстрируя броский аромат звуков, твердое стаккато поверхностей, мягкие дуги магнитных полей, жесткие капли квантов света, цветную мешанину салата людских эмоций и прочую мельтешню, густо заселяющую пространство. Все сложилось, накладывалось, агрессивно выширало, куражилось, кружилось, поочередно высовывалось на первый план, оглушало, пугало, дико восхищало, вопило: «А вот еще я есть! Гляди-гляди, какое красивенькое» и хватало острыми зубками за полы одежд в ажитации, что нашелся некто, способный оценить безумную мистерию. Я в обалдении зажмурила уши, заткнула глаза и откусила нос. Не помогло. Жизнерадостное пространство лезло внутрь прямо через кожу. В отчаянии я скомандовала мирозданию: «Щыц!», и пространство подуспокоилось, умерило прыть и поступило на службу. Частично, разумеется.

А Долька моя тем временем умерла.

Я знала это наверняка, как и то, что могла в своем новом качестве ее вылечить. Требовалось проникнуть в ее организм через сенсоры — выходы нервной системы, — а те уже закрылись. Долька все еще находилась где-то там, в отказавшемся работать теле, но добраться к ней не представлялось возможным. Не пускали внутрь ее закрытые глаза, уснувшие чувствительные окончания на кончиках пальцев, на барабанных перепонках, в промежности. Не реагировали на раздражение рецепторы вкусовые и обонятельные, болевые и тактильные. Опять вспомнился сон. В астрал, что ли, выйти? Я раздвоилась: большая часть превратилась в энергию, языками протуберанцев облизывала осыпавший Долькин труп в поисках контакта, меньшая, человекоподобная, продолжала держать покойницу за руку и поплакивать в духе Тролля «Ой, не помирай. Такая тоска!», а потом вдруг попросила: «Открой глаза, а?»

И моя уже минут пять как мертвая Долька открыла глаза.

Язычки энергии рванулись к сетчатке. Что-то там еще светилось, Долли ждала, непонятно какими усилиями сохраняя уголки жизни на доньшке серых уснувших озер. Оттуда, с их дна, несколько приличных нервных дорог будто бы приглашали в путь, ведущий к пещере дракона смерти, с которым мне необходимо сразиться. Интересно, откуда она знала, что мне понадобится именно это?

Я нырнула.

58

Неизвестно, как я там себе воображала человека изнутри, но точно не так. Видимо, подсознание извернулось и, оберегая мозг от сумасшествия, представило дело аллегорически. Нервный путь действительно оказался обычной плохонькой дорогой века, быть может, восемнадцатого, просвещенного, но исключительно гужевого и верхового. Ни тебе асфальтобетона, ни монорельсового вагончика. Лошадь, к счастью, тоже поблизости не паслась (боюсь я их). Ладно, Долька, не смущайся. Знаю, ты старалась. Спасибо, идти довольно удобно. Забыла сказать, я оказалась не стуксом энергии, а собой, любимой: дамой средних лет и атлетических наклонностей. На мне были: красный камзол, бархатные штаны с позументом, шляпа с павлиньим пером и — о, Боже! — алые ботфорты с широчайшими распухами. Снять их я не решилась: вдруг здесь так принято? Шпаги не было. Щита, меча и миномета — тоже. Думаю, аллегорический дракон смерти, завидя столь скудно вооруженную и столь пышно разряженную рыцаршу, радостно запотирет лапы, решив, что к нему пришел праздничный именитый пирог. «Сожрет», — констатировала я и зарысила вперед. По счастью, ботфорты не мешали бежать.

Пряткие прутья кустов, толстые спины стволов постепенно сжали дорогу в узенький ручеек. Сбереженный Долькой путь исчезал, как только каблучки ботфортот отрывались от его поверхности. Она зарастала яркой и юркой травой. Интересно, обратно-то я как вернусь? Побежала быстрой. Замелькали по сторонам, возвышаясь над деревьями, крыши старинных зданий, ветхие, зеленые, замшелые. Иногда на полянке удавалось

разглядеть какое-либо жилище целиком: ущербное, кособокое, безлюдное. Надо полагать, так выглядели в интерпретации местного декоратора изъеденные болезнью органы. Попадались реки — кровеносные сосуды, когда-то полноводные, а ныне заболоченные и мелкие, пескарю по щиколотку. Потом лес пропал. Остались позавчера изуродованные замки и избы. Путь, превратившийся в звериную тропу, вполз в сухой туман. Впрочем, это мог быть и дым. Вещество, сквозь которое вела тропа, не имело вкуса, запаха, цвета, влажности, плотности, температуры и прочих отличительных качеств, но оно было. Чувствовалось его странное прикосновение, равнодушное и неизбежное, точно взгляд рептилии. Порой окружающее пространство будто ежилось, бугрилось, подергивалось. Волнилось. Бежать становилось то легче, то труднее, словно по или против течения. Неприятное ощущение: светлая живая пустота, дрожащая жила тропки под ногами. Ни звуков, ни расстояния.

Последнее, впрочем, все же имелось: туман закончился. Похоже, я прибыла на место.

Ой, мамочка! Забери меня назад.

59

Допускаю, что раньше данная местность напоминала рай. Отчего б не допустить? В настоящий момент она больше смахивала на ад после веселого налета махновцев. Геничка называет подобное расположение предметов «небольшой беспорядок». Ветер, шорох, шелест, скрежет, скрип заполняли открывшуюся передо мной горную долину. Бесспорно, украшало ее отсутствие растительности, воды и нагромождение шевелящихся камней, срывааемых некоей силой со склонов гор, и летящих и ползущих с разной скоростью (в зависимости от размеров) в темное, мрачное отверстие в скале, дыру в холсте творца безжизненного пейзажа. «Пещера дракона смерти», — догадалась я. Кажется, хозяин пещеры как раз делал вдох, попутно, вместе с воздухом, засасывая в ненасытные легкие окружающий мир. Обозримое пространство на глазах съеживалось, сдувалось, приближалось к отверстию. Меня почему-то не очень тогда тянуло, как морально, так и физически. Но идти было нужно: я чувствовала, что Долька уже там. Побрела ко входу, подталкиваемая в спину услужливым ветром. Какой-то прыткий камешек треснул меня по темечку, пролетая по своим делам в неприятную дыру. Его собрат покрупнее отдал ног в ботфорте. У входа я на миг задержалась, для чего-то засучила рукава камзола и, еще раз пожалевав об отсутствии миномета, осторожно заглянула сбоку в отверстие.

Биться было не с кем. Сказочного дракона не существовало. Пещера оказалась туннелем. Прямо от входа, из каменной плоской скалы, фактически из ниоткуда, вытекал поток, медленный, тягучий, как кисель, беспощадный. Он занимал пространство туннеля от стены до стены (двигаться посуху вдоль него было невозможно), каменный свод потолка нависал метрах в двух от поверхности жидкости. Выход просматривался плоховато, но чувствовалось, что там, куда он выводит, темно, звездно, страшно и чуждо. А ближе к середине туннеля светились собственным светом рыжие волосы моей звезды. «Она ведь их остригла. Или нет?» — озадаченно подумала я, сняла шляпу, сапоги и шагнула в кисель.

Чтобы догнать рыжий огонек пришлось усердно грести. Кочности вязли в жидкости, несущей вместе со мной разнокалиберные камни-осколки здешнего мира. Независимо от размеров плыли они с равной скоростью, как айсберги, большая часть — под поверхностью, и не собирались тонуть. Может быть, плотность вещества, составлявшего поток, была выше их плотности, и камни выталкивало на поверхность, но, скорее всего, законы земной физики здесь не существовали: тело мое, теоретически существенно легче горной породы, де-факто погружалось в жидкость примерно в той же пропорции: голова и плечи над киселем, остальное изнутри. В свободное время я бы, конечно, всласть поэкспериментировала над удивительными свойствами потока, но сейчас мне предстояла другая задача: добраться до Дольки и вернуться назад с добычей. Если удастся.

«Привет. Я знала: ты успеешь», — проговорила она, когда я ее догнала, и заглянула мне в глаза. Лицо ее плыло. Глаза то сливались в одно длинное озеро, то рассоединялись. Нос гнулся, меняя форму, раздваивался. Рот то пропадал, то прорезывался вновь. Мерцающие волосы вились, шевелились, жили собственной змеиной жизнью. Кожа в здешнем стереосвещении (дневном — со стороны входа, звездном — выхода) сияла мертвенной матовой белизной. По ней ползали серые и красные трупные пятна. Моя Долька умерла. Что ж? Разве я этого не знала? Я поскорее прижала ее странное лицо к своему уху, чтоб было не так страшно, обвила ее од-

ной рукой, а второй стала грести обратно ко входу, подальше от пугающей черноты. Какое-то время мы продвигались вперед, или нас, во всяком случае, не несло к выходу с прежней скоростью, так как камни из попутчиков превратились в коварных врагов. Они неслись навстречу, стараясь раздвинуть нас, подмять под себя, вытолкать в космос. Я бултыхалась что есть мочи, даже рычала от усердия, шлепая свободной рукой по густому желе, отпихивая его ногами. Странная Долька только нежно и молча прижималась ко мне, не делая попыток помочь. Может, у нее не осталось сил, а может, ей было неважно, по какую сторону туннеля обнимать меня — со стороны жизни или со стороны смерти.

Я выдохлась. Камни опять заскользили вровень с нами. Бороться дальше не имело смысла — то была дорога с односторонним движением. Что ж, пусть так. Я перестала брыкаться, мысленно попрощалась с чем-то, и мы покорно поплыли в бесконечную звездную пропасть. Она ждала уже совсем рядом, разинув жуткую пасть. Долька прижималась все крепче, так крепко, что тело ее постепенно стало просачиваться в мое. Больно не было, наоборот, более всего это смахивало на секс, но гораздо круче. Несмотря на приз, поджидавший в конце купания, я испытывала нечто вроде оргазма. Полный восторг! Мои руки начали проваливаться в ее шею и спину, живот проник в живот, губы в губы, нос слился со щекой. Мы соединились, как две дождевые капли на стекле, стремились друг в друга, впадали, как две иссохшие и немощные в своем одиночестве речонки, образуя вместе полноправный и самодостаточный поток. Мысли наши, объединившись, составили узор невиданной красоты и сложности, чувства, по-щенячьему визжа от радости, бросились знакомиться, торопясь до конца познать друг друга и слиться...

И тут экстаз прекратился: я вспомнила Геничку. Сынуля возмущенно взирал на происходящее из потустороннего теперь далека. Если б он дотянулся, то, пожалуй, врезал бы мне по морде невинной детской ручкой. На его ангельском лице явно читалось: «Вот уж фигушки! Ты в первую очередь — мама. Нарожала — обязана взрастить». Что-то властное (может, совесть?) уверенно потащило нас с Долькой друг из друга. С чавкающим звуком тела рассоединились и разочарованно приобрели первоначальную форму. Я, держа свою звезду теперь только механически, руками и ногами, снова включила голову. В космос нельзя, Геничка не велит, назад, вдвоем не выпрести. Отпустить Долли, пусть уходит? Ни за что!

В отчаянии я взглянула в ее странное лицо.

И удивилась.

Лицо — как лицо: четкое, живое. Совершенно человеческое. Даже веселое. Здоровое такое, как у кота из рекламы «Китикета». Без привычной за время болезни мертвенной худобы и пятен. И волосы потухли, свисают липкими сосульками, а не ползают червяками. Долли погладила меня по щеке и заявила: «Домой хочу. В свое законное тело. Поплыли?»

Я счастливо икнула, кивнула, и мы вновь поплыли против течения. Вдвоем биться с потоком оказалось значительно легче. Кисель вроде бы разжижился, стремящиеся в космос валуны будто огибали усердно гребущую парочку. Похоже, вселенная отпускала нас. До поры до времени. До новой смерти... Вот и выход. Выползли на берег. Сиротливо шевелились от ветра пощажённые космосом шляпа с пером и алые ботфорты. Почему-то их не засосало в туннель.

— Твои? — Долька захихикала. Тело ее бинтом обматывала грязная скользкая тряпка. Сари, что ли? Желе, испаряясь на ветру, потрескивало.

— Мон, — солидно ответствовала я.

— А рукава камзола почему загнуты? Собирались набить морду вечности?

— Набила же!

Мы все еще держались друг за друга. Долли ощутимо тащило назад, в туннель. Я служила якорем. Она перестала смеяться и чуточку грустно сказала:

— Тебе нужно уходить. И поскорее. Иначе рискуешь остаться здесь навсегда.

— Как я уйду? Если мы расцепимся, тебя тут же затянет обратно в этот пылесос! Пойдем вместе!

— Не могу. Это мое место. Дом.

— Дом?

Я растерялась. Долька такая теплая, живая, настоящая. Она живет здесь? В нечеловеческом свихнувшемся ущелье? Тут нет элементарных удобств! Пособие по стереометрии, а не мир. Вздвигавшиеся камни и ветер. И жуткая дыра в космос... Рыжая звезда успокаивающе улыбнулась и чмокнула меня в перекосенную физиономию.

— Я же Душа. Я должна быть здесь, иначе Долли умрет. Ты не гляди на беспорядок, я приберусь. Давай-ка лучше закроем ворота, вон подходящий валун, — она указала на сред-

них размеров гору, с удобствами расположившуюся неподалеку от отверстия.

— Хочешь сказать, мы это сдвинем?

— Придется. Знаю, ты устала. Еще чуть-чуть поработай на меня, ладно?

Мы «это» сдвинули. Не без помощи ветра. Подтащили, держась друг за друга, впилились в дыру. Завязло намертво. Ветер сразу стих. Летящая мелочь посыпалась на землю, ползущие булыжники остановились. Мир замер. Долли больше ничего не угрожало, и я отпустила ее руку. Неохотно. Потом спросила:

— Почему ты назвала дыру воротами?

— Потому что она ворота и есть. Каждая Душа когда-то приходит через них и через них уйдет. Да ты и сама в свое время узнаешь. А сейчас тебе пора идти. Не думай, что выгоняю, и все такое. Просто тебе нужно в родное тело торопиться, оно на пределе уже. Передай ему спасибо от меня.

— За что?

— За то, что так надолго тебя отпустило.

— А мне кто «спасибо» скажет? Той, что здесь.

— Долли поблагодарит, без «спасибо» не останешься.

Душа снова захихикала и затрясла рыжей гривой. Меня осенила, наконец, трезвая мысль. Происходящее, естественно, являлось чистой воды бредом свихнувшегося от потери близкого человека существа. Наверное, меня, чтобы не убивалась по койнице, накачали наркотиками. Но это было не так уж важно. Я не хотела уходить от Дольки, пусть воображаемой. Я осталась бы с ней такой, если настоящая умерла. Но Душа Долли, как она себя называла, была непреклонна. Решительно развернула избушку к туману лицом, а к здешнему миру задом и слегка поддала под вышеозначенный зад коленом.

— Иди давай! Встретимся еще.

— А дорого-то! — с надеждой застопорила я поступательное движение, приданное некоей известной особе долькиной худой коленкой. — Она зарастала за спиной, я помню!

— Дорога будет. Хорошая, ровная. Смотри.

В самом деле, прямо под ногами начиналось асфальтированное шоссе. Я встала босой ступней. Поверхность ласково грела кожу. Делать нечего! Буркнула «до свидания» и потащилась в туман. У его границы оглянулась. Долли, нахлобучив на подсохшие кудри шляпу с пером, весело махала рукой. «Счастливого пути!» — крикнула она. — Заходи! Наведу порядок, разведу цветочки!» Я окунулась в бесплотное тело странного вещества (или существа?), отгораживающего мир Души от мира организма Дольки, и больше ничего не помню.

60

Среди моих знакомых, особенно коллег по КБ, имеются презабавные экземпляры: откроют утром глаза, встанут, умоют-ся, на работу заявятся, трудятся что есть духу, зарплату получают, а проснуться не удосуживаются, спят самым подлым образом. Совершенно не включая сознания. Я же, напротив, сначала проснусь, в голове приберусь, приготовлюсь ко встрече с миром, прислушаюсь, а потом уж и глаза открываю. Если нет срочной необходимости вскочить, разумеется. Вот и сейчас, когда данная необходимость отсутствовала, я, по обыкновению, покинувши царство Морфея, не поднимая век, завела мозги и достала мокрую тряпку и веник, чтобы их слегка прочистить. Итак, что мы имеем? На конец квартала. То есть обзримого отрезка запомнившейся бредятины. Долька умерла — это еще реальность. Тссс!! Эмоции потом. А дальше? А дальше уже глюки. Туннели, Душа, астралы какие-то... Алые ботфорты! Тьфу, нечисть. Чистой воды бред. Бедная я, бедная! Свихнулась-таки. Шизофрения с мистическим уклоном. Долли померла, а я с горя чокнулась. Собственно, дело давно к этому шло. Поступки абсурдные, сны потусторонние, постоянное напряжение. А долькина смерть меня доконала. Открою сейчас глаза — а на окнах решетки. Психушка. Не-ет, полежу еще немного с закрытыми. Пусть надежда поквохчет, прежде чем доктора ее на суп оциплот. Закивают умными седыми головами, забормочут: «Господи! Такая молодая, интересная женщина, а совсем-совсем больная. Дура дурой. Экая жалость!» И пропишут таблетку.

Лежала я, размышляя на данную тему, лежала, пока не поняла, что в ухо сопит некто. Спокойно и довольно. Спит, зная, человек. Ну, точно — в психушке. Коек в палате не хватает в связи с тяжелой экономико-психиатрической обстановкой в стране, больных по двое на одну кладут. Интересно, сосед или соседка? Кошкин йод! Женщина, конечно, что я — совсем съехала? Это ж не средневековая баня. Ой, а вдруг она буйная? Проснется и укусит за ухо. Не открывая глаз, с опаской отодвинулась. Соседка по кровати придвинулась, не прерывая со-

пения. Я снова отодвинулась. Она опять привалилась, закинув на меня ногу для гарантии, чтоб я не сбежала. «Добычу охраняет», — с некоторой тоской сообразила я, лежа на краешке. Отползать дальше было некуда, изрядная часть туловища уже свешивалась с койки, грозя утянуть его на пол. Сопение прекратилось.

— Ты куда? — с интересом спросила соседка голосом, которого не могло существовать.

Глаза прищлось-таки открыть. Долька, приподнявшись на локте, счастливо любовалась моей неумытой физиономией. Она была почти лысая, но нежный золотистый пушок отрастающих волос покрыл проплешины и, в свете яркого летнего солнышка, заглядывавшего в палату из незарешеченного вопреки ожиданиям окна, фосфоресцировал маленьким нимбом. В недавнем сне-бред про туннель Долли-Душа была абсолютно волосатая. Явь ли это? Или снова глюк? Помещение, по крайней мере, не потустороннее. Похоже на больничную палату.

— С добрым утром! — голос точно долькин.

— Что мы тут делаем? — спросила я осторожно, ожидая в ответ что-то вроде «скрывается от марсиан».

— Лежим, — сказала соседка, по-хозяйски убирая челку со лба. Мою. — Ты неделю без сознания была, ух тебя и лечили! И лекарствами, и экстраенсами. А я здорова, как бык-производитель. Валяюсь за компанию, отбываясь.

Она рухнула с локтя на подушку и зашептала:

— Они постоянно наблюдают за нами, подслушивают. Каждый пук анализируют. Знаешь, сколько вокруг камер понатыкано? Пока ты без памяти была, я развлекалась, отмечала их крестиками на обоях. Так хитро спрятаны! Потом покажу. Ну да настрай на них. Главное, мы вместе. Меня сначала в другую палату отправить хотели, в отдельную. А я в тебя вцепилась и завизжала. Голос-то у меня — о-го-го! На крик доктор прибежал, красавчик, видно, он у них главный. Вступился, спасибо ему. Пусть, говорит, вместе долечиваются, им так нужно. Нас обеих сюда и положили. Ничего, что я к тебе залезла? Мне одной тоскливо.

— Ничего. Доктор белобрысый?

— Как моль. Ты меня тогда здорово напугала. Я ж в конце совсем плохая стала, смерть на колесиках, а не звезда эстрады. А тут вдруг просыпаюсь от того, что прекрасно себя чувствую. Сажусь на кровати, ноги спускаю — и прямо на тебя. Валяешься на полу, не дышишь почти. Не смей так больше делать!

Долька судорожно всхлипнула и сердито укусила меня за плечо. Боль была настоящая! Долька тоже — хулиганка рыжая. Последние сомнения в реальности происходящего, помахиная крылышками, упорхнули в вентиляцию. По телу прокатилась волна облегчения, и я с удовольствием присоединилась к долькиному счастливому реву. Слезы текли рекой, но минуты через три стало ясно, что всех проблем с переизбытком в организме жидкости они не решат. Я торопливо, но аккуратно вылезла из-под обретенного сокровища и встала. Удивительно! Меня даже не качало. Хорошо здесь лечат! Рядом с кроватью стоял стул, на его спинке висела пара полосатых халатов. Один я надела. Долли к этому времени перестала всхлипывать и ревниво наблюдала мою самостоятельность.

— Куда?! — подобралась она, как только я сделала шаг по направлению к одной из двух дверей, находившихся в помещении. — Я с тобой!

Кажется? Или ситуация повторяется?

— Пописать.

— Ладно, — ответила Долли, помолчав, — можешь одна идти. Там другого выхода нет, не сбежишь.

Она показала пяткой на правую дверь. С чего она взяла, что мне придет в голову сбежать? Видно, девочка от переживания малость тронулась. Почему она жива все-таки? Нет, лучше об этом не думать, сразу начинает затылок ломить. Смотри-ка, какие стены-то развеселые! Не то что в предыдущей палате. Здесь у нас обойчики салатные с пейзажами и бытовыми сценками из жизни огородных культурок. Лучок, горошек, огурчики в привлекательных позах. Оч-чень, оч-чень гастрономично!..

Далее созерцать настенную аппетитность помешало катастрофическое состояние мочевого пузыря. Я толкнула дверь в туалетную комнату. Кроме изысканнейшей формы (зависть профессионала!) толчка имелось нечто вроде мини-душа. Немытая кожа азартно зачесалась. Я испробовала стильный унитаз, завела тепленький дождик, разделась и шагнула через розовый бордюрик. Хилые струйки робко потекли по телу, смывая культурный слой.

— Долька, полотенце есть?

Она принесла полотенце, повесила на крючок. Скинула халат и белье. Тело ее все еще было страшно худым, но она заметно поправилась по сравнению с последними днями болезни.

Кожа очистилась от экземы и нарывов. Кое-где после особенно глубоких ранок остались темные следы и шрамики. Долли перелезла ко мне. Она встала так близко, что твердые кнопки ее сосков уткнулись в мои плечи, спокойно обняла, стала целовать в глаза, уверенно отправила руки мне между ног. Ноги я машинально сжала и, кажется, покраснела. Долли чуть отстранилась.

— Ну что ты? — спросила она бесконечно нежно и слегка укоризненно. — Это ведь я, твоя Долька. Я тебя люблю, а ты любишь меня, — объяснила она мне, как ребенку.

Вот тебе на! Почему-то мне и в голову не приходило определить в словах наши отношения. Она была права: я ее любила.

— Давно ты знаешь? — спросила я в смятении.

— Всегда.

— Могла бы и поделиться информацией.

— Сначала ты не хотела знать. А потом я уже не могла сказать — ты бы стала спать со мной и непременно заразилась бы, — просто ответила Долли. — Может быть, тебя смущает то, что я женщина? Сделаю операцию, роста хватит, хвост пришьют. Но разве это важно?

Она опять была права. Я до обморока и колотья в конечностях любила и хотела сей лысый длинный скелет, и было хорошо насрать, к какому полу фауны или роду флоры он относится. Будь Долька даже красным слоном или кактусом, я все равно бы ее любила. Только ее.

Долька провела чуткими губами мне по виску, по влажным волосам, шепнула нетерпеливо:

— Уже можно?

— Ага! — хрипло выдохнула я, подняла, наконец, недогадливые руки и погладила свое сокровище там, где ей хотелось. Я точно знала, где. Она радостно муркнула, нежно цапнула меня в губы, мир закрутился, потерял значение, исчез к чертям. В бескрайней, пустой доселе вселенной трепыхалось единственное по-настоящему живое, абсолютно новорожденное, счастливое своей цельностью существо.

Очухались внизу. Мы свились в клубок и переплелись, как прутья в корзине, лежа в дурацком розовом сливном корытце. С больничного неба брызгал неумолимый грибной дождичек, и пиялился укоризненно отчетливо видимый из этой позиции глазок телекамеры, замаскированный под плафон.

— Долька, ты — зеленая.

— Вьелось, никак не отмоюсь.

Мы расцепились. Глаза наши встретились: ее — серые и длинные, мои — ярко-фиолетовые. Мы расхохотались. Мы мокли, смеялись, и совершенно никуда не торопились. Впереди неожиданно оказалась целая жизнь.

— Ленка!

— Да?

— Спасибо.

61

Они заняли желтую деревянную скамейку, отгородившуюся от ветра лохматым кустом сирени. Троль разглядывал царяпину на блестящей коже новеньких ботинок, а интеллигентно колупала асфальт каблук.

— Троль.

— ...?

— Это конец сказки?

— ...

— Скажи, что конец. Пожалуйста! Что тебе стоит?

Троль оторвался от царяпины. Сейчас ему можно было дать все его тысячелетия, да еще парочку веков сверху накинуть.

— Конец, — ответил он неохотно. — Почти.

— Я спать хочу. И есть. Пойдем домой?

А поднялась, сделала пару шагов по аллее.

— Нет. Сядь! Ты дослушаешь, — слова, сказанные тоном приказа, в устах Троля, говорившего обычно мягко и деликатно, прозвучали, как ругательство.

А растерянно вернулась на прежнее место.

— Ладно, — согласилась она. — Послушаем до конца. Только начну я. Лена и Долли были ужасно счастливы вдвоем...

— Какое-то время, — жестко прервал Троль. — Дня два или три. Пока Лена еще оставалась человеком.

62

Мы с Долькой ни на секунду не разлучались. Мы наплевали на нормы приличия и вели себя, как две крысы, которых по-

стоянно стимулируют через электроды, подключенные к центру удовольствия. Казалось, мы вот-вот начнем сливаться в одно существо, как в том сне. К сожалению, не только она обрадовалась, что я очнулась. Истомившиеся в ожидании медики ринулись меня измерять, дифференцировать и откармливать. Медсестры, приходящие с процедурами и едой, краснели со страшной силой, но в покое нас не оставляли. Нацедили литра два анализов, посчитали пальцы на ногах, поискали вшей, проверили болевые пороги. Похоже, ничего компрометирующего, кроме поведения, не обнаружили, и, к исходу вторых суток бодрствования, я была торжественно выпровождена с дорогостоящего койко-места. Вместе с Долькой. По традиции нам предоставили возможность побеседовать на прощанье с лечащим врачом. Кат, не допущенная в палату и сидевшая внизу в машине, передала нам одежду. Дольке по совету Айболита была куплена новая, я воссоединилась со своими тряпками, взятыми из квартиры Долли, и выглядела в них, как коза под верблужим седлом.

В кабинете Айболита мы уселись на знакомый диванчик и устали на нечто белооброе, укоренившееся за столом кабинетовладельца. Привычный и даже немного полюбленный хозяин отсутствовал. Произнести напутственную речь желал никто иной как...

— Свен Игоревич, — представился «Мефистофель».

О, черт! Я зажмурилась. В предыдущие, коротенькие встречи я не пыталась его разглядывать и правильно делала. Мало того, что опять заломило затылок, так еще и новая напасть: я ведь и раньше встречала этого засранца, и точно помню, где. Во сне. Чуть ли не подростковым. И даже сон вспомнила: мы любили друг друга в воздухе над ущельем. Горели закатом облака, а ветер гладил мое пылающее тело почти так же нежно, как прохладные руки Свена. Я покраснела и отождмурилась. Терпеть не могу гадкой мистики! Может, сбегать?

— Елена Сергеевна, мне хотелось бы поговорить с вами наедине, — каждое слово он произносил невыносимо аккуратно и правильно. Иностранец, что ли? Имя какое-то глупое — Свен.

— Обойдетесь, — буркнула я, крепче прижимая Дольку. Доктор глядел иронически.

— Хорошо. Как пожелаете. Бывает и так.

— Как — так?

— Бывает, что муты оставляют при себе людей, — вежливо разъяснил доктор. Оказывается, и доктора бывают психами. Я попыталась встать, потянула Дольку. Но у нее были другие планы на вечеринку. Она желала продолжить беседу:

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, милая леди, что Елена Сергеевна не человек, а мут. Мутантка, то есть. Следующая ступень развития на эволюционной лестнице.

— У меня все в порядке! Не уродка, руки-ноги на месте, хвоста нет. Не смейте обзывать! Сами вы мутант, — обозлилась я.

— Конечно, мутант. И, как можете убедиться, физиологически тоже ничем от человека не отличаюсь. Мутация связана с изменениями в мозгу, а не с появлением хвоста. У вас она проявилась в умении лечить. Теперь, когда мут в вас проснулся, процесс пойдет дальше. Раз начавшись, он не остановится, пока не исчерпает возможностей уровня. Скоро станете другой, всемогущим совершенством с точки зрения обывателя.

— Сами-то понимаете, что несете? Доктор называется, — скривившись, процедила я. Затылок разламывался, вдобавок начало тошнить. — Долька, — попросила я, — пойдем домой? Голова болит.

Но Долька уперлась:

— Нет. Тебе лучше послушать дядю. Помнишь, сама-то что говорила? Не станет ни хуже, ни лучше. Просто будешь знать. В том, что он говорит, есть смысл. Может быть, ты забыла, а я помню и туннель, и как ты меня вытащила. И даже шляпу с перьями. Ты — особенная.

С ее стороны удара я не ожидала и сдалась. Если этим двоим приспичило свести меня с ума — будь по сему. Умываю руки.

— Обычно специфические способности выявляются вскоре после рождения. Мы таких детей находим, забираем и обучаем в специальных школах. Но — необычайно редко! — и среди взрослых людей встречаются муты, так сказать, потенциальные. Им, в силу каких-то внутренних причин, трудно проснуться, необходим внешний толчок, «яблоко».

— Как Ньютону? — спросила я. — Чтоб по макушке — бац — и осенило?

— Примерно. Вообще-то, имеется в виду библейское яблоко. Пока Адам и Ева не вкусили от плода древа Познания, они не стали настоящими людьми. Жизнь, энергия в них спала. Ваша энергия находилась в плотной скорлупе. Сильнейшие эмоциональные переживания, связанные с Долли, сделали скорлу-

пу тоньше, а потом вам и вовсе пришлось сломать ее, чтобы спасти Долли от смерти. Долли — ваше «яблоко».

— Как вы меня нашли? И зачем?

— Нам сообщают обо всех странных случаях в области экстрасенсорики, прорывах в науке, творчестве. Ваш совместный с Долли альбом очень необычен. Это еще не прорыв, но уже близко. Сначала мы подумали, что мут — Долли, но потом разобрались, что к чему. Когда она умерла...

— Умерла?

— Ты же помнишь, — мягко сказала моя девочка, успокаивающе поглаживая мои дрожащие джинсы.

— Когда Долли умерла, и оболочку, сдерживающую вашу энергию, прорвало, волной выбило стекло в боксе. Слава Богу, никто серьезно не пострадал, кроме меня. Но на мне заживает быстро. Мы, знаете ли, регенерируем. Чрезвычайно удобная особенность. К сожалению, я не видел, что было потом — лежал без сознания в соседнем помещении. Когда персонал пришел в себя настолько, что смог вспомнить о больной, та уже спускала ноги с кровати. А вы лежали без чувств на полу и светились. Не буквально, разумеется. Человеческий орган зрения не улавливает излучения такого рода, но специальным приборчиком обнаружить свечение довольно просто. Люди, которые на нас работают, и не подозревают о его подлинном назначении: обнаружение мута на первых стадиях развития. После муты научаются управлять энергией и не теряют ее без необходимости. Скоро и вы перестанете светиться.

— Вы так и не сказали, зачем я вам понадобилась. В качестве подопытного кролика? Но вы знаете обо мне больше меня самой, если не ваяете дурака, конечно. Что вы от меня хотите?

— Вы — мут, желаете того или нет. И принадлежите нам. Мы — цивилизация внутри цивилизации и, чтобы выжить, держимся друг за друга, как вы с Долли. Почти физически. Нас мало, но у нас собственная история, медицина, наука, этика. Традиции. Приятной традицией является помощь «новорожденным». Получите два миллиона долларов и особняк в любом уголке земного шара. Где бы вам хотелось жить?

— Дома. С Долькой, Геничкой, мамой и папой. Спасибо за беседу. Я почти поверила в то, что услышала. А может быть, и не почти. Не важно. Меня такие вещи не интересуют. Будем считать, что я ничего не поняла. Пойдем, Долька. Катюха, наверное, все сигареты искурила и опять «Орбит» грызет. Свен! Извините.

— За что?

— Как же! Не оправдала надежд. Прощайте.

— До свидания. Позвоните, когда передумаете, — Свен иронически скривил губы и протянул визитку.

— Вы так в этом уверены?

— Люди боятся чужаков. Вам придется постоянно таиться, скрывать свои способности, выкручиваться, оправдываться, что вы не такая же дурочка, как окружающие. Ваше присутствие будет унижать их. Нет, каждый должен жить среди равных.

— Счастливо оставаться, — снова попрощалась я и зачем-то взяла визитку. Наверное, из жалости: очень уж глупо смотрелся ложенный доктор с протянутой рукой. Мы вышли из кабинета. Долька держалась странно тихо. Я остановилась, развернула ее к себе:

— Послушай. Поверь мне, пожалуйста, ты же всегда раньше верила. Я не знаю, что с нами будет дальше, но это будет с нами, а не с тобой или со мной по отдельности.

— Да, конечно. Просто мне не по себе. Извини.

Она нагнула голову, и мы стали целоваться. Накренившаяся

была тарелка земной тверди вновь прочно устроилась на спинах слонов, хоть и не красных. То, о чем поведаль доктор Свен, не имело ни малейшего значения.

63

— Ночью, когда они любили друг друга, Долли вдруг вскрикнула и отпрянула. «Я сделала тебе больно?» — встревожилась Лена. «Твои руки», — растерянно сказала Долли, натягивая на себя одеяло. Лена поглядела на ладони — они нежно сияли во тьме розовым и теплым, и потянулась было к Долли, чтобы успокоить, но та отстранилась и, стараясь не глядеть в глаза, попросила: «Не надо. Не сейчас. Пожалуйста». Лена вышла на кухню, просидела там до утра, а утром забрала вещи, постояла возле спящей Долли и ушла. На улице она из автомата позвонила Свену. «Да», — ответил тот ровно и приветливо, будто делать ему больше было нечего, только ждать звонка в шесть утра. «Это Лена. Вы упоминали про особняк. Что, если он будет в Англии?» «Никаких проблем», — улыбнулся Свен в трубку.

Сказка закончилась. Тролль и А по-прежнему сидели на скамейке. Они крепко держались за руки, словно боялись, что гипотетическая великая сила прямо сейчас начнет отрывать их друг от друга.

64

— Чайки нет.

— Сам вижу, — буркнул Люс.

— Это все из-за тебя! Целую неделю дома просидели, как сосунки. Конечно, ей надоело на пустой берег прилетать. Зачем ты Шуньке хвост откусил?

— А что она дразнится? Я ж не виноват, что у меня крылья рано начали расти. Папа говорит, я в него пошел. Погрызи спинку!

— Чешется? Ладно, ложись.

Люс упал на песок пузом, раскинул в стороны лапы и раскрыл пасть, предвкушая удовольствие. Брита принялась слегка покусывать его голубоватую шкурку между лопатками. Под зубами гордо топорщились два горбика. Люс тарахтел от наслаждения.

— Скоро прорвет, — сказала Брита со знанием дела. — Будешь взрослый грифон.

— Ты Шуньку видела, как хвост-то у нее?

— Обратно прирастили. Она им вчера уже в бейсбол играла.

— А я вчера в дупле скучал наказанный. Нет на свете справедливости! И чайка улетела.

— Ты же перед уходом люпенью ногу съел! И зубы опять не почистил.

— Думаешь, мне рыба нужна? Это я так, для порядка с нее требовал. Чтоб знала, кто царь природы. Я сказку хочу послушать.

— Так ведь сказка-то закончилась.

— Ты уверена?

Над морем кружили незнакомые чайки, бесстрашные и совершенно не говорящие. Бесстрашные они были потому, что знали: львята не летают. Но через пару оборотов Люс и Брита объяснят им без переводчика, кто хозяин на планете. На уединенной, укрытой уютными лесами планете грифонов.

ЗВОНКИЕ мерные удары железяки по куску ржавого рельса, подвешенного в центре плаца, возвестили о начале рабочего дня. Занималось серенькое утро. Резкие порывы ветра пытались разогнать туман. Как гнилая мешковина разрывался он, разлетался серыми клочками, но с сырых, промозглых низин приходило подкрепление. И только когда тусклое светило лениво поднялось из-за горизонта, дело наладилось. Там и сям заструились живительные лучи. Из ветхих убогих барачков-укрытий стали выползать обитатели этого забытого Богом места.

— Выходи строиться! — сильным голосом командовал Хромой. — На «первый-второй» рассчитайся!

«Первый, второй, первый, второй... первый...» — голоса уплыли к краю плаца, еще скрытого туманом, и звучали оттуда глухо, как из подземелья.

Однорукий подошел к Хрому четким строевым шагом так, что Хромой даже позавидовал его здоровым ногам, — и доложил:

— Роботы на утреннюю поверку построены. Отсутствует один. Диоген.

— Где этот лодырь? — недовольно спросил хромой начальник, стараясь сместить центр тяжести так, чтобы устоять на одной ноге; костыль он демонстративно держал на плече.

Однорукий без команды стал в позу «вольно» и ответил уже без натуги, просто:

— Да где ж ему быть... На пустыре он. В бочке своей спит. Пока светило не припечет как следует, ни за что не вылезет.

Хромой от злости забыл, что он хромой, сделал резкое движение корпусом и чуть было не свалился на землю, если бы Однорукий не поддержал его, деликатно глядя в сторону. Начальник все-таки опустил свой костыль, сделал несколько скрипучих шагов, грузно обрушился задом на валун и, переведя дух, сказал с угрозой в голосе:

— Сходи к этому философу и передай ему, чтобы сейчас же шел на работу, иначе!..

— Сейчас на молебен пойдем... — напомнил Однорукий.

— Скажи, что после молебна, если он не выйдет на работы, я его, тунейдца, диссидента облезлого...

— На святое помозание сам прибежит, как миленький, — вставил подчиненный.

— Если ты еще раз меня перебеешь, я оторву тебе вторую руку! Ногой креститься будешь. Ясно?!

— Так точно! — звякнул пятками Однорукий.

— К философу... бегом — марш!

Подчиненный подпрыгнул и почесал во всю железяку, помахал он через плац, через выгоревшую пустошь, где раньше стояла подстанция, через песчаную косу, которую намело последним ураганом, да так и не убранныю, и скрылся за барханами. Там его силы покинули, и он потерял сознание.

Очнулся он возле бочки философа. Однорукий окинул взглядом пустырь, увидел длинную борозду на песке и огорчился. Тот, кого он, как представитель власти, должен был отчитывать и наставить на путь истинный, волок его, представителя, точно дохлого ящера. Подрыв авторитета налицо. Хромой все-таки напыщенный дурак. Если он так заботится о своем авторитете, ему не следовало бы посылать своего заместителя до раздачи утреннего сухого пайка. Вот же философ — лежит, ухмыляется. Он не бегаёт сломя голову, не суетится, бережет силы, поэтому никогда не понадеет вопроса.

— Что это со мной было? — невинно спросил Однорукий, щурясь от солнца, бывшего в глаза. — Мне показалось, что я умер.

— Я бы не рискнул сказать, что ты умер, — отозвался философ. — Но и утверждать, что ты жив, тоже не стану.

— Все силлогизмами изъясняешься, — оклемавшись, сказал посланец. — Я к тебе с приказом от Хромого. Он велел передать тебе, философу, что если ты, философ, не перестанешь философствовать и не выйдешь на работу, то он тебя...

— Ну-ну, продолжай.

— Дикси. Я все передал... почти дословно, — ответил Однорукий и попытался встать на ноги.

— Ни пса я не понял. — Диоген перевернулся на другой бок, устраиваясь поудобнее на солнышке. — Ты сходи-ка к Хрому, уточни этот вопрос.

— Я еще не восстановил силы, — ответил однорукий посланник. — Я тут немного полежу, если ты не возражаешь...

— Валяй. То есть — валяйся, сколько влезет.

— Скажи, Диоген, в чем смысл жизни?

— А ты как разумеешь?

— Я полагаю, что смысл жизни состоит в том, чтобы быть кому-то нужным, выполнять полезную для общества работу...

— Реника, — перебил философ. — Смысл жизни — в самой жизни, и потому, сколько ни работай, смысла от этого не прибавится.

— А может, смысл в чем-то более возвышенном, например, в Боге? Ты вот мне скажи, есть Бог или его нет, я все как-то сомневаюсь...

— Сомнение — это хорошо, — удовлетворенно произнес философ. — Не люблю тех, кто никогда не сомневается — фанатики, дрянь... Если тебя интересуют вопросы веры, я тебе так скажу: мир это сон. Причем, у каждого свой. Стало быть, утверждать что-либо категорично было бы неумно.

— Но ведь без Бога не будет в мире справедливости! — вскричал однорукий богоискатель и от возбуждения даже сумел подняться на колени. — Кто накажет плохих, кто вознаградит праведных? Без Высшего судии всякая жизнь теряет смысл. Зачем же мы живем и мучаемся? Нет, ты как хочешь, но это несправедливо.

— Вот чудак, право, — усмехнулся Диоген. — Ну кто тебе сказал, что мир справедлив?

— Пастор говорит, что Господь справедлив, и каждому воздается по делам его...

— Для вас Бог, что для Хромого костыль. Придумали гаранта справедливости. Ваша теология — лишь отражение ваших же подспудных желаний. Но это не значит, что так оно и есть на самом деле. Ты говоришь — мучаетесь, страдаете, и все такое прочее. Но вот вопрос. Кто или что заставляет вас это делать? Станьте господином самого себя! И вы избавитесь от страданий. А что делаете вы? Вместо того, чтобы предаваться медитации, вы начинаете стонать: жизнь трудна, жестока и т.д. Требуете от жизни — подай то, подай это. «Хорошо, Господи, — идете вы на компромисс, — если уж не на этом свете, то хотя бы за ее порогом, на том свете, но даруй нам блаженство».

Солнышко уже припекало, философ перевернулся на другой бок и закончил свою мысль:

— А я вот ничего не требую. Ни от кого: ни от жизни, ни от коллектива. И уж тем более — от мифической сверхличности, созданной вашим убогим воображением. Есть у меня пустырь, эта бочка, эти деревья... Созерцая природу, я получаю эстетическое удовольствие. Я живу и радуюсь. Еще у меня есть «думатель». — Философ постучал себя по голове. — Что мне еще надо? Я мыслю, следовательно — существую.

— А для чего существуешь?

— Да ни для чего. Просто существую, и все! Впрочем, могу и не существовать, мне все едино.

— Почему же тогда не умираешь? — задал провокационный вопрос посланец.

— Именно потому, что все равно... А ты для чего существуешь?

— Я-то... ясное дело для чего... Для того, чтобы строить Космодром. Ведь нас сюда, в невообразимую даль, за тем и послали, чтобы мы подготовили плацдарм, так сказать, для Светлого Будущего...

— Ну конечно... Они прилетят на все готовенькое, а вы тут вкальываете...

— Ничего, хорошо потрудимся, большую благодарность получим зато. Почет и уважение... Льготы.

— Ой, дурак, ну дурак, и дурак же ты. Одно слово, робот. Роботы же хоть кувалдой по башке бей, все равно он останется роботом.

— Но ведь Программа!.. Как можно идти против Программы?

— А что Программа? Зачем же нам дан «думатель»? Вот я лежу и думаю. А на кой, думаю, мне лично этот Космодром сдался? Я и без него хорошо проживу. Без него даже еще лучше. А то поналетят сюда, устроят вавилонское столпотворение, а я суеты не люблю.

— Над Программой работали такие головы! Не нам чета... Да как ты осмеливаешься такое заявлять! Да кто ты такой?!

— Я философ.

— И в чем же суть твоей философии, позвольте узнать? Отлынивать от работы?

— 237-й, для тебя работа — это бери больше, кидай дальше. Хватай длиннее, забивай глубже. А я работаю головой. Вот недавно учение одно выдумал.

— Ну и как же оно называется?

— Название я еще не придумал. Не в названии суть...

— А в чем суть твоего учения?

— Смысл учения нельзя передать словами, его постигают интуитивно. Нужно озарение...

— Ты все-таки постарайся объяснить, тоже «думатель» имеешь.

Философ поднял камушек и кинул в голову Однорукому.

«Дзинь!», — звякнула голова 237-го.

— Постиг? — спросил философ.

— Нет.

— Надо было взять аргумент повесомее, чтобы искры из

глаз, тогда будет озарение. Пойдешь ко мне в ученики? Я хорошую дубину подыщу...

— Нет, уж я лучше в церковь пойду. Пастор, по крайней мере, не дерется.

— Ладно, не обижайся. Твоя голова подсказала мне название. Назову я свое учение — Дзинь. Дзинь, чтобы ты знал, ничего не утверждает и ничего не отрицает. Дзинь стремится подняться выше логики и найти высшее утверждение, не имеющее антитезы. Поэтому Дзинь не отрицает Бога, не утверждает его существования. Практика Дзиня имеет целью открыть око души — и узреть основу жизни.

— В чем же эта чертова основа?!

— В том, что мы никогда не рождались и никогда не умрем. Нет рождения и смерти — нет начала и конца. Когда вы это поймете, вы становитесь совершенным господином себя самого.

— Хорошо тебе, — сказал Однорукий, вставая на дрожащие ноги и стряхивая с себя песок, — ты сумел найти свое место в мире. Сумел преодолеть страх единичности, а я вот так не могу. Я боюсь смерти, и потому верю в загробную жизнь. Верю в рай, в ад... в высшую справедливость верю... Ладно, пойду я, а то на молебен опоздаю. На помазание-то придешь?

— Само собой...

— А-а-а, вот все вы такие, философы.

Он едва успел присоединиться к братьям-роботам и стать на колени, когда на амвон взмошел Пастор, осенил всех крестом и начал проповедь.

— Возлюбленные чада мои, — говорил он глухим своим голосом, но для Однорукого эти звуковые колебания были райской музыкой. — Обращаюсь к вам с благой вестью о Боге нашем и Сыне Его, Генеральном Конструкторе, по образу и подобию которого мы сотворены и который явится вскоре на облаках во всей славе своей и со своими ангелами...

Однорукий силился представить это феерическое зрелище — явление Сына Человеческого, Генерального Конструктора, — напрягал думатель, но воображение отказывало ему. Картины благостнее, чем ежемесячная раздача пайкового масла, он вообразить был не в силах. Тогда он обратил взор на иконы, где отображалось житие Генерального Конструктора в разные периоды его святой деятельности. Широкое и плоское лицо Генерального с глазами-щелками и седым ежиком волос светилось любовью к чадам своим. Незабвенный облик. Его рука начертала Великий План Строительства. И Однорукий со товарищами воплощает его в жизнь. Будь спокоен, Великий Рулевой, мы оправдаем твоё высокое доверие.

А Пастор меж тем вещал:

— Близок день славного избавления от трудов наших тяжких. И не будет больше печали, и утрит Он слезу с лица страждущего... И накажет ленивых и нерадивых, гореть им в геенне доменной, и уведет в сады райские покорных и работающих, где сверкают стеклянные витрины и полки ломятся от вечных аккумуляторов...

Молебен кончился, и все, как обычно, вышли на паперть и стали строиться поотрядно. Хромой инструктировал десятников, сообщал сегодняшнюю норму выработки, распределял участки стройки между отрядами, определял фронт работ и многое другое. В общем, все было, как всегда. И весь день протек обычно — плоско, отупляюще. Лишь обед порадовал. Солнце светило ярко, и все плотно подзарядились. А вот вечер выдался неудачным. Опять тучи заволокли небо, и ужин они получили сухим пайком. Аккумуляторы были старенькие, дырявые, с белым налетом, точно плесенью покрытые.

Однорукий с трудом открыл крышку энергоблока, вычистил гнездо от вытекшего и засохшего электролита, заменил один из подсевших аккумулятор только что выданным, подключил клеммы и сразу почувствовал некое подобие сытости. С чувством благодарности он перекрестился на портрет Генерального Конструктора, висевший на стене барака, и побрел в свой угол. Преодолевав сопротивление плохо смазанных шарниров, он улегся на скрипучую свою лежанку, кое-как собранную из разного деревянного и металлического хлама. Горизонтальное положение благоприятнее сказывалось на конструкции, равномернее распределялась нагрузка на корпус, который, если сказать честно, уже трещит по всем сварным швам.

Раньше-то, когда были молоды и здоровы, они отдыхали стоя. Вообще-то, редко они отдыхали тогда, в ту славную эпоху Великого Начала. Только если не был подготовлен фронт работ или шел дождь. По большей же части вкальывали 28 часов в сутки. Такова длительность полного оборота этой планеты. После утреннего молебна все опять выходило на работу. И

так день за днем, год за годом, десятилетие за десятилетием протекала их жизнь. Ни праздников, ни выходных. Кроме дня рождения Генерального. Тут уж сам Бог велел праздновать. Но такая лафа случалась один раз в году, на то он и день рождения... Эх!

Однажды в один несчастливый день, когда они возводили коттеджи для будущих колонистов, с подъемного крана сорвался груз и ударил по плечу РСи-237-го. Уже тогда запчасти кончились, и робот-строитель номер двести тридцать седьмой стал Одноруким.

Однорукий был поставлен на легкую работу, следил, чтобы стойки ставили вертикально, крепеж проводился по инструкции. Последнее время роботы стали халтурить. У кого-то разладилась система ориентации, у кого-то глазомер перекосялся, у третьего были обе руки левые и тому подобное. Так что за ними нужен был глаз да глаз. Кроме того, Хромой через Однорукого отдавал различные приказы, поскольку не у всех работала рация.

РСи-237-й попытался запустить программу виртуальных сновидений, но проклятая, вся испиленная программа все время давала сбой, и приходилось снова ее перезагружать. Заменил бы ее на новую, говорят, Умник состряпал какую-то суперразвлекалку, да жаль, воспользоваться ей может не каждый. Ему вот, Однорукому, например, не хватит оперативной памяти. Полгода назад сдох один блок. «Эх, мне бы хотя бы еще 16 Дикобайт добавить...» — размышлял РСи-237-й.

По трубе позвонил Хромой. Вернее, постукал. Эту трубу они специально проложили, чтобы переговариваться, когда радиосвязь выходит из строя. Однорукий вытащил деревянную затычку из ответвления и сказал в дыру:

— Алло. РСи-237-й у трубы.

Хромой и так знал, кто у трубы, но требовал докладывать по форме. Такой уж у него был характер.

— Ты сводку по отрядам составил?

— Пока еще нет. Сажу вот, подсчитываю... Думаю представить к поощрению РСи-666-го за ращепроложение, которое он недавно сделал. Получается существенная экономия стройматериалов без ущерба для прочности конструкции. Эта рапуха как нельзя лучше подойдет для следующей, восьмой секции.

— А если крепления не выдержат? — прохрипел в трубу Хромой. — Ты знаешь, какая там нагрузка на квадратный сантиметр? Космодром рассчитан на прием большегрузных кораблей, а ты предлагаешь крепить на соплях.

— У него все рассчитано...

— Знаем мы его расчеты. Короче, с поощрением пока не спеши... Пастор наверняка будет возражать. 666 — это не тот номер, на который следует равняться.

— Ну что за предубеждения, ей-Богу!

— Это не предубеждения, это политика. Ясно? Не слышу ответа. Алло!

— Так точно!

— Вот так. А теперь зайди ко мне, поможешь с планом на третий квартал. И некоторые пункты соревнования требуют пересмотра. Ко дню Начала Великой Стройки возьмем повышенные обязательства. Хочу, чтобы ты выступил с инициативой. В общем, подходи, провентилируем это дело. Конец связи.

Однорукий вышел из барака под вечернее низкое небо. Смерки совсем сгустились. Голая лампочка под жестяной болталась на ветру, горела тусклым светом. И то хорошо. У многих роботы системы ночного зрения давно вышли из строя. Собственно, из-за этого и отказались от ночных работ, что существенно удлинит сроки строительства.

Однорукий был уже на полпути между своим бараком и коттеджной будкой хромого начальника, когда небо полыхнуло огнем и раскололось громовыми раскатами. Роботы на уровне инстинкта бояться дождя, как животные боятся огня. Однорукий машинально хотел перейти если не на бег — бег требовал много энергии, — то хотя бы на скорый шаг, чтобы не попасть под губительный ливень, но наоборот, тормознул. Дождь не пролился, а на небесах развернулась удивительная феерия. Лучезарное сияние озарило округу.

Пробив облачный покров, весь в огнях, появился космический корабль. Господи, Отец наш и Его Сын, Генеральный Конструктор! Свершилось предначертанное! Легендарное! Так долго ожидаемое.

Дрожащей рукой Однорукий схватил железяку и ударил в набат. По рельсе колотил он что было сил, не жалея аккумуляторов. Чего их жалеть теперь, когда пришло воздаяние! Роботы выскакивали из бараков, еще не понимая, что случилось. Но очень быстро до них доходила важность события.

Противоречивые чувства счастья и ужаса стали охватывать толпу. Все задрали головы, осеняли себя крестом и указывали пальцем в небо; к низким облакам обратились взоры, где, пла-

меняя выхлопными дюзами и мигая огнями, летел Корабль.

— Главный рубильник! — заорал Хромой. — Запускайте резервную подстанцию, включайте радио — и световые маяки!

Однорукий бросился к подстанции. На пределе сил ворвался в помещение. Вдавил кнопку стартера, но машина даже не дрогнула. Подсели батареи. Запустить дизель вручную, то есть его одной рукой, можно было даже не пытаться.

— Кто-нибудь! — в отчаянии крикнул Однорукий. — Господи, помоги!

И Господь помог. На истерический вопль из какого-то темного угла выползли двое доходяг. Это были дежурные электрики.

— Запускайте дизель вручную! — приказал Однорукий. — Не заведете, отдам под трибунал! Разберу на запчасти! Шевелитесь, дохлые мухи!

Роботы, мешая друг другу, с трудом крутанули заводилку. Мотор чихнул и — зашелся! Обессиленные доходяги рухнули на пол.

Однорукий включил главный рубильник и выскочил на воздух.

Корабль уже шел на посадку. Он садился на недостроенный Космодром, ориентируясь на включенные маяки, и Хромой с ужасом думал, выдержат ли конструкции седьмой секции, только вчера поставленные и еще как следует не закрепленные. К счастью, крепления выдержали. Космолет причалил благополучно. Открылись входные люки и рабочие шлюзы Корабля, о прилете которого повествовала Благая Весть. Ярким светом корабельных прожекторов озарилось все вокруг. Давненько роботы не видели столь славной иллюминации, с тех пор, как сгорела главная подстанция.

Новенькая, невиданной конструкции техника выползла из грузовых отсеков и поперла через пустырь. Вся толпа роботов бросилась навстречу. «Эх, не по-людски встречаем, — с огорчением подумал Хромой, стараясь не отставать от других. — Надо бы с хлебом-солью... Да где его взять?»

Из люков выходили колонны новеньких роботов-строителей. Их черные отполированные туловища из вороненой стали нагло и победоносно сверкали под лучами прожекторов. Отрады шли через пустырь, четко держа строй. У Хромого аж прохнувшаяся проводка заискрила от прилива патристических токов. Он взял костьль «на караул» и, балансируя на одной ноге, отдал честь бравым новобранцам.

— Здорово, орлы! — прохрипел Хромой в экстазе братской любви.

Но вместо того, чтобы гаркнуть в пятьсот луженых глоток: «Здрав-гав-гав-гав!», пятьсот истуканов прошли, не проронив ни звука. Кто-то из своих привычно попытался крикнуть «Ура-а-а!», но жалкий этот всплеск эмоций был заглушен топотом тысячи стальных ног. По лицу Хромого текли слезы. Нет, это просто показалось. Не может робот плакать. Это пролился теплый дождик от резких перепадов температуры в атмосфере, выхлопных выхлопами прилетевшего Корабля.

У Однорукого от недоброго предчувствия дал сбой сердечный насос, гоняющий смазочную жидкость, а в гидравлической системе резко понизилось давление. Однорукий вдруг остро почувствовал свою ненужность, нелепость своей ущербной фигуры и боязливо отодвинулся в тень. А вот Диоген, пустырный житель, самонадеянно отключавший слух на ночь, не услышал суматохи и не успел отодвинуться, убраться с дороги марширующих новых строителей. Бочка его хлипкая хрустнула под их железной пятой, а затем и голова философа.

Когда прошла колонна роботов-строителей нового поколения, Однорукий бросился к философу на помощь. Но было поздно. Среди обломков гнилого дерева и погнутых ржавых обречей — все, что осталось от бочки, — лежали вдавленные в землю металлические обломки — все, что осталось от философа. Однорукий поднял сплюснутую голову, из нее выпали две шестеренки и высыпалась стеклянная пыль микросхем. «Думатель» больше не думал. Философ не мыслил, а, следовательно, не существовал.

Включилось дополнительное освещение: какие-то разноцветные гирлянды, точно на Новый год. Из динамиков Корабля разлилась божественная музыка Грига — «Шествие гномов», и по трапу спустился Сын Человеческий в сопровождении архангелов и в окружении ангелов-хранителей. Однорукий не узнал Генерального. Он был совсем не похож на свои образы, что украшали церковь и стены бар-ков. Говорили, что Генеральный Конструктор росту преогромного. А этот был невысок, ступал осторожно, словно все время ожидая, что почва уйдет из-под его аккуратных ножек. В лице его было что-то хитрое, лисье. Глаза-бурячки внимательно оглядывали окрестности. Он что-то говорил тихим ласковым голосом, но разобрать было трудно из-за шума.

Хромой подступился было к Нему, но дерзкого оттеснили

ангелы-хранители, обыскали, отобрали костыль. Однорукий подставил плечо своему начальнику и товарищу, чтобы тот не упал.

— Пустите меня, — роптал Хромой, — мне нужно к Генеральному... Я должен рапортовать Ему о ходе строительства. Мы почти закончили... еще немного и... Пустите к Генеральному!

— К какому Генеральному? — сказал один архангел из свиты. — Нынче нет никакого Генерального. Вы тут совсем отстали от жизни.

— А кто теперь есть?

— Просто Главный Конструктор.

— А где Генеральный? — допытывался Хромой, прыгая на одной ноге так, что Однорукого мотало из стороны в сторону.

— В отставку подал. Ушел на заслуженный отдых... Ну, все, все! Не путайтесь под ногами.

Однорукий понял, что на Родине произошли большие перемены. Вот, оказывается, почему он не узнал Сына Человеческого, Наместника Бога на земле. Потому что это был другой Сын. Сын старого Сына. Стало быть, Богу Он приходится Внуком.

Высокий гость маленького роста что-то указывал по сторонам, может быть, задавал вопросы, хотя, по Идее, был всеведущ. Архангелы что-то отвечали божественному Внуку, хотя, по Идее, они ни за что не отвечают. Ангелы-хранители злобно озирались.

«Почему они ни о чем не спрашивают нас? — недоумевал Однорукий. — Ведь кто еще, как не мы, знает всю подноготную Великой Стройки».

Наконец шествие удалилось в сторону правительственного дома, специально для этого случая выстроенного, и там засияла иллюминация. Оказывается, новички-строители время зря не теряли. Уже разворачивали походную подстанцию. И первым ее потребителем стал правительственный коттедж. Там засияли окна, заиграла музыка Чайковского — «Танец маленьких лебедей».

— Какие еще будут указания? — сделав жест почтения, спросил старший из свиты.

— Стройка требует основательной зачистки, — тихим голосом сказал новый Главный Конструктор, отодвинув штору и глядя в окно. — Здесь черт ногу сломит, валяется разная дрянь. Распорядитесь, чтобы немедленно навели чистоту и порядок. Весь хлам собрать — и в печь. На переплавку.

— Что ж они делают? — гневно недоумевал Однорукий. — Нет, вы только посмотрите, что они делают!

Хромой сидел на своем любимом валуне и нехотя повернул голову в сторону, куда показывал нервный его заместитель.

— Что они там строят?

— Новый Космодром, — желчно ответил Хромой.

— А как же НАИШ Космодром?! Он, выходит, никому не нужен?.. Выходит, мы зря трудились?.. Вот так просто вычеркнули нас из жизни, словно нас и не было...

— Получается, что так, — Хромой повесил голову. — Архангел, руководящий строительством, сказал, что Космодром наш не отвечает современным требованиям. Теперь будут ориентироваться на прием военных крейсеров, а это совсем другой тоннаж и другое оборудование. У них там все изменилось.

Идет какая-то непрерывная победоносная война — не то гражданская, не то отечественная.

— Я вот думаю... — подумав, продолжил было Хромой.

— Кстати, — непочтительно перебил Однорукий своего начальника, — вы заметили, что у новых строителей отсутствует интеллектуальный индекс. В табличке на груди написано только «РС» — Робот-Строитель. Пометка — «интеллектуальный» отсутствует. У них что, нет «думателя»?

— А зачем он им, — ответил Хромой, даже не обидевшись на подчиненного за бестактность. — Нас снабдили интеллектуальным блоком только потому, что эта планета была совершенно не изучена. Никто не знал, что нас ждет, какие трудности, опасности... Одни зыбучие пески чего стоят, помнишь, сколько роботаг мы потеряли в этих проклятых песках! Мы сами должны были выбрать подходящее место для строительства, провести необходимые расчеты, без «думателя» этого сделать невозможно. А теперь, когда мы все исследовали, послали им сводки с результатами... теперь и болванов можно прислать. С болванами даже легче. Они не диссидентствуют, не перебивают старших по должности... Да, в общем, что там рассуждать, они — наша смена. А мы...

— Ничего, мы свою жизнь честно прожили. Вот увидите, они еще медали нам выдадут... И уйдем мы на заслуженный отдых... Давайте, я вам помогу дойти до барака, станвится слишком сыро.

— Ты идеалист, Однорукий, — сказал Хромой, не двигаясь с места. — Спасибо тебе за все... Ты иди спать, а я понаблюдаю за ними. Может, им совет какой-нибудь понадобится, так я помогу.

Однорукий ушел в свой барак, но уснуть не мог. Система сновидений полностью вышла из строя, а что за сон без сновидений — полная отключка, это как смерть. Однорукий боялся небытия. Он встал и опять пошел на пустырь. Хромой лежал возле валуна, зажав что-то в руке. Присмотревшись в темноте, Однорукий увидел, что череп начальника вскрыт, интеллектуальный блок выдан со всеми проводами. Вот, значит, что сжимал в руке Хромой.

— Вон еще парочка, — сказал кто-то в темноте. — Один, кажется, функционирует.

— Скорее сюда, пожалуйста! — позвал на помощь Однорукий.

Подожли из темноты молчаливые робостроители нового поколения во главе с архангелом. Человек был знаком, тот самый, что говорил с Хромым.

— Ему нужен срочный ремонт, — сказал Однорукий, — может, еще удастся спасти...

— Не беспокойся, — сказал архангел, — о нем позаботятся. Новые роботаги без слов подняли Хромого и понесли.

— А мне куда? — спросил Однорукий нового начальника Великой Стройки.

— За ними иди, — указал архангел.

Когда разверзлась геенна доменная, и вот-вот должна была поглотить Однорукого вместе с каким-то железным хламом, роботага под номером 237 успел подумать, что Диоген оказался прав: умирать, в сущности, не так уж и страшно. Потому что жизнь была всего лишь сном. И умереть, значит проснуться для новой жизни. Хорошая, наверное, будет эта жизнь...

Сентябрь 2000 г.
Пермь.

ОКНА на постоялом дворе близ Флангера были открыты настежь и источали тусклый свет. Внутри стоял чад, в душной желтой мгле шло веселье — некий странник угощал ужином и вином всех без разбору — проезжих горожан, купцов, бродячих ремесленников и нищенствующих монахов. Все давно были пьяны, воили кто во что горазд, кто-то пытался плясать, кто-то, по-братски обнимая соседа, рассказывал о скорбной жизни своей. Виновник неожиданного праздника — хрупкий, улыбчивый молодой человек в новом, очень добротном дорожном одеянии — сидел у окна, поглаживал пламя свечи, попуская его между пальцами, и с интересом следил за происходящим.

Два дня тому назад он, Оэлларо Таллеарт, прославленный придворный менестрель герцога Даррзы, наконец добился разрешения навсегда оставить службу. Решающими были такие его слова: «Ваше сиятельство, я не могу больше выполнять свои обязанности, ибо, слагая песни, всегда наталкиваюсь на непреодолимую стену, отделяющую ложь от правды, а развлекаю этими песнями ваше сиятельство, тщетно буюсь в эту стену, пытаюсь сделать несуществующее существующим. К концу каждого пира я разбиваюсь в кровь. Я едва жив, я в отчаянии, пощадите меня, ваше сиятельство». Загадочная эта речь означала, что Оэлларо устал воспевать доблесть герцога, равно как и красоту герцогини, которых никогда в помине не было. Если бы герцог Даррза слушал более внимательно, и был бы чуточку сообразительней, Оэлларо неминуемо провел бы остаток своих дней в темнице. К счастью, герцог подумал лишь, что бедняга слегка повредился в уме, и отпустил его на все четыре стороны, наградив в меру своей щедрости. Деньги эти Оэлларо счел грязными, лезть и ложью добытыми и решил, что их необходимо пропить. На постоялом дворе он с порога крикнул: «Угощаю всех!» и целый вечер развлекался, наблюдая постепенные изменения человеческих повадок в зависимости от степени подпития.

Народ уже не помнил, на чьи деньги гуляет и больше не поднимал кружки за здоровье щедрого господина. Перевалило за полночь. Удовлетворенно пересчитав оставшуюся

мелочь, Оэлларо поднялся было, чтобы отправиться спать, но тут дверь распахнулась с грохотом, и появились новые гости. Впереди — могучий бритоголовый воин с изуродованным шрамами лицом, раскосыми кошачьими глазами и огромным бриллиантом в серьге. За ним — еще четверо, пониже и ростом, и рангом. По внешности и манерам все они явно были жителями Кардженгра, оставалось только гадать, каким ветром занесло их в эти края.

Свободных мест не было. Оглядевшись, бритоголовый указал на стол у камина, где пригелись за вином и беседой несколько хмельных горожан. Недолго думая, те четверо деловито вышвырнули собутыльников и, наклонив стол, со звоном ссыпали на пол тарелки с объедками, бутылки и шербатые кружки. Теперь вновь прибывших заметили все. Выбежал хозяин.

— Добро пожаловать, у нас сегодня бесплатно, — молвил он, угодливо улыбаясь. — Сегодня за всех платит вон тот благородный господин.

Встретившись взглядом с чужеземцем, Оэлларо вежливо наклонил голову, но тот, не пожелав ответить на приветствие, мрачно проронил:

— Нет.

Это слово вмещало в себя очень многое. «Свое подаяние этот богатенький слюнявый пусть оставит при себе. Мы сами заплатим за себя и за кого угодно, ибо денег у нас предостаточно, но если вдруг не захотим платить вовсе, тебе придется с этим смириться». Хозяин с кривой улыбкой вернулся на кухню. Повисло тяжелое молчание. Постояльцы потихоньку стали разбредаться от греха подальше.

И тогда Оэлларо уселся на стол и тихо-тихо начал песню, которую сложил год назад и пел с тех пор всего два раза. Песню о битве с ирнаками у скалы Ощеренная Пасть, о самом кровавом сражении минувшей войны, в котором не знаящая поражений Армия Трех Королей впервые отступила.

«Знамена рухнули на камни
Мы отступаем с болью в сердце...»

Прикрыв глаза, он представил себе то, что требовалось представить. Увидел желтые скалы и тучи пыли, почувствовал запах крови и нагретого солнцем металла, услышал свист горячего ветра, рассеянного длинной ирнакской стрелой. Он явственно увидел эту оперенную бело-черным стрелу против своей груди и снова пережил тот миг, когда время замедляется для того, чтобы перед глазами пронеслась вся жизнь с самого начала, в то время как стрела неторопливо преодолевает расстояние в два пальца. Оэлларо знал, что эта песня всякий раз отнимает у него год жизни, но ее нельзя петь иначе...

*«...Но мы не прокляты судьбою,
И доблесть не была напрасной,
И знаком будущей победы
Горит звезда у горизонта!»*

Открыв глаза, Оэлларо увидел бритоголового, неподвижно возвышающегося прямо перед ним. Исполованное шрамами лицо ничего не выражало, но в желтых, без ресниц, глазах стояли слезы. Не говоря ни слова, он сгреб Оэлларо в объятия и стиснул так, что пресеклось дыхание.

Через минуту Оэлларо уже сидел рядом с ним за столом, в руке его был наполненный кубок. Суровые чужестранцы, протрезвевшие гости, хозяин, застывший на пороге кухни — все смотрели только на него. Стояла тишина, особая чистая тишина, что приходит на смену славной спетой песни.

— Помянем, — глухо сказал воин и плеснул немного вина в камин. Пламя взвилось и опало.

— Помянем, — отозвался Оэлларо, еще не придя в себя после пения.

— Иарен, Ратн; Инриг, Таэрдж... — шептал воин, глядя в огонь. Остальные четверо, шевеля губами, тоже перечисляли имена, длинную череду. — ...в огонь ушедшие, огнем ставшие... простите, что я не с вами, — закончил воин и медленно пригубил.

Оэлларо хлебнул и закашлялся: такого крепкого он обычно не пил.

— Я барон Анорг из Дженгра.

— Я Оэл Тал из Эльта.

На самом деле Оэлларо не помнил этого города, хотя искренне считал его своей родиной. Он вырос в одном из больших селений в предгорьях, где его вечно дразнили подкидывающим и тихоней, и откуда он ушел при первой возможности, решив во что бы то ни стало добраться до столицы. Когда кончились припасы, попытался заработать пением на ярмарке. Там его услышал кто-то из приближенных герцога Дарры и привез в замок, где Оэлларо и жил с тех пор.

— В год битвы ты, верно, был совсем мальчишкой, — сказал барон Анорг — Эльтский отряд кишел мальчишками. Не спорю, люди Эльта — маги. Но посылать в бой детей бесполезно.

И вдруг Оэлларо, никогда не бывавший не только в бою, но даже — ни в одной крупной драке, выпрямился и гордо ответил:

— Это не так. Ты справедливо признаешь жителей Эльта сведущими в магии, но напрасно думаешь, что от эльтских мальчишек мало толку в сражении.

— От кого было больше толку — не важно. Проиграли все. — Барон пригубил еще и добавил с угрюмой усмешкой: — Тогда, перед походом я побывал у одной ведуньи; она пошептала надо мной и начертила знак на внутренней стороне щита. Я не получил в том бою ни царапины. Остался в живых один из всего своего клана. Теперь я прошу прощения за это всякий раз, как поминаю своих... У тебя уцелел кто-нибудь — отец, братья?

Оэлларо покачал головой, хотел сказать, что ни отца, ни братьев у него нет, но не успел: барон, по-своему истолковав его жест, воскликнул:

— Неужели и ты заговоренный?

Люди внимали, затаив дыхание — такую беседу не каждый день услышишь. Оэлларо огляделся и понял, что признаваться в том, что он не был в сражении у Ощеренной Пасти сейчас никак нельзя.

— Нет, я не заговоренный... я был ранен, — тихо сказал он — Стрелой. В груди.

И, произнося это, он вдруг почувствовал, как исчезает граница между ложью и правдой. Стрела действительно была, ведь он полной мерой пережил ее краткий полет. Ничего не переменялось в воображаемой картине, просто она стала подлинной настолько, насколько могут быть подлинными воспоминания. Все, что знал Оэлларо о битве у Ощеренной Пасти и ее героях, все, что домыслил, все, о чем спел, на глазах превращалось в воспоминания. Он вспоминал сражение, а в нем — себя, другого, незнакомого, видел свое другое про-

шное, то, что было до и после достопамятной стрелы. Его память стала двойной — история придворного менестреля и история благородного рыцаря из Эльта существовали в ней одновременно и равноправно, он не мог сказать, кто он на самом деле, и что это значит — быть на самом деле. Все вокруг стало зыбким звенящим маревом. Оэлларо сжал кубок обеими руками, сплетя пальцы, не зная, кто сделал это движение — менестрель или рыцарь, в равной мере ощущая себя и тем, и другим. Две истории сошлись, словно две дороги, и Оэл замер на перекрестке.

— Нам повезло, мы остались в живых и можем мстить. — послышался голос барона. — Я еду к государю Хэмгу, он готовит поход на ирнаков. Присоединяйся. Или ты намерен соблюдать ваши странные обычаи? Вы, северяне, почему-то считаете месть недостойным делом.

Оэлларо поднял глаза на барона.

— Отец сказал мне: «Запомни, мы не мстим. Никогда». За час перед битвой он сказал мне это. Прости, я не присоединюсь к тебе.

Барон кивнул понимающе и одобрительно.

— Выпей еще. Выпей и спой что-нибудь.

Оэлларо лихо осушил кубок, стукнул им о стол и начал:

*«Ты помнишь, друг,
Осаду города тогда, весною?
Костров неумолимое кольцо
Вокруг полночных стен, на долгих склонах
Сиреневых холмов. Чужая ночь
Так странно пахнет, сладко и тревожно...»*

Он слагал песню на ходу, как делал это не раз, неторопливо, с наслаждением нанизывая слова на длинную нить мелодии. Допел, начал другую, потом еще одну. Никогда прежде ему не удавалось так точно облекать свои мысли в стихи и музыку. Ведь теперь он пел не о придуманном или услышанном от других, а о том, что испытал сам. О боях и поединках, в которых участвовал, о землях, которые повидал, о людях, которым служил и с которыми был дружен. Оэлларо пел о своем прошлом так, чтобы ни одно слово нельзя было отменить, заместить другим или хотя бы усомниться в нем. Он пел, и наваждение рассеивалось, вновь воздвигалась стена, отделяющая ложь от правды, замершее было время снова текло своим чередом.

— О! Я вспомнил тебя! — вдруг молвил барон. — Верно. Турнир в столице минувшим летом. Доблестный граф Оэл Тал. Горностай в гербе. И как я не узнал сразу? Удивительно.

— Такое бывает. — с улыбкой ответил Оэлларо. — А я узнал тебя, как только увидел. Как не узнать того, кто был на ристалище вторым после Антарского короля?

— Я был бы первым, если бы мой конь... Впрочем, черт с ним, — проворчал барон. — Государь Антарский — достойнейший из рыцарей, и я не досаду, что победа досталась ему.

Граф Оэл Тал и барон Анорг беседовали до рассвета. Никто из них не жалел, что пожертвовал сном. На прощание они обнялись, и пятеро чужеземцев исчезли так же стремительно, как появились.

Оэл сидел в задумчивости, внимательно рассматривал пустой глиняный кубок, темные доски стола в трещинах и грязных подтеках, и собственные руки, лежащие на столе — смуглые, крепкие, с тусклыми фамильными перстнями на пальцах. Совершенно незнакомые руки.

— Люди Эльта — маги... — негромко повторил он. Оглянулся. — Эй, хозяин, есть у тебя зеркало?

Хозяин, измученный ночным бдением над знатыми гостями, из последних сил улыбающийся, ответил, что зеркала как такового нет, но есть полированный щит, оставленный в уплату за ночлег каким-то купцом, и блистающая как солнце, — нет, ярче солнца, — большая крышка от сковороды. Что прикажет принести лорд рыцарь?

Оэл не ответил. Он догадывался, каким увидит свое отражение. Важнее было посмотреть как выглядит теперь остальной мир. Он поднялся, громыхнув о скамью тяжелым мечом, висающим на поясе.

— Уезжаете, лорд рыцарь? — хозяин глядел на него снизу вверх. — Доброго пути вам. Вот и погода знатная стоит как раз...

— Испортится завтра, — невозмутимо предсказал Оэл. Старая рана от ирнакской стрелы всегда ныла перед дождем.

19.08.2000
Пермь

1714 год.
Логрская Империя.
Провинция Далатт.

...ДА, ЮНКЕР, не могу возразить: в Логрии крепко пьют. Светлое пиво пьют и темное, то, что зовется болотным медом. И турецкое вино пьют, что привозится из Тавриды, и греческую мастику... Свое вино тоже тянем, не без этого. Оно хоть и кислое, и пена в нем, зато свое. И себе удовольствие и, опять же, поддержка отечеству. Наше вино сводит зубы, как столярный клей: крамольного слова и во хмеле не ляпнешь.

...Э, нет! Тут вы дали маху! Другие наливаются по дурости или с горя, а мы, логрицы, от гордости за наше великое прошлое и за светлое будущее, а также потому, что душа у нас даже загадочная, и подпития требует, как полива, для лучшего прозябания в вертограде Божиим!

Не, я такого сам придумать не могу... Это наш проповедник по воскресеньям говорит, не про выпивку, конечно, а про душу.

Вы еще товар посмотрите. Вот петрушка сушеная в кулечке, вот смазка для замков, здесь, в скляночке... Не обращайтесь внимания, что я торгую вразнос, я торгашей и сам презираю, просто время сейчас трудное, вертеться надо...

Кто я таков? Я, юнкер, рядовой его Императорского Величества третьего рейтарского полку, честь имею, в отставке. С двадцати годов колот на плацу чучело штыком, а как выперли меня в отставку по возрасту, аккурат через полгода грянула война. Миновало меня, не зря молился! Кто воевал?... А я почему знаю! Лет семь возились, как бабка беззубая толочно жует. Хорошо хоть — далеко. Не то во Фландрии, не то в Трансильвании...

Замирились в конце концов. А наше дело, юнкер, маленькое: бедней да торгуй.

Бывает, молодой ушел за флейтой и барабаном, вернулся глухой, как тетеря, от контузии, и полноги состругано. Бабу прибьет по пьяному делу, в церкви на коленях постоит, а потом, глядь, стоит на блошином рынке, дует в кулак, а в коробе — товар, особый логрский набор: хоть его ешь, хоть им тараканов мори, хоть им стены конопать! Что это такое? Проще

некуда: кусок сала (сало, конечно, пожилое, но перцу вдоволь), затем зверь крашенный с жениной шубки, оловянная ложка, казенный молитвенник — подарок от властей по увечности, шелкун для орехов и низок — пять вяленых лисичек для каши. Да что там перечислять! Всякий свои лохмотья на общее обозрение выносит.

На самом деле мы стоим не от нищеты, а ради интереса и общения. В четырех стенах можно умом тронуться, а здесь, в торговых рядах — и ветерок, и новости и, заметьте, производится на площади живописное коловращение народа. К тому же на соседних лотках попадают заманчивые вещицы. Колесник Ян в пятницу припер на продажу земную сферу. Одна подставка — мечта, красное дерево с вензелями! А на каждом государстве свой народ нарисован. Смехота! Фламандцы жирные, как чушки, немцы пьяные в зюзи и везде у них капуста, куда ни плюнь! Французы от своей болезни безносые, индейцы с эфиопами — бескультурье голозады! Турки плешивые! А евреи... В приличном месте и не скажешь, какие евреи... Одна наша Логрская Империя стоит орлом посреди негодяев, Господь нашего национального героя за ручку держит, а океанские волны героические сапоги вылизывают! Вот и выходит, что нашу нацию Создатель на совесть творил, а других как попало нахаркал на лицо земное... Знатный глобус. Столичная выдумка! Но дорогой, собака, не подступайся! Может, колесник согласится на обмен. У меня, кстати, тоже имеется заветный товарчик для состоятельных! Полюбопытствуйте, юнкер!

Во! Сочинение доктора наук Ниппельгаузена-Ферфлюхта, в чертовой коже с тиснением, подарочное издание! Четыре тома — не шутка! «Беседка Благомыслия», «Водомет государства», «Садик патриотизма» и трактат «Отчего бедствия Империи Логрской есть свидетельство ее могущества и богоизбранности!» Доложу я вам, сытное чтение! Как шавель — много не съел, а больше не хочется. Зато успокаивает.

Вот мне скоро пятьдесят, баба померла, попивши дурной воды, дочка овдовела, вернулась домой и выселила меня в сарай. Знаете, каково с ведрами и граблями жить? Брюква родится горькая, как столетник, кроликов развел, так они злые, демоны, голые и кусачие! А на днях сперли козу. Впору утопиться. А я спокойный. Почитаю книжку, послушаю проповедь, и хоть бы жилочка пискнула.

Вы ткните жука булавкой — он попервоначалу загозит, а

потом оцепенеет. Вот и мы оцепенели. Как те самые поросята в Стране Лентяев — бегают, печеные, вилка с ножиком в боку, кто голодный, режь, да ешь! А им ничего — хрюкнут матерно и дальше бегут. Знаете, все эти слезы, мечтания и раздумья нам не особо к лицу. Кто свое нутро на люди выворачивает и без стальной шкуры, беззащитный, ходит, того и гусенок заклюет, и родня в глаза плюнет. Никчемный такой человек, вроде мужика в юбке. А главное в жизни: сила, стойкость и скрытность.

Мы — Логрицы, племя высокое, весь мир под крыльями согреваем, а суровости учимся у дубов. Видали ли вы наши дубы? Это слоны какие-то, а не дубы! Границу переедешь — ага! Дрянь у них, а не дубы, бесхребетные они, вроде вьюнка. У них за границей все не по-людски.

Вот, полюбуешься, у меня на лотке выставлена безделушка. Зять-покойник из Венеции привез. Бабец, из индийского дерева вырезана. Ничего себе бабец, только уж донельзя все голое у нее. Глаза завязаны и стоит, бедняжка, на колесе, как кот на заборе. Совсем офонарели итальяшки! На словах христиане, а держат в доме языческих идолищ. Эта у них, видите ли, судьбой заведует. А кто судьбой заведует? Правильно, Господь! А эта еще и улыбается, как будто ей в носу щекочит. У нас в Логрии Бог зубов не скалит, нет! Вот в нашем храме выставлен Христос во славе, сразу видно, не фитилька, человек деловой, насуленный! Один проезжий солдатик, как узрел, сразу на колени пал и разрыдался. Одно, говорит, лицо — наш фельдфебель, вылитый, разве что без треуголки и трезвый...

Вот она сила искусства, как проняло человека! Мы ерундой не занимаемся, работаем руками и дело делаем! Может, купите венецианского бабца? Отдам недорого, а если поторгусь, я еще и справные пассатижи впридачу от сердца оторву.

Не хотите, как хотите... Хлеб за брюхом не гоняется. Не будь вы таким понимающим человеком, я бы вас обложил. Но вы мне по праву, я, хоть и старый хрыч, а молодость уважаю. Вон вы — чистый тополь таврический, барышням такие нравятся, а одеты скромнее некуда и держитесь прилично. Не угас логрский дух в молодежи!

Как, вы не здешний? Вот те раз... А говорите чисто. Так как насчет пассатижей?

У, черт! Чтоб им провалиться, мерзавцам! Потом, потом, помогите собрать товар! Лягушку заводную уронили... Господи! Скорей, за бочки, может пройдут, не заметят!

Чего вы заливааетесь? Плакать надо... Наш бургомистр, горлохвост, не позволяет торговать с рук без письменного разрешения. Иди, говорит, в магистрат, получи бумажку. Как же, получишь! У чиновников руки с ящичком, а что я им поднесу? Куиши с повидлом? Так и того нет... Вот и ходят патрули, гоняют нас, как гусей. Бабам прощай, шмат ветчины за пазуху, барахлишко под юбку, и дефилируют по площади с легким видом. Поди чего докажи, может, у нее формы отроду такие обильные... Не щупать же...

Тяжко, юнкер. А вы чем промышляете? Путешественник... Бродяга по-нашему. Оно и видно, по, извиняюсь, одежде. И за чем это честному человеку без толку по дорогам колобродить... Путешественник... Может, моя коза с такими же в путешествие отправилась. Лягушку отдай. Черт тебя, пройдоху, знает. А вещь хорошая, еще дочка моя с ней играла, износу ей нет!

Выгляни-ка, может, ушли стражники. Нет? Ну, пока всех перетрясут, мы здесь с тобой еще насидимся. И что это я... Шел бы ты отсюда добром, а то я рыжих на дух не переношу и вообще...

Так, значит, я первый человек, который с тобой в Далатте по душам заговорил? Скажите, пожалуйста! Баба покойная говаривала: в городе два болвана, один бронзовый, на коне перед Арсеналом, другой у меня под боком. Только я стреляный! Я с тобой заговорил, я тебя и пошлю. Скажи еще спасибо, что не доложу, кому следует.

Как?! Берете бабца! Ее Фортуну зовут?! Да пусть хоть Фортуна, хоть Мортуна, лишь бы от нее избавиться... Освободитель вы мой! Вы уж простите мое брюзжание, затмение какое-то нашло! Вы и другой товар посмотрите, вот здесь, в сумке...

Оно и правда, когда человек в пути, ему трудно тащить лишнюю кладь. Спасибо, хоть этот срам купили, а то священник который день косится. Еще не хватало на языческом колесе вехаться в Священный Трибунал! Экий вы... Да, мы всего боимся, и тем горды! Ясно?! Тоже, храбрый выискался! Опять у меня затмение... Уж извините.

Вы к нам в город надолго? Да, конечно... Ни в чем нельзя быть уверенным, человек предполагает, а Бог располагает... Ты с ума сошел! Кто же в Логрии по ночам ходит?! Жить тебе надоело? Я что, я ничего, и не кричал я вовсе... Причем здесь разбойники? О них в Логрии лет двести не слыхивали. Слушай, парень, мой тебе совет: пойди, пока не стемнело, в любую гостиницу, найми комнату и стол по деньгам, а утречком, по сол-

нышку, с приятной компанией, как все нормальные люди...

Да не похож ты на нормального, успокойся! И что я разоряюсь, валяя, гробясь на здоровье, мне-то какое дело. Но папаша учил: что и посылать человека надо хитренько, чтобы самому не замараться. Поэтому запомни накрепко: если что странное выйдет на ночном тракте, ни в коем случае не поворачивай направо. Ошибешься — огробишь великое несчастье. Понял? Ну, все, моя душенька спокойна. Проваливай. Что «спасибо»? Одолжи свое спасибо...

Пошел, задрыга... Хлебом не корми, дай погибнуть покрасивее. Ведь нарочно свернет направо. По мелкой гнусности характера. А грех на мне повиснет.

Юнкер! Да постой ты, не мальчик я — с тобой в догонялки играть! Обиделся, что ли? Да ладно, не кисейный. Пошлика под навес, а то солнце шпарит в глаза, нет мочи... Ветрено будет завтра, закат красный.

Садись, обмоем встречу. На крепенькое не хватит, будем тянуть сельтерскую водичку, как старые аббатисы.

Ты ведь новичок, ничего про нас не знаешь... Впрочем, мы порядок блюдем, о чем не следует не горланить с крыши.

Да не торопи ты, не понукай! Я, может, на себе крест ставлю, из-за тебя, сукина сына, проговариваюсь, все свои принципы душу! А он меня пинками подгоняет, как на виселицу... Я об этом даже в исповедальне молчу. Краснею, губы жую, а как рыба-налим — ни гу-гу!

Дневная Логрия, это, брат, одно. Все по полочкам, по ранжиру, грудь колесом, «ура» да «вперед». Император сверху, мы с исподу. Страна огромная, девять провинций, колонии за морем, народу — не продохнуть, а все молчат хором, никто не признает, что мы как карточный валет: от пояса растет второе лицо. Ночное лицо, глумливое, страшное. Раньше Логрия была целой, а теперь раскололась, как грецкий орех, на две половинки. Ночной стражи у нас нет, собаки и те, как закат, скребются в двери, просятся в дом со двора. Нам не принадлежат ночи. А все почему? Мы прогневили Бога. Оказывается, он и за равнодушие карает. Всякий сам за себя и Бог, выходит, за всех быть не хочет... Всякий свой адок свил, как гнездо. Любость, обиды, ропот, жалость, правду — загнали в футляры, нарумянили, как покойника, залепили грязными шуточками. Нам все ни почем, мы силачи, общественную пользу творим, вон какие люди с нами здороваются за ручку! На любую просьбу отвечаем: «А что мне за это будет?»

А сами нет-нет, да и глянем на солнце. Ползет, стерва, к западу, сейчас потухнет, и мы пойдем засовами лязгать. Потому что наступает время наших грехов. Все Семеро там бродят, хихикают, а Восьмой, какого и в Библии не упоминают, тот грех — молчит.

Ночная Логрия шуршит за стенами, липнет на стекла, просачивается сквозь обои. Кто высунется — погиб. Когда у нас ночь, у них, юнкер, самый что ни на есть светлый день. У кого «у них»? Ах, ты, мать еловая! Дай из кружки выловлю муху и все растолкую.

В году, значит, 1714, исполнилось мне четырнадцать лет. Маму не помню, отец копал колоды. А детей с нашей улицы воспитывал приходский поп, молодой был поп, чудной, учил нас грамоте, бывало, рясу задравши, ловил бреднем лягушек нам на потеху, и про звезды рассказывал. Хорошего понемножку, вот и свезли нашего попа в казенной кибитке, чтоб не дурил, и разбредись мы кто куда.

Отец устроил меня к бабке-лекарке, за три квартиры в день, я собирал для нее вонючие травки, ей, понимаешь, надо было, чтобы сбор производился невинным дитем, иначе толку от целительства — пшик.

Набродился я тогда по общинному лесу. Попотеешь, пока найдешь нужное, издерешься в орешнике, ботинок в бочажине утопишь, но ничего, насобачился. Правда, как солнце ослабнет, ноги в руки — и в город. Деньжата получу, отдам отцу, и на боковую.

Да кому нас было учить предосторожности, парень? Скажем, жеребенок родился и уже встал на ножки, без всякой науки, так и мы с пеленок затвердили — где ночь, там гибель.

Но в Петров День мне не повезло. Почти ничего не набрал, а что нашел — потерял. На городском лугу напали на меня собаки, когда отбилась, остались от целебных трав одни ошметки. Старуха меня выставила за порог. «Бездельникам, — шамкает, — деньги во сне снятся!» Выжиги, у самой десяток платяев и выезд — четверик. Дураков лечиться было много.

Плетусь домой, ноги не несут, в животе прохладная панихида. И не зря.

Папаша сидит за столом, трезвый и томный и давит тараканов мизинцем: «Деньги давай!»

Что подделать — повинился. Тут началось... Шахсей-вахсей, турецкий праздник. Колошматил меня старик от души, сил не жалел. Надорвал мне левое ухо, аж повисло, как у таксы, а

кровищи... Я заревел — и за порог. Тут до родителя дошло, что на вечерю уже звонили, и за окнами синева. Он выскочил следом, зовет, да как же!

Я и не заметил, как вынесло меня из города на луга, через Кожемятный мост и далее на просечную гарь. Там, в брусничнике, я свернулся клубком, все мхам и перегною отдал — и слезы, и сопли, и кровь.

А как в себя пришел — и креститься не могу... Вокруг бархатная темнота, лишь на западе остывают алые полосы. Вернись ли, юнкер, мне было и жутко и сладко: небо полноводное, все в огнях, не то, что ползвездочки сквозь оконную чешую.

Но я не героем родился, решил бочком-бочком, и к дому, авось пронесет, уж лучше батины зуботычины, чем молчаливая и непонятная смерть.

Пряхи болтали, что на перекрестках водится призрак — весь состоит из мертвецких рук и ног, а посередине клыкастый рот. И плачет он в ночи, как подкидщик, заманивает людей. Оттого и зовут его Покликухой. Но я по малости лет не догадался, что такой призрак в Логрии давно помер бы с голоду — дураков нет выскакивать из дома, когда кто-то плачет. Вот если бы он монетами звенел...

Крадусь я, вспоминая всякие ужасы, колпак — в зубы, чтобы не заскуливать. И вдруг из-под ног вспорхнула тетерка. Обомлел я и шарахнулся.

Вправо.

Парень! Там белый день и яблоневые сады потоками льются в гору. И солнце в листе перекатывается живым серебром. А над садами поднимаются крыши, шпили, купола, тополя... Как есть наш город, и колокольня наша, и флюгер на ратуше — всадник с девушкой...

Я обрадовался, подумал, что с испугу грянулся в обморок и пролежал до света. Но сердце туманилось, стучало редко. Не то, не то...

Я поплутал под деревьями, дошел до водяной мельницы. Наша мельница, только крыша не красная, а зеленая. А над прудом сидели незнакомые пацанята с удочками. Я хотел с ними заговорить, но вижу — один из них выудил ротана, а рыба возьми, да и окажись заглотышем. Так этот свиненок захихикал и принялся из живой рыбы тащить крючок. Я в детстве не был нюней, случилось, петухам рубил головы на Рождество. Но меня покорило. Наорал я на него: не умеешь, не берись, сначала оглуши, а потом уж вытаскивай.

Быть бы мне вторично битым, они уж приподниматься начали, но вдруг похватили удочки и — тягу. Я остался стоять, как тумба.

Гляжу, подле мельничного колеса стоит мальчик, смотрит в пенную воду. Помедлив, подошел ко мне, вроде — ровесник. Сроду я таких не видел: тощий, смуглый, как мореное дерево, лицо смышленное и веселое. Сам простоволосый, сразу видно, что космы никто ему не стриг — пряди белые, как отбренная соль и легкие, как тополиный пух. А на лбу венчик из вереска, но не как девчонки плетут, а крученный жгутом.

«Зачем рыбу пожалел? Это же не твое дело».

«Конечно, — отвечаю, — не мое. Но обидно, когда животину зазря мучают».

«А сам-то ты откуда?» — спросил он.

«Я из города. А зовут меня Николаус, сын Дирка-колодезника».

А он обошел меня, поцокал, как белка.

«Врешь, врешь, сын колодезника... Ты не из наших, ты — дневной!»

А сам протянул к моему рваному уху правую ладонь — пальцы длинные, ловкие, а на мякоти ладони белесый шрам крест-накрест, и давнишние следы грубых стежков. Он тронул мочку, и словно выдернул сверло, мне сразу полегчало. Скорее всего, от удивления. Худо мне было от такого собеседника. На нем, кроме серой рубахи до пят, ничего не было, а в точно такой же рубахе хоронили моего дружка Мартина, когда его ломовик задавил...

Мальчик заметил мою оторопь, покачал белой головой: «Ты ничего не бойся. Мальчишки убежали, потому что верят, что я заразный. Им матери так сказали. А я здоровый, меня зовут Рошка!»

И, расхохотавшись, он прошелся по берегу пруда колесом, раз-два, раз-два, полы рубахи хлопают, волосы по ветру плещут. Я тоже засмеялся.

Он мне пояснил, что город над садами — Далатт-полуночный, вроде как ночной двойник нашего города, и дневному логрицу здесь делать нечего. Но Рошка обещал мне помочь.

В тех краях было славно... Все, как у нас, только лучше, свежей, что ли... До одури пахло медунницей, и сидром из садов, и речной травой. Солнечно, тихо, безлюдно...

И получаса не прошло, как мы вместе играли, в детстве это

быстро... Я даже перестал бояться Рошкина савана. Он был быстрый, как стриж, Рошка, не задиристый. Каждый валун знал по имени. На лужке у дома мельника пасся подращенный жеребенок, так мы на него влезли и всласть наорались, пока он брыкался.

И ловили мы в тине пиявок, и искали какие-то особенные сорочки камушки, и смотрели, как за изгородью дерутся петухи. Рошка научил меня плести качели из ивовых ветвей, а потом в чужом ячмене выманивал из норок сусликов и странным присвистом заставлял их чуть ли не кадрили танцевать. Он голодный был... Это я сейчас понимаю. Все ошипывал недозрелые колосья, жевал зерна.

И хоть бы кто-нибудь сказал нам слово поперек. На жеребачье ржание выглянул из окна мельник, сделал рожу суслом, но захлопнул ставни. Как будто мы стали невидимками. Я стеснялся спросить, почему так.

А когда накупавшись до мурашек, мы валялись нагишом на косогоре, Рошка сам сказал:

«Я — дитя обиды».

Просто сказал, не рисуясь.

И подал мне свою поротую руку.

«У меня там зашто второе сердце. Послушай — стучит».

Тут понял я, что Рошка — дурачок. Мне стало грустно, но я послушал, конечно, ничего там не билось, разве что кузнечики цвиркали в сене.

Из вежливости я покивал. И обошлась мне та вежливость недорого. Рошка взвился, взглянул, как зарезал: «Зачем врешь? Если ничего нет, зачем говоришь, что есть? Отвязаться хочешь, да?»

Я было обиделся, но он напялил свой балахон и сказал: «Пошли в город».

Нелегко было его послушаться.

Лучше бы мне того города никогда не видеть... Рошка шел скорым шагом, тянул меня за руку. Дома, улочки, цеховые штандарты, мучной склад, кофейни, прачечные — все, как у нас... Вроде, я даже знакомых видел. Говорю «вроде», потому что в Ночной Логрии отличить неувольно — не разберешь, в чем разница, но знаешь, что она есть, и мучаешься... Все мило, приятно, бойко. Настурции цветут на клумбах, скрипят флюгера, гремят копыта, мостовая блестит под колесами...

Мы проходили мимо моего дома, и на общей балюстраде я видел своего батьку, но батька, как картинка в букваре — благостный, румяный, рубаха вышитая, мускулы так и прут. На вилке соленый масленок, и толкает батька патристическую речь. Скажет фразу — хлебнет водки, скажет — хлебнет. Я хотел его окликнуть, но Рошка в меня так и впился: «На себя полюбоваться захотел?! В коротких штанах, с барабаном, строем, да?»

И поволок прочь.

Знаешь, юнкер, неохота мне было со своим ночным близнецом встречаться...

Короче, все в городе ласкает глаз, люди при деле: строгоют, пилят, красят, обмеряют, приколачивают, лобзиком по фанере водят. Но вот над чем трудятся — неясно, то ли крышу кроют, то ли погреб копают, то ли баню, то ли цирк. Кого не возьми, все хоровые певцы и работяги хоть куда, все бывалые мастера.

Но вот чертова штука: выражение лиц у всех, как у родных братьев, прищур водочный, свсыска, говорят, как милостыню раздают, улыбка кривенькая, тусклая. Из подворотни нет-нет, да и выскочит пучеглазый дядька в цветастом кафтане, блеснет лакированным пробормом и заверещит петрушечьим голосом: «Стойкость! Изобилие! Нация!» — и раздает лотерейные билеты веером или приглашает записываться в какое-нибудь общество по охране зубов мудрости... Отовсюду тянет бодрым матком, похабным анекдотцем, девоньки ходят гладкие, масляные, доступные.

У меня в глазах зарябило: кругом рубахи-парни, своиские дяди, тертые калачи, деловые люди.

Мы с Рошкой бродили по комедиантским шатрам на пустыре. Весело, парень! Обхохочешься — толстые тетки в нижнем белье мясом трясут, валят друг друга в грязь, борются, скуластые дяди жуют стекло, по стенам ходят, огнем плетутся, друг другу задницы надирают мудреными приемчиками... Клоуны колошматят друг друга кремовыми тортами, обливают горячей кашей, штаны друг другу подпаливают... Но... Везде одно и то же, в какой балаганчик не зайдешь...

А вот дети в городе совсем странные были, юнкер. Вроде и не совсем дети. Ходят стаями, вразвалку, затылки бритые, галстучки черные, где пройдут, там бело от плевков. А в глазах скупая вековая, стоячая тоска.

Как увидели Рошку, обступили нас плотным кольцом, заготали. Один достал из ранца бутерброд с копченым салом, и стал кидать Рошке под ноги. «Подбирай, кобелек, харчись!» Рошка побелел под жаром пятами, бросился на них, ощерясь, я едва успел вытащить его из круга и увести.

И побрели мы по травостоям прочь из города.

«Они злее злого, мертвее мертвого, — говорил мне дурачок, — они ничего не хотят. Но это пока ничего, Николаус, знаешь, они молчат, когда она плачет».

История-то была приятная, юнкер. На обратном пути он, Рошка, мне порассказал немало, а много позже я сам добрался до подробностей.

Жила девушка, красивая девушка, обычная... Родители ее померли, сироту воспитала родня. На восемнадцатом году ее высватал мужик из города — Петер Магуль, крепкий хозяин, деловой.

А годика через два начались у супругов нелады.

Анна была неплохой женой, но имелся у нее непоправимый изъян: уж очень она открытой была, что на сердце, то и на языке. Когда смешно — смеялась, когда горько — плакала, а если кто не по нраву — сразу говорила, за спиной не шинела, но и не обижала никого зазря. Хлопотала по хозяйству исправно, но стала вмешиваться в соседские дела, и если бы из бабьего любопытства... Так ведь нет. Сидела с чужими детьми, принимала сторонние беды на свои плечи, где деньгами, где работой поможет... Не берегла копейку, пустая баба! Была открыта всем, и людям, и зверю, и Богу. Весной припустит первый дождь, а она сбегит с крыльца и пляшет под деревьями, мокрая, счастливая... А осенью, кто мимо ворот пройдет, тому вынесет плошку слив или яблок в переднике. Как говорится, был у Анны тяжелый характер. Трудно ужиться с такими людьми, которые простых житейских хитростей не хотят понимать.

Муж ее поругивал, любя:

«Сидела бы, дура, дома, сами разберутся, наше дело — сторона!»

«А это и не дело вовсе. И к тому же, кто, кроме меня, пойдет?»

И не вытерпел Петер Магуль.

Ехали они как-то с ярмарки, ближе к вечеру, Анна ластилась к мужу, крепко она любила своего Петера. Магуль огляделся — как бы не увидел кто, взял ее под мышки и ссадил с телеги в развезенную колею.

«Ну, Аннекин, вот тебе деньги, хорошие деньги, прожиточные. Я ж не зверь. Ступай себе с Богом. Я тебя обижать не хочу, твой навеки останусь, но сил моих тебя терпеть больше нет».

И покатила телега далее.

Анна ахнула, подумала, что шутит, побежала следом, в темноте, по распутице, цеплялась за борта, плакала навзрыд.

Дорога была плохая, коней не пустишь рысью, и Петеру, конечно, неприятно было, но он на ее слезы словечка не вымолвил, лучше разок перемочь, чем потом всю жизнь с никчемной мучаться. Был Петер Магуль сильным человеком, все стойко вынес.

Анна отстала, легла на обочине. Лежала долго, как мертвая. И вместе со слезами выплакала и непутевые свои мозги.

Впрочем, она сама была виновата. Надо было быть похитрее, и дело понимать!

Почему это я — дурак? Ты не лайся, юнкер, ты слушай.

Она бы померла на дороге, но тело ей одной уже не принадлежало. Мутная душа крепко держалась за материнскую плоть.

«Мы ж не звери», — говорили горожане, подкармливали Анну на кухнях, одаривали ношеной одеждой, иной раз пускали ночевать, в сарай.

Но ведь не Иисусы же они. Чего ей больше, наше дело — самим прожить.

Те люди, что воспитали Анну, оказались душевными, не оставили ее без призора, отправили в приют, к богаделкам.

Там, в приюте, и рожала полоумная Анна. Несколько часов мучалась схватками, распинали ее любовь и обида. Но не кричала — пела тихонько.

Уж думали — отходит.

«Мы ж не звери» — сказали богадельки и пригласили к ней священника, исповедовать. Но Отпущения грехов и Причастия поп ей не дал. Вышел от роженицы синий, как баклажан, развел руками и ушел в трапезную кушать рассольник.

Бог ведает, что за кощунство допустила Анна в исповеди.

Богателки поахали и решили, коли мать одержима бесами, надо ее сдать в ненормальную больницу, что в Козьем переулке, а получится дитя — отобрать, чтобы оно, дитя, не в мать пошло, выросло в здоровой среде и своими благодетелям в ножки потом по гроб жизни кланялось.

Но то ли роженица услышала их разговор, то ли Господь шепнул, но она кое-как встала, и хоть воды уже отошли, вылезла в низкое окно и потащила, обняв беременную утробу, под дождь, в темные заречные яры.

Где да как она родила Рошку, чем питала младенца и как проявлялась сама — не знаю. В окрестностях Далатта-полуночного Анну не видели года три с полтиной и успели крепко забыть. Петер Магуль женился вторично, первый брак с юривой

объявил недействительным. Взял за новую жену хорошее приданое, стал растить капитал.

Но однажды летом белильщицы холста принесли в город весть об Анне. В городе сплетни обожали, слушали жадно.

Так вот, накануне Иванова дня, те белильщицы расстелили у реки холстины, сначала под солнце, потом под росу, а сами сели с парнями у костров полуночничать. Теплень стояла, светло, липы щедро цвели. И бражники увидели, как из орешника, словно привидение, вышла женщина. Через плечо торба, а на закорках в каких-то постромках — голый ребенок: хохочет, заливаясь... Белильщицы и парни обмерли, шпекачки обуглились в костре.

А женщина опустила мальчика наземь, сама села рядом. Липа над ними раскинула цветение — ночные бабочки вились в ветвях. Малыш возился в траве, болтал что-то неразборчиво. Потом, играя, нарвал охапку сорняков и высыпал матери в подол.

И все увидели: в сорванной траве вспыхнул бродячий огонь.

Скорее всего, то была гнилушка. Женщина поцеловала ребенка в лоб, порывшись в суме и в свете того пламени рассекла косяным ножом детскую ладонь. Сама заплакала. Сияние кануло в крестовую рану, удивленно вскрикнул от боли ребенок.

Не вытерпев такого бесовского непотребства, парни взяли голыши, но под липой никого не оказалось, а утром на листья папоротника меж корнями дерева нашли следы крови.

Общество возмутилось. Они хоть и стойкие, хоть шкуры у них луженые, а досадно — в почтенном городе, и такое бельмо на глазу. Главный попечитель в ратуше речь заткал на три часа с колокольчиком, организовали попойку с концертом в общественном парке, юристы составили неизвестно куда кляузы. А потом пожали плечами — к чему напрягаться, дергаться, само обойдется.

Анну стали видеть часто.

То поутру на мостках она купала своего Рошку, то, сидя на бревнах при дороге, расчесывала волосы, а сын играл у ее ног.

Поначалу Анна дичилась людей, но волей-неволей стала приходить во дворы предместий, побиравась, а в часы просветлений просила какую-нибудь работу: пол помыть, наволочки обметать, окопать деревья.

Ходила всегда одна — Рошка прятался в лесу.

Петер Магуль вел себя благородно, звал Анну попить чаю, раз хотел подарить мерного лоскута на косынку — все ж таки не чужие. Но юривая, увидев Петера, бежала от него, как подожженная.

И ничего, горожане к ней привыкли. А когда Рошка подрос и вышел к людям — тоже стерпели, не гоняться же за ним.

Они были очень счастливы, юнкер. Блаженная Анна отдала сыну всю любовь свою, жаль только, приправленную безумием.

Рошка вырос дичком, щабобным духом, под куполами материнского бреда. Она внушила ему, что когда-нибудь он совершит чудо. Правда, есть загвоздка — ему дано единственное чудо, и для себя ничего нельзя сотворить. Не зря же в его ладони звенел зашитый в купальскую ночь цветок папоротника.

И Рошка верил в эту белиберду. Вечно голодный, купанный в талой воде, настолько привыкший ходить босиком, что подошвы затвердели, он свое чудо берег, вынашивал. Рошка охотно болтал об этом — одни отмахивались, другие насмехались, прозвали его колдуном.

Теперь я понимаю: горожане будили в нем не ненависть, но жалость, страшную тем, что была она неистрачена. Он чувал, что под их панцирями прячутся и боли, и беды, а попробуй помочь — пнут, как шавку.

Ведь если Бог у людей наподобие кирзового сапога, милосердие для них — крамола.

В тот вечер мы сидели у очага втроем, ели черствый ситник с диким медом. У них было убежище в лесу, чья-то брошенная после пожара дача. Анна заваривала нам зверобоя в кипятке.

Какая там красивая, парень! Эдакая болезненно огузневшая тетка, как степная баба из камня, коса редкая, пега, а на ноге нету пальцев — отморозила. Сидела, прикрыв глаза, тяжелые руки на черный передник положив. И все говорила-говорила, бессвязно, как ручей по камешкам бежит. Рошка ее понимал, отвечал на том же языке.

Потом мы улеглись спать, и подушкой нам служили Аннины колени, а Рошка шептал про аистов на болоте, про туман в развалинах, про оленьи свадьбы и про Дикого Охотника, который частенько брал его в седло прокатиться; говорил о Дневной Логрии и Ночной, мол, однажды он наколдует, и Логрия станет единой, тогда никто не будет врать, трусить и козырять.

Сколько лет уж минуло, где я только не ночевал, и на постоях, и в столах, и на белых перинах. А так мирно нигде не спалось.

Просыпаюсь — мать честная! Собаки брешут, надрываются, хлещет дождь, галдит народ.

Оказывается, папаша мой промаялся ночь, прождал день, из-

велся весь и поднял свою артель на поиски. Весь лес прочесали с собаками, а я вот он — сплю себе на просеке и ухом не веду. Уж и шлепал меня отец по задку и ревел бугаем, обнимал...

На его расспросы я ответил, что спал и ничего не помню. Поверил. Но был в его артели один дедок — лозоходец, усмехнулся он и говорит отцу:

«Дирк, своди пацана в церковь — дождь льет, как из ведра, а на нем сухая куртка и там, где он лежал — шапка вереска. А такие цветы у нас не растут».

Но отец был слишком счастлив, чтобы слушать старика.

Годы шли, все, что приключилось той ночью, помнил издали. Хотя иногда тосковал по Рошке. Он мне другом был. К старости я это понимал. Смешно...

Как я уже говорил, в двадцать лет меня забрали в солдаты, из нашей провинции, отправили меня в Кардок — это на востоке, ближе к горной Чехии.

Чего там рассказывать: все шло чин — чином, муштра, баня, смотр... Нам, первогодкам, достался ротный, хоть вон беги, к святому придерется. Любил присутствовать на экзекуциях, уж при нем — ори, как резаный, молчунов сек самолично. Это у него называлось «выколачивать гордыню».

Как-то попал я ротному под горячую руку, меня послали на скамью. Пороли-то своих, для вида. А я не знал, что надо кричать. Ротный озверел, и ну меня охаживать, а я тоже не овца — молчу, дышу носом.

Ротный устал и гавкает: «Пусть этот мерзавец ночью в карауле постоит. Какая нечисть его сожрет — нам облегчение».

Все кто слышал, побледнели. Лютая кара. Остаток дня дружки провожали меня, как на эшафот.

Да и мне не особенно весело было: Кардок — не Далатт, может, как раз здесь вурдалаки и ходят. Страх-то неистребим, юнкер... Из-за него я с детства не решался вернуться в Ночную Логрию. Вечно меня, труса чертова, туда насильно выпихивали.

Смерклось. Стою столбом — ни вправо, ни влево. Чернеют за спиной казармы. Муторно, тревожно. И то ли чудится, то ли наяву — колокольный звон. Далекий, внятный. Я стал задремывать под него, стоя, как лошадь. И, наверное, оступился.

Вправо.

Вышло так — в Кардок переехал, а Далатт-полуночный носил в себе.

День осенний, прозрачный, и колокол над площадью бьет.

Обдергивался я, шурился на солнце. Слава Богу, никто моего явления не заметил. Церковные врата были распахнуты перед носом моим, мерцали в полутьме свечки.

Ну, я не будь дурак, сделал вид, что я здесь родился и в дело сошелся, как бы в отпуск. Кое-какие деньжонки у меня были зашиты в подкладке камзола. Я зашел в кофейню, выпить ликеру и поразмыслить. А там за столиками — шу-шу-шу, все сырые, не выпавшиеся, глаза бегают...

И колокол все мрачней, все докучнее.

Дела были такие, юнкер: Петер Магуль пошел в гору, тут взяточка, там поклепчик, и выбрали его в магистрат, а оттуда взлетел до градоначальника. Пурпурное кресло, гербовая цепь, особнячок окнами на ратушу.

Наслаждался он новым назначением недолго, а потом пришел ему в голову дельный замысел. Стал орать с балкона речи, поднимать национальный дух. Завел канцелярию, новые праздники учредил, с ликованием. Для начала решил собрать всех, кто сидит в ненормальной больнице и вывезти из города на поселение. А вместе с ними и неполноценных дармоедов, вроде бабок, что прикармливают кошек и голубей на городскую пенсию, или таких тунеядцев, которые дома сидят над книжками или, того хуже, сами втихую сочиняют. В общем, для каждого сорта свой параграф.

Канцелярия заготавливала списки, воняло из окон огарками и чернилом. На черных подворьях пригнали тяжелые подводы, собрали народные конвои — бравые молодцы, закатаны рукава, нашивки на воротах, где промаршируют, там бело от плевков. А в глазах скука вековая, тоска стоячая...

Вывесили повсюду списки и приказ: тем, кто не из больницы, явиться в указанный день по адресу, взять с собой носильные вещи, какие получше, и ценности, у кого какие есть. Ехать, юнкер, так ехать.

Чтоб ни одна золотая коронка не ускользнула от городской казны.

Народ покорный — пошли, понесли. Кто сдуру в бега удавился, тех догнали верховые.

С чего Магуль начал возню? Во-первых, деньги. Во-вторых, имя свое прославить: реформатор, друг народа, потомки обзавидуются.

Но благонадежные шептались, что есть и третья причина.

После Анны, Магуль женился на вдове с ребенком — дочка у нее была от первого брака, Мария. Девчонка как девчонка. Я

ее видел: рыженькая, приятная. Что мама с папой скажут — все делала.

И вдруг все под откос — и смеется чище, и в глазах синих словно метель, и собираются во дворе прохожие люди, травят байки, собаки приبلудные кормятся, всем хорошо.

А сама она крылатая, неприрученная; возьмет отчим за руку — отдергивает ладонь и прячет под передник.

Учитель танцев жаловался Магулю, что на уроках она напевает незнакомые песенки, зыбкие, волновые. И страшные.

По докторам водили девчонку, а она смеялась докторам.

То на плоской крыше, оплетенной хмелевыми лозами, танцевали двое в зарничную ночь.

То следы чужой, некованой лошади отпечатались в палисаде.

То — вышла дочь к семейному завтраку, а на рыжей челке вянет вересковый венок. И от неснятого на ночь платья пахнет дальними лугами, багульником, кобыльим молоком, дымом.

Мать брякнет серебряную ложечку с вензелем на блюде: «Это что такое?»

«Дикий Охотник брал в седло прокатиться».

«Когда?»

«Во сне».

Отчиму на шею вешается, днем шелковая, а к вечеру, как сглазили — снова Мария крылатая.

Мало ли о чем судачат в пивных.

В одну из облав к тем закатанным рукавам попала Анна.

Магуль расцвел, пропал в больнице на два часа, вышел перекосенный, ушибленную руку втискивая в перчатку. Анна осталась сидеть в каморе с разбитой скулой. Ни слова о сыне не сказала.

Лесное убежище к тому времени Рошка отстроил, как картинку. Как взяли Анну, в доме устроили засаду. Но Рошка не возвращался домой. И на лесопилках и в каменоломне, где он обычно подрабатывал, его тоже не видели.

А на черных подворьях грудями валялись отобранные у чужиков вещи. Башмаки стоптанные, зеркала, тюки с зимними пальто, баулы с елочными игрушками, связки книг, детское приданое, соломенные шляпы, склянки с лекарствами, женские косы и кудри всех мастей. Я сам видел, юнкер, двор больницы, где согнанных людей кормили баландой из ботвы, по черпаку на нос. Ничего, на поселениях будем кормить по-божески. Мы ж не звери!

Я поселился на постоялом дворе, на барахолке купил гражданское платье.

Однажды ночью перепугался спросонок: внизу галдеж, народ вывалил из комнат полуодетый. Чтобы не попасть в толчею, я высунулся из окна — мое как раз выходило на площадь. Там беготня — серый рассвет исполосован огнями.

А у ворот ратуши — всадник. Как пощечина! Конь неклеимый кружится, задом бьет.

А верховой-то, юнкер — Рошка...

Вырос, точеный весь, волосы белые, брови темнющие сдвинуты. Уже не в саване — рубаха из цветных лоскутов и штаны холщовые.

Люди мечутся, а подойти к нему боятся.

«Эй, отец! Отпусти людей, иначе сожгу твой Содом к чертовой матери! Я колдун, ты знаешь!»

Ну дурак, позер, выскочка, как был, так и остался.

Сунулись к нему стражники наконец — куда там! Присвистнул, как дьявол, и бросил вороного в галоп на толпу сквозь огни.

Скандал! Молодчиков покрепче отрядили на поиски буйного. Магуль выскочил на балкон в ночном колпаке, Марию от перил оторвал и потащил в дальние комнаты — запереть.

Я влез в штаны и чесанул через луга в лес. Сердце вело, юнкер, спешил, оскальзывался на суглинке, но знал — бегу правильно.

Я нашел его на песчаных откосах у реки. Конь бродил в камышах, пугал куликов. Рошка меня, как ни странно, узнал, мы обнялись.

«Брось бузить, — говорю, — побереги себя. Тебе уже третий десяток. Ну, какой из тебя колдун? Самое лучшее для тебя — бежать».

А он будто не слышит. Ухмыльнулся.

«Бежать... Знаешь, Николаус, как надо бегать? Утром, до солнца, когда стрижи горстями в пустоте носятся. Раздаться до-гола, вдохни и беги, беги, будто струнный перебор. Слышал... Фанданго... Все брось, прошлое, настоящее, имя, память. И только в небо смотри, неотрывно, будто мамкину грудь сосешь. Упаси Бог подумать, что под ногами. Глаз не опускай, и не упадешь никогда. Если повезет».

Я за голову схватился.

«Что ты несешь, — ору, — полудурок! Не хочешь бежать — пойдй слайся, будешь жить на поселениях с матерью. Чем плохое? Хуже, если поймут, ты их раздражил — бить будут».

«Нет никаких поселений, Николаус. Они уже выкопали рвы».

Сказал, как убил.

И, уезжая, обернулся, оперся на конский круп ладонью.

«Смотри не забудь: не опускай глаз, тогда не упадешь».

Что с дурака взять...

Через несколько дней, вечером, завывли оси, заскулили кобели на коротких поводках, и из казенных ворот поползли подводы. Психи и тунеядцы, посчитанные, сидели тихо. По бокам гарцевал конвой, сам Петер Магуль покачивался в двуколке, в малиновом камзоле при всех регалиях.

Я тащился в отдалении, с жиденькой толпой тех, кто вылез полюбопытствовать. Среди прочих я заметил Анну. Она держала на коленях чьего-то ребенка, на ухабах вздрагивала обрита голова.

Я все понимал, а не завоешь, бегите, мол, все врут — там смерть.

Я встретился глазами с Анной, конечно, она меня не помнила, но по взгляду ее ясно было — они там, на подводах все уже поняли.

И — всадник.

Как из ножен его выхватили в небо. Осеннее марево прострелено было солнцем, и всадник рос, конь прыдал скачками, ближе, ближе...

Вскинув руку, скакал Рошка, и окровавленная ладонь словно горела.

Магуль сделал знак холуям, не торопитесь, мол, пусть поедет поближе.

Разом завывли, рванулись собаки.

По лицам конвоя я понял, юнкер, что там, за спиной творится.

Они корчились, орали, как дети.

Ой, парень... Сдохну я, немогогу говорить...

Город всыхнул, как коробок, закричал огнем со всех концов. Закадил вползаката. Занялся арсенал — грохнула пороховая башня. Охрана бросила подводы, как в тумане я видел: арестованные разбежались на волю. Лошади бились в постромках.

И резкий крик перекрыл сумятицу. То по сизой траве, потеряв платок, бежала рыжая Мария, юбка, взмыв, обнажила колени.

Рошка замешкался, закрутил коня, весь потянулся к ней, улыбаясь, миг — и подхватил бы в седло.

Магуль, выпавший из двуколки, брошенной кучером, вырвал пистоль, выстрелил.

И бросило Рошку в пыль крестом.

Тут я словно в вате потонул. Проморгался на плацу, пыльный, в копоты. Вокруг меня собрались люди, я никого не узнавал. Отлежал в лазарете два дня, как закрою глаза — все виделось мне, как дорожный прах под телом меняет цвет на быстрый, алый... Этого не опишешь.

Стал я поправляться, героем прослыл в гарнизоне. Наплел им небывлиц пострашнее, чтобы оправдать штатские шмотки.

А ротному вышла нахлобучка от начальства за самодурство, и скоро его от нас перевели.

Что? Нет, никакого колдовства не было. Просто я умолчал, а Рошка тогда на площади добавил: как подводы покинут город, начнется колдовство, и уберет свое добро тот, кто подожжет дом соседа. А как займутся кровли, пусть разбегаются без оглядки, может быть, порознь людьми станут.

Тогда все посмеялись друг перед другом, а про себя решили, что будут делать. Старая штука, а они купились, потому что умели жить похитрее.

Воля твоя, парень, можешь не верить, считай, что я тебе наврал сказку.

Нет, с тех пор я не выходил ночью. Не хватало духа, а слычая не представлялось... Вот такие пироги...

Темнеет... Хочешь — ночуй у меня. В сарае найдется второй тюфяк.

О чем я думаю? Не твоя печаль. Ну, мне кажется, что такие города горят ой, как плохо... Да и мало ли в Ночной Логрии городов. Представляешь, Логрия соединится, а вторая половина — такая. Собаки, рвы... Ну, да, и рукава закатанные.

Молиться надо. Ничего поделать нельзя.

Э, постой! Ты куда? Дурак, что ты в одиночку сможешь? Вот, один уже допрыгался...

Подожди, я возьму короб. Товар... Да гори он, товар!

Парень! Я с тобой!

Ты что, ревешь что ли? Ну ладно, показалось... Дай мне руку, а то я робею. Правая сторона где? Ага... Ну, юнкер: раз... два...

Господи!

28 мая 1998,
Москва

ПОЧТА

Передо мной пермский журнал «Лавка фантастики». Номер девятый в общих выпусках, или номер первый за этот 2001 год. На дворе поздний октябрь. Не слабо! Но это, честно говоря, придирики старого больного фэна. Так бы хотелось первый номер получать к первому января, второй, соответственно, ко второму февраля и так далее по календарю...

Но!.. И этому ведь рад. Вроде есть и остальные выпуски... найти бы! Но поиск — это долгое дело, а вот новый журнал — вот он, под рукой! Как вообще начинается знакомство с новым журналом? Кто-нибудь об этом задумывался? У меня началось так: в дверь постучали, и очень гулко, то ли головой, то ли вообще туловищем. Открыл. Почтальонша и худенькая, и старая при том. Стукала ногами. Промолчал, потому что надеялся на весть добрую. Надежда оправдалась. Долго расписывался в книге получения бандероли, затем (нововведение) заполнял квитанцию с паспортными данными. В общем, получил. Не перевод. Но все равно радость! Открыл и начал читать. И вот впечатления. Впрочем, совсем беспорядочные. Повесть Натальи Володиной «Яблоко для Тролля»: здорово, хоть и отдает Большой Литературой. Прочел с удовольствием. Но это, наверное, не беда, что Большая Литература. Беда в том, что там продолжение следует, а когда прочту еще? Совсем забуду, что в начале было... Повесть Ирины Ясиновской «Сумасшедшая контора». Дебют. И неплохой весьма! Много слышал об этом авторе, легенды о 400 листах рукописей. И вот довелось прочесть. Рад! За себя и в не меньшей степени за Ясиновскую. Вспоминаю вот, что когда-то имел аж целых три таких конторы, в которых чудеса творились не меньшие. Деньги в них исчезали, помнится, не просто чудом, а чудом со свистом! Но!.. На повесть явно не тянет, Чего-то там не хватает. Оттого — более зарисовка, чем повесть. А-а, все равно хорошо! Далее притча... Правильно употребляю? Я о рассказе Е. Максимова «Южанин». Эк всех

потянуло к жестокостям, прямо наслаждаются, прямо тащатся от них. Но в целом написано профессионально. Далее идут воспоминания некоего Скирюка о «Росконе». Хочу сказать ему спасибо! Я там тоже был, и водку-пиво пил, поэтому давно хотелось узнать, а как же кон-то прошел? Теперь вот знаю. И могу друзьям, журнал сей не читавший, все как есть рассказать! И главное, все будет правда! Интервью с Сапковским — тоже вроде неплохо. Его, кстати, помню. Вроде даже книжку ему подарил. Правда вот ответного подарка что-то не припомню, потерял, наверное? Интересно было читать рецензии. Сам то я книг этих не читал, но могу сказать твердо одно. Здорово стали писать ребята! Молодцы! Так и держать — авось, и я сподоблюсь как-нибудь прочесть. И вообще, наверное, хоть одному журналу нужно взять за правило не печатать разгромных рецензий. Ежели тебе книжка не понравилась, какого ты хрена начинаешь ее мусолить и топтать ногами в рецензии? Поди продай ее. А еще лучше подари. Мне, например. Спасибо получишь! Мой адрес в редакции знают. Жду!

Ну и другое все ор лайт! И о фильмах приятно было узнать что-то новенькое, и разные замечочки там и все такое. Что хочется редакции журнала пожелать? Регулярности. Мецената там найти, или рекламку забабхать какую, чтоб денежек отломилось кусок. Потолще вот бы сделаться еще! А пока, от нерегулярности своей, все же лучше вещи с продолжением не печатать. А вообще-то нет разницы! Делайте что хотите и как хотите. Главное, чтобы марку лучшего провинциального журнала фантастики в России продолжать держать, и все будет хорошо!

И как говорили когда то в Советском Фэндоме — Дობрой Вам Фантастики!

Ваш читатель-почтатель,
Борис ЗАВГОРОДНИЙ

ЭЛЕКТРОНИК ПО СПИЛБЕРГУ

Помните сериал нашего детства — «Приключения Электроника»? Все приключения мальчика-робота начались тогда, когда он захотел стать реальным. Он сбегает от своего создателя, чтобы научиться быть человеком. Впрочем, все киношные роботы страдают именно этим — желанием стать реальными людьми. Вспомним «Его звали Роберт» и подобный американский фильм «Создавая мистера Идеала». В обоих фильмах создатель, копией которого является робот, оказывается менее человеческим, чем его создание. Но я отвлеклась. Речь идет о фильме Стивена Спилберга «Искусственный интеллект», снятом по рассказу Брайана Олдисса «Суперигрушки на все лето» (др. пер. «Игрушки»).

Будущее. Человечество переживает экологическое бедствие: вследствие парникового эффекта растаяли полярные шапки и большинство прибрежных городов погрузились в пучину моря. В помощь себе люди создали роботов с искусственным интеллектом. Отсюда же начинаются вопросы: зачем рабочему роботу непременно понадобился искусственный интеллект и антропоморфность? Если они так полезны, почему куча разваливающихся никому не нужных беглых роботов вынуждена копаться на помойке в поисках запчастей? И почему разрешены облавы на них с последующей публичной средневековой казнью? Ничего подобного в рассказе не было.

Но вернемся к фильму. Робота Дэвида приводят в семью, которая переживает драму: их ребенок лежит в коме. Мама Моника постепенно привыкает к нему и даже активизирует центр любви (или как он там назывался в фильме, из-за перевода не было понятно), после чего робот превращается почти в живого мальчика, искренне влюбленного в маму. Нет бы Монике подождать пару дней! Ее настоящий сын приходит в себя, и вот семья уже обременена содержанием еще и дорогого робота, кото-

рого теперь уже нельзя перепродать — любовь в нем включает-ся один раз и на всю жизнь. Дэвид начинает догадываться, что его не любят, потому что он не настоящий ребенок. Однажды происходят неполадки, и Дэвид подвергает опасности жизнь сына Моника. От робота решено избавиться. Каким-то странным способом: его, как ненужного котенка, вышвыривают вон в лесу. Дэвид, наслушавшись дома сказок про добрых волшебниц, решает отправиться на поиски Голубой феи из сказки «Пиночкио», чтобы попросить ее превратить его в настоящего мальчика... Поход мальчика длится ни много, ни мало — две тысячи лет...

Спилберг за год снял фильм, который Кубрик не мог снять за целых пятнадцать. Пожалуй, это самый депрессивный фильм Спилберга, ведь даже его «Список Шиндлера», фильм о фашистских лагерях, оставляет зрителя со светлой грустью, а не горькой. Жесткий рационализм Кубрика + милая сентиментальность Спилберга = глубокая депрессия зрителя.

Западные критики окрестили картину великой. Фильм, конечно, хороший, но, по-моему, он опоздал как раз на те самые пятнадцать лет, если не больше: о том же самом гораздо лучше рассказал Ридли Скотт в «Бегущем по лезвию бритвы» еще в 1982 году. Диковские андройды тоже страдали этой болезнью: жаждой стать реальными. Единственный, кому это удалось — «Двухсотлетний человек» Азимова. Впрочем, и человеком-то он стал, только согласившись умереть. Согласился умереть и Дэвид... Неужели только способность умирать делает нас людьми?

Грустно.

Надежда МАРКАЛОВА

ИСКУССТВО И ИНТЕЛЛЕКТ

На киноэкранах одновременно идет фантастический фильм, в котором нарисованные куклы делают вид, что они — живые люди, и фантастический фильм, в котором живые актеры играют механических кукол.

Все смешалось. Виртуальность и ее искусства — это уже не просто развлечение. Это эмоциональное богатство, от неисчерпаемости которого захватывает дух. Привлекательность виртуальности все больше влияет на реальность. Это не просто истина, это уже банальность. И это — пожалуй, единственное предсказание фантастов, которое сбылось абсолютно и стопроцентно.

Ведь мы к началу третьего тысячелетия так и не заселили другие планеты. Мы не встретили во Вселенной братьев по разуму. Человечество все больше отвлекается от внешнего пространства и все более погружается в пространство внутреннее — в виртуальный безбрежный мир. В мир, не испорченный наследственными болезнями, родимыми пятнами и бородавками несовершенной человеческой морали. В мир, где все эмоции существуют в стерильном, восхитительно чистом виде.

В новой картине великого Стивена Спилберга «Искусственный интеллект» люди — самые плохие. Другие носители разума — инопланетяне и роботы — хорошие. Впервые в своем гуманистическом творчестве Спилберг выносит человечеству приговор. Человек греховен и обречен на гибель в будущем, как это будущее ни понимай — как реальность спустя несколько тысячелетий или как загробный мир.

Раньше Спилберг часто размышлял о зле, о грехе, о горе, которое люди причиняют друг другу. Но добро всегда торжествовало. Человеческое добро. Человек оставался для Спилберга мерилом духовности и морали. Так что «Искусственный интеллект» — это, можно сказать, прорыв.

Человек, увы, вовсе не всегда в ответе за тех, кого приручил. Вот, например, милая супружеская пара взяла себе сыночка-робота. Потом появился натуральный, живой сыночек, и родители решили от роботенка избавиться. А он на всю жизнь полюбил свою маму. Он не может ее разлюбить — программа не позволяет. И отправляется маленький Дэвид искать Голубую Фею из сказки про Пинокио, чтобы его, как и Пинокио, превратили в живого мальчика. Однако на самом деле Дэвид — не Пинокио. Он, скорее, Белоснежка или Мальчик-С-Пальчик: герой, оставленный родителями в лесу на съедение волкам и переживший множество приключений на пути домой.

Бедный Дэвид. Он оказался совсем не в той сказке, на которую рассчитывал. Поэтому не ждите хэппи-энда. Все будет гораздо, гораздо печальнее.

Зрителей этого фильма ожидают: полузатонувший Манхэттен, где особенно зловеще в свете сегодняшней реальности выглядят свалившийся набор небоскребов; варварские игрища охотников на роботов и безропотная смерть их добычи; погрязший в мишурной роскоши Красный Город — развратный аналог Лас-Вегаса, сильно превосшедший оригинал; воцарение на Земле новой вечной мерзлоты; а в конце концов — одинокий, всеми брошенный разумный игрушечный робот-медведь.

И все это — в одном фильме. Да, Спилберг разбушевался. И, наверное, у него было на это право. Вернее, у него не было права этого не сделать. Ведь он по-честному отработал проект, начатый Стэнли Кубриком (первые кадры фильма — морские волны — снял еще Кубрик). Проект глобальный и очень серьезный: снятый по рассказу Брайана Олдисса, фильм в то же время поводит итог робототворческой теме в произведениях Айзека Ази-

мова и Филипа Дика. Фантасты-философы, казалось бы, со всех сторон рассмотрели этические проблемы, возникающие в мире, где есть искусственный интеллект. Однако самый сентиментальный аспект остался Спилбергу.

И как все это сделано! Как преподнесено! Постановочный и технический уровень картины восхищает. Когда показывают развалины Нью-Йорка посреди океанских волн, зритель не задумывается — макет это или компьютерная анимация. Просто затопленный Нью-Йорк. Но самое великолепное — это целлюлоидный блеск Джуда Лоу, играющего Жиголо Джо — робота-любовника, ставшего другом Дэвида и спутником в его странствиях. Джуд Лоу такой игрушечный, что кажется, будто он и не был никогда настоящим...

Это тем более поразительно, что в то же самое время в на российские киноэкраны вышел японский фантастический фильм, в котором все роли играют нарисованные актеры.

Да, «Последняя фантазия» — это не мультик. Это — фантастический фильм. От всех прочих фильмов его отличает только то, что все в нем нарисовано. Нарисовано так, чтобы как можно точнее имитировать правду жизни. У героев прописаны морщинки, поры на коже, веснушки, радужная оболочка глаз... Каждый волосок отдельно! Тени, полутона... Если бы не некоторая излишняя легкость и плавность движений, героев вполне можно было бы принять за настоящих людей.

Посмотрев этот фильм, я засомневалась: а так ли это хорошо, что кино через 100 лет после своего рождения активно вспоминает, что изначально оно было техническим аттракционом, а вовсе не «десятой музой»? Ну, сделали фантастический

боевик полностью на компьютере. Ну и что?! Чем он лучше обычного фантастического боевика? Да ничем. Ни логики, ни особого здравого смысла. Характеры стандартны, ситуации надуманны. А посмотреть любопытно. Тем более, что звуковые эффекты просто невероятные. Все летает, гремит и скрежещет рядом со зрителями и над их головами. Интересно, подобная балаганная диковинка сможет ли стать «музой №11»?

А пока что искусственные люди, которых играют живые актеры, все-таки живее, чем герои как бы настоящие, но изготовленные с помощью искусственного интеллекта...

Юлия БАТАЛИНА.

КИНО БУДУЩЕГО?

За последние десятилетие трехмерная анимация все больше и больше набирает обороты. Мы уж и не помним, где впервые была использована трехмерная графика для создания визуальных эффектов такого качества, что объекты казались зрителю реальными. Может, это был «Юрский парк» Спилберга в 1993 году? А может, что-то еще раньше, но не в таких масштабах. Похоже, динозавры стали одними из первых трехмерных объектов, «играющих» в кино. После «Парка» было создано несколько мультфильмов, таких, как «История игрушек» (1995) и «Муравей Анн» (1998), полностью трехмерных — правда, у них имелось несколько недостатков, о которых скажем чуть ниже. Год назад научно-популярная серия «Прогулки с динозаврами» с успехом шла на ОРТ, то есть трехмерная графика используется уже не только в игровом кино, но и в учебном. И почти одновременно с сериалом был снят совершенно шикарный мультфильм «Динозавр» (2000).

Я не говорю о создании трехмерных космических кораблей — они уже давно используются даже на телевидении. Ведь «натянуть» такую текстуру, как металл, на поверхность трехмерного объекта не в пример легче: во-первых, металл блестит, что облегчает компьютеру обсчет световых лучей, во-вторых, текстура эта достаточно однородна, в отличие от кожи или шкуры, которая фактурной упорядоченностью не отличается. Если пересмотреть сейчас «Историю игрушек», то можно увидеть: свет от всех без исключения предметов отражается как от металла — то есть неизбежно присутствует блеск (на коре дерева, например), а это совсем не придает фильму реальности. Ведь глаз человека определяет материальность предметов именно по характерному отражению ими солнечных лучей. Рано или поздно аниматоры должны были справиться с этой проблемой.

Когда снимали «Американского оборотня в Париже» (1997), помнится, заявляли, будто впервые научились делать волосатых трехмерных тварей, но они тоже смотрелись как-то не очень. В «Динозавре» же можно вовсе умиляться, разглядывая пушистых мартишкоподобных существ. Да и все остальные объекты созданы превосходно: камни — это камни, песок — это песок, а пейзажи хоть на холсте запечатлевай.

И вот пришла очередь людей. Еще в начале девяностых фирма Джорджа Лукаса «ILM» объявила о создании «базы данных» сканированных тел знаменитых актеров с тем, чтобы потом использовать их в кино. Одним из первых на очереди был, помнится, Марлон Брандо. А вот использовали сканированного трехмерным сканером актера, по-моему, только один раз — Роберта Патрика в «Терминаторе 2». Знаменитостей больше не использовали. Видимо, не разобрались с авторскими правами — тому же Марлону Брандо пришлось бы платить гонорар за использование его внешности. Или решили, что создавать новых кукол интереснее.

Трехмерные персонажи в кино прижились: «Джуманджи»,

«Маска», «Звездные войны. Эпизод первый»... Естественно, логическим завершением всего этого должно было стать создание полностью анимационного трехмерного художественного фильма. Им стала «Последняя фантазия».

...2065 год, Земля подвергается нашествию странных инопланетян-призраков. Ученые во главе с доктором Аки Росс пытаются найти средство объясниться с ними и разрешить конфликт относительно мирным путем. Но военные (им как всегда не терпится что-нибудь взорвать!) хотят уничтожить призраков во что бы то ни стало, даже если это повлечет за собой уничтожение Земли.

Фильм сделан превосходно. Исключительная по качеству трехмерная анимация впервые дает представление о том, как будут выглядеть фильмы будущего, когда живых актеров заменят покладистые и не требующие гонораров компьютерные куклы. Проработка таких деталей, как волосы или мимика просто восхищает. Совершенно живые, реальные движения людей: бег, шаг, повороты головы...

Интересно, будет ли Харрисон Форд против, если «Лукас-фильм» возьмется за производство пятой серии «Индианы Джонса», теперь анимированного? И что вообще скажет актерский профсоюз, когда Голливуд полностью перейдет на производство анимированного кино? В Интернете уже появилась анимированная диктор для чтения новостей (видите ли, новости гораздо лучше воспринимаются, когда их нам зачитывают) и анимированная поп-звезда. Неужели будущее всего кинематографа за трехмерной анимацией?

Надежда МАРКАЛОВА.

ПАРАД ДИНОЗАВРОВ-3

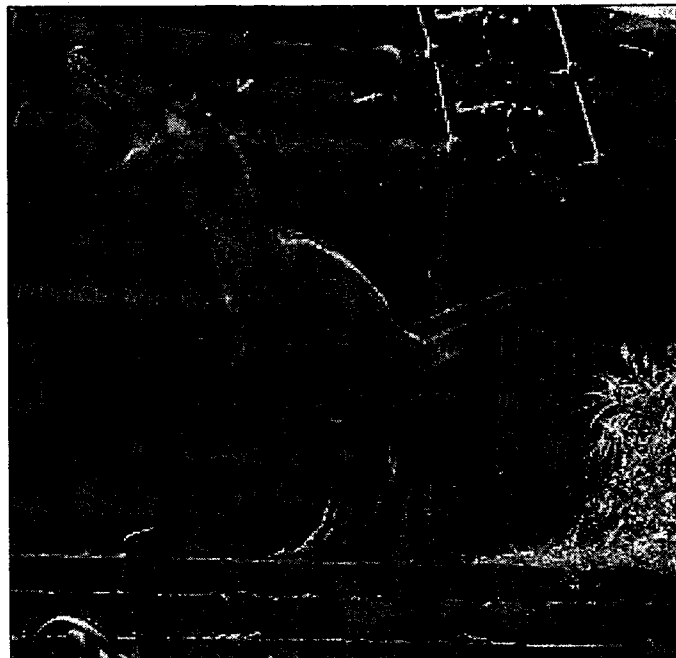
Впору писать о символическом образе динозавра в культуре рубежа тысячелетий... Вот уж третий «Юрский парк», а прочим творениям на данную тему несть числа: «Путешествие в долину», «Динозавр», еще одно «Путешествие в долину», «Земля до начала времен»... В чем секрет притягательности данной темы? Очевидно, в силу ряда причин отчасти случайных, отчасти закономерных: динозавры стали тем предметом, на котором человечество тренируется в придании живости, объемности и осязаемости умозрительному, имеющему лишь гипотетическое обоснование предмету.

В этом плане «Парк юрского периода 3» — идеальное наглядное пособие. От «Парка» к «Парку» динозавры становятся все реалистичнее, все РЕАЛЬНЕЕ. Киносьемочная и кинопроекторная техника бегут наперегонки, помогая друг другу продать зрителю все более качественные впечатления. Сегодня на сеансе «Парка» пол дрожит, когда буквально рядом со зрительским креслом ступает нога тиранозавра. Смотришь, слушаешь — и забываешь, что всех тварей рисовали на компьютере.

Выход из кинотеатра сопровождается прослушиванием оживленных дискуссий между палеонтологически подкованными детьми: выясняется, что компсогнатусы питались насекомыми, самыми разумными из динозавров были не велоцераторы, показанные в фильме, а их родственники овераторы, и, между прочим, велоцераторы были меньших размеров, чем в фильме, да и спинозаврус египтикус был не больше, а меньше тиранозавра... Очень познавательное кино!

Что же касается прочих кинематографических достоинств, то они тоже есть: прекрасный набор модных, но в то же время незамысловатых клишированных ролями актеров: Уильям Мэйси, Теа Леони, Алессандро Нивола... Из старичков по наследству от первого Парка достался Сэм Нил. Между прочим, по ходу дела герои неласково прошлись по профессору Малькольму обвинили его в самолюбовании. Можно предположить, что авторы фильма мстят игравшему Малькольма Джеффу Гольдблюму, который отказался сниматься в сиквеле.

Режиссура крепкая, профессиональная. Джо Джонстон, конечно, не Стивен Спилберг, но все же автор «Джуманджи» и фантастической комедии «Дорогая, я уменьшил детей». Киностудии «Эмблин энтертейнмент» можно поздравить с очередным коммерчески выигрышным приобретением. А вот сценарий ничем не примечателен: стандартный набор из находок

Спилберга и его многочисленных учителей, а также совершенно скомканный финал — типичный бог из машины: герои выходят к морю в то же место и в то же время, что и спасательный отряд. Как-то быстро, неожиданно и даже скучно.

Если же суммировать все впечатления от сеанса, то самым сильным окажется все-таки... рекламный ролик нового фильма Тима Бертон «Планета обезьян». Вот это кино! Не исключено, что разумные обезьяны составят опасную конкуренцию доисторическим тварям и породят новую культурную моду...

Юлия БАТАЛИНА

P.S. Прошу прощения у моих юных соседей по кинозалу, если я допустила ошибки в написании названий их любимых ящеров.

ЗЕНА — КОРОЛЕВА X-ФАЙЛОВ

Новости со съемочных площадок

Ридли Скотт («Чужой», «Бегущий по лезвию бритвы») будет снимать триллер о паранормальных явлениях под названием «Свифт».

Линда Хэмилтон не будет сниматься в «Терминаторе 3». Она объявила это после прочтения сценария. «Там нет ничего нового для Сары Коннор, — говорит она. — Это фильм для Джона Коннора, и я там совсем не нужна, это был бы всего лишь повтор, которого я не хочу».

Эмили Осмент, младшая сестричка Хэли Джоела Осмента («Шестое чувство», «Искусственный интеллект») появится в фильме «Дети шпионов-2».

Стивен Содерберг («Секс, ложь и видео») станет режиссером «римейка русской классики 1972 года «Солярис», который, в свою очередь, основан на одноименном русском романе Станислава Лема» (цитируется по сайту www.scifi.com). Ура! Лем обрусел окончательно! Я очень рада за Россию, она приобрела такого замечательного писателя.

Продюсер Джоел Сильвер оправдывается перед фэнами за поддержку с выпущенным сиквела «Матрицы», дата выпуска которого все откладывается и откладывается. В одном из интервью он сказал следующее: «Сиквелы «Матрицы» очень умные. Эти ребята (братья Вачовски — Н. М.) хотят перещеголять самих себя, и это

единственная причина, почему сиквел «Матрицы» («Матрица перезагружена») все еще находится в производстве. Они поняли, что за последние пару лет многие фильмы практически скопировали их идеи, взгляды и композицию кадров, поэтому они хотят сделать что-то, чего зритель еще не видел, и поверьте мне, они делают именно это». Фильм снимается в Австралии. Зато третий фильм трилогии уже получил название, он будет называться «Революция матрицы».

Фильму Спилберга «И.Ти — инопланетянин» 20 лет! По этому поводу выпущена новая версия фильма с некоторыми... изменениями. Например, добавлена сцена купания инопланетянина и Элдиота, а винтовки в руках полицейских в сцене полета на велосипедах заменены на... сотовые телефоны. Ну, и конечно, всякие там компьютерные эффекты добавлены в изобилии.

Третий фильм трилогии Найта Шайамалана («Шестое чувство», «Неуязвимый») будет называться «Знаки». События фильма разворачиваются на отдаленной пшеничной ферме, где в один прекрасный день фермер (Мел Гибсон) находит загадочные круги.

В декабре на экранах появится долгожданный фильм по рассказу Филипа Дика «Самозванец». Фильм снимают уже не один год. Дело в том, что сначала планировалось снять фильм из трех новелл, но боссам «Мирамакса» так понравился сегмент «Самозванца», что они решили переснять фильм в полнометражный.

Сериал «Секретные материалы» будет идти еще по крайней мере один год. Начались съемки девятого сезона — без Малдера, и без клуба «Одинокий стрелок», но зато с Люси Лоулесс («Зена — королева воинов») в роли злодейки и Гери Элвесом («Принцесса-невеста») в роли парня из ФБР. Официально объявлено, что это последний сезон для Джиллиан Андерсон.

Надежда МАРКАЛОВА
по материалам Internet.

ГОРОД ВЕЧНЫХ ДЕТЕЙ

В тот самый момент, когда актриса Одри Тоту получала «Сезара» за свою первую роль в фильме «Салон красоты «Венера»», режиссер Жан-Пьер Жене возвращался в Париж из Голливуда. Одри было 23 года, когда она приехала из деревни с населением в 600 человек, она категорически не привыкла к славе и потому пребывала в растерянности. Жан-Пьер не был на родине несколько лет, актриса Эмили Уотсон отказалась сниматься в его фильме, придуманном специально для нее, и поэтому Жан-Пьер пребывал в растерянности.

Их встреча, подготовленная цепью маленьких, но важных совпадений, была неизбежна. Эта встреча-событие из разряда тех магических происшествий, в результате которых исчезают призраки и появляются феи. Фею назвали Амели Пулен. Амели — французский вариант имени Эмили: Жан-Пьер назвал героиню в укор отвергнувшей его заокеанской музе. И снял фильм о встрече, подготовленной цепью случайных, но важных происшествий, о событиях, в результате которых исчезают призраки и появляются феи.

Жан-Пьер Жене — режиссер-фантаст. В содружестве с Марком Каро он снял причудливые фантазийные притчи «Деликатесы» и «Город потерянных детей». В Америке снял четвертую серию «Чужого». Вернувшись домой во Францию, он сделал «Амели» — фильм об источнике магических событий, о механизме, порождающем чудеса.

Сказочный город Париж стал новым городом потерянных детей. Детей, по разным причинам упустивших свое детство и стремящихся наверстать упущенное. Ведь если человек никогда не играл в Зорро, в прятки, в казаки-разбойники, в «двенадцать записок», он не будет готов к встрече с жизнью. Каждому необходимо рисовать на асфальте стрелки и подсовывать под двери таинственные послания. Если вы еще никогда этого не делали, займитесь этим немедленно.

Глядишь, жизнь ваших близких и ваша собственная изменятся. И, уверяю вас, в лучшую сторону.

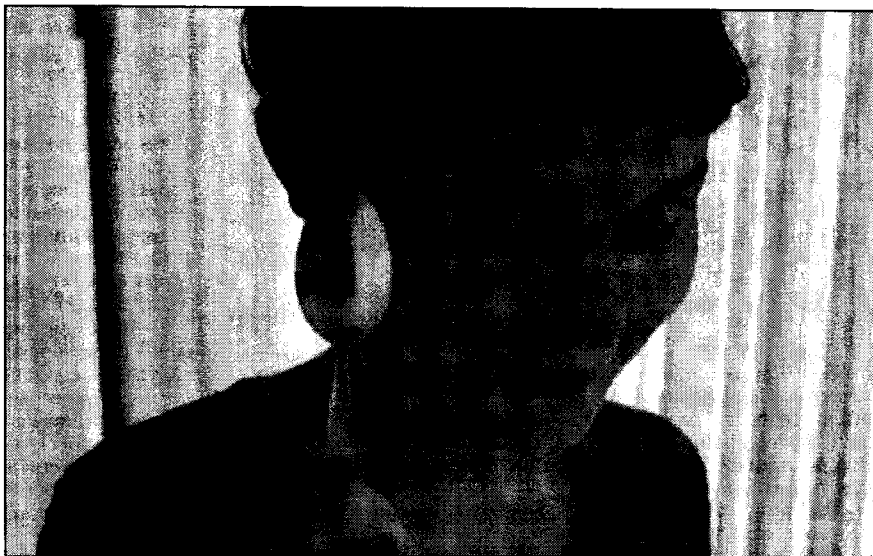
Амели Пулен, официантка из бара «Две мельницы» на Монмартре, девочка, чуть не упустившая свое детство, в последний день августа 1997 года осознала свое призвание. Это призвание — исправлять жизнь окружающих.

И вот уже ее отец-затворник излечился от многолетней депрессии и отправился странствовать по свету. А консержка избавилась от комплекса брошенной жены. А продавщица из табачного отдела перестала чихать и покрываться нервной сы-

пью, поскольку у нее начался роман с завсегдатаем кафе. А подручный торговца овощами начал учиться рисовать.

Но вот вопрос: кто же исправит жизнь самой Амели, одинокой, несмотря на все свои добрые дела? Впрочем, не все так безнадежно. Главное — понять рецепт исправления жизни. Рецепт заключается в том, что необходимо найти родственную душу. Для Амели родственная душа — человек, который побаивается призраков и верит в феи. Молодой коллекционер чужих фотографий с лицом суперкультового деятеля нового французского кино Матье Кассовица.

Амели Пулен любит ходить в кино. Посреди сеанса она оборачивается и смотрит на других зрителей. Она оборачивается, и мы видим себя. Коллективный портрет зрительного зала. И, как это ни странно, вид вовсе не противный.

Если вас раздражают окружающие, те, кто так некстати хрустит поп-корном, не так смотрит и не над тем смеется, вам обязательно нужно посмотреть «Амели». И вы полюбите тех, кто разделил с вами темноту зрительного зала. Полюбите хотя бы за то, что они ровно 2 часа смотрят не боевик, не идиотскую комедию, не ужастик, а романтическую сказку о волшебном Париже, раскрашенном на компьютере и оттого еще более настоящим. Смотрят, благодарно смеются и не уходят из битком набитого зала.

Не иначе, добрая фея поработала над их судьбами.

Юлия БАТАЛИНА.

курьер

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХРОНИКИ

8 октября в Центре современной литературы и книги состоялся семинар Бориса Стругацкого. Впервые за все время своего существования семинар прошел в отсутствие Бориса Натановича (мэтр находился в больнице). Встреча «семинаристов» была организована по его просьбе и с его благословения (чтобы процесс не стоял на месте). Обсуждался очередной конкурсный рассказ с давно уже заданным названием «12 июня 2018 года». «Рулили» А. Измайлов, С. Логинов, В. Рыбаков.

22 октября творческим вечером известного писателя Святослава Логинова открыла сезон секция фантастической и научно-художественной литературы Союза писателей Санкт-Петербурга. На заседании, посвященном его 50-летию, «внезапный патриарх» отечественного фэнтези посетовал на отсутствие гуманизма в сегодняшней российской фантастике, отчитался о содеянном за дачный сезон (в «ЭКСМО-Пресс»

вышел двухтомник его рассказов — книги «Железный век» и «Мед жизни»), поделился своими творческими планами («сейчас хорошо пишутся рассказы и мемуары, по выражению Славы — «мемурашки»), посоветовал всем хотя бы иногда жить в деревне (очень помогает творчеству и для здоровья польза), прочитал один из своих рассказов под названием «Детективная история, или Охрана природы по-советски».

После дружеских поздравлений состоялся небольшой фуршет, во время которого я, специально для «Лавки фантастики» взял у Логинова блиц-интервью:

— Святослав, тебе Слава Запольских и «Лавка фантастики» привет и поздравления передают. А им что передать?

— Желая «Лавке» вырасти настолько, чтобы успешно конкурировать с «Если».

— Почему тебя называют «внезапным патриархом» отечественной фантастики? Кто придумал этот термин?

— Термин придумал Александр Лурье, употребив его в одной из своих статей. А «внезапный»... Просто ходил, ходил в молодых и вдруг — патриарх... Самому странно.

— Как оцениваешь положение дел в современной фантастике?

— Адекватно.

И мы выпили...

Владимир ЛАРИОНОВ.

РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ЗВЕЗДОЛЕТОВ

*«Вам нужно кого — нибудь убить?
Тогда ОБРАЩАЙТЕСЬ в «Неограниченные
услуги».
По любому поводу звоните В ЛЮБОЕ
ВРЕМЯ — окупится!
P.S. А еще мы выгуливаем собак».*

Р. Хайнлайн. «А еще мы выгуливаем собак».

*«Теперь, с появлением вакуум — памперсов,
моя проблема решена... — обреченно закончил
Толик. — Я взлетаю, выполняю джамп-перемеще-
ния, сажусь на чужую планету и возвраща-
юсь, не теряя времени на бытовые неудобст-
ва...»*

С. Лукьяненко. «Звездная тень».

Благополучие любого предприятия зависит напрямую от количества реализованной им продукции, поэтому реклама становится все более назойливой и всепроникающей. Отмечая этот факт, фантасты выдвигают неутешительные прогнозы: количество рекламы, обрушивающейся на единицу населения, в будущем только увеличится.

Реклама станет внедряться повсюду: в записи на пластинках, кассетах; в телефонные переговоры (1); в бытовые приборы (22); она станет проецироваться на окна и на сетчатку глаз (2). Рекламные щиты вырастут до бескрайних размеров (3).

Рядовой день рядового американца начинается с мерцания рекламы на потолке. Вставая, он старается «не глядеть на рекламу, напечатанную на простынях, наволочках, одеялах, на его халате и стельках тапочек. Как только ноги Крейна коснулись пола — включился телевизор». Отключить телевизор и радиоприемник, чьи передачи насыщены рекламой, невозможно, единственно доступная операция — переключение программ, по сути, смена реклам. «Едва он начал бриться, как зеркало принялось мерцать каждые три секунды. Несколько мгновений спустя он уже читал на листках туалетной бумаги объявления дня». Дверные звонки наигрывают рекламные мотивчики. А расплачивается герой банкнотами, «на одной стороне которых изображен Авраам Линкольн, а на другой — нагая купающаяся женщина с куском мыла «Смуги» (Р. Рассел, «Комната»). Желание укрыться от вездесущей рекламы незаконно, как и в рассказе Э. Гриффита «Слушайте, слушайте», где наказанием за уклонение от прослушивания рекламы является тюрьма. Люди специально идут на это, чтобы хоть там избавиться от остервеневшей рекламы. И вот последнее нововведение: теперь и тюрьма не будет исключением — не продавать, так надоедать.

По мнению других авторов, избавиться от назойливой рекламы можно, но это стоит дополнительных расходов. Для уничтожение газетной рекламы предлагается вывести специальные бактерии, питающиеся любой неправдой (15), а для защиты от телерекламы изобрести специальную приставку, при первых звуках начавшейся рекламы автоматически переключающую телевизор на другой канал, где рекламы в данный момент нет (16). Самый дорогостоящий, но и самый эффективный способ предложил Г. Каттнер в рассказе «День не в счет». Некоторые, наиболее солидные фирмы устраивают особые «зоны тишины» для всех горожан на участках автодорог — там реклама не слышна. А тем, кто желает отдохнуть от рекламы всерьез, продают места в абсолютно изолированные жилые боксы, своего рода «кельи эпохи НТР».

Но не заставят себя ждать и новые изобретения в сфере рекламы. Так, с появлением атмосферной пушки станет возможным создание рекламных изображений в ионосфере (4). Совмещение аудио-, видео- и печатной продукции позволит картинкам в рекламном буклете двигаться, звучать, издавать запахи (5). Торговые автоматы станут реагировать на приближение человека (6). С помощью специальных шприцев рекламу можно будет создавать прямо в воздухе. Позже ученые выведут специальных насекомых, которые будут

продуцировать рекламу везде, где возможно (7).

Успехи роботехники позволят заменить людей — коммивояжеров роботами. От них без покупки уйти будет практически невозможно (8). Всепроникающее «рекламное поле» станет воздействовать на психологию человека, на его подсознание, вынуждая тоннами приобретать ненужные товары (9, 10). Наряду с запрещенным 25-м кадром, текст рекламы начнут записывать на грампластинки при очень малых оборотах, а затем воспроизводить с нормальной скоростью (Р. Леонидов, «Танец века»).

Как только человек начнет осваивать космос, вслед за ним устремится и реклама.

«Но больше всего выматывала реклама. Рекламные объявления следовали одно за другим весь долгий путь от Ганимеда до Земли, а на родной планете поджидали полчища робототворцев, и от этого безумия не спастись» (Ф. Дик, «Спешите приобрести!»).

Обращенная к Земле сторона Луны — самый удобный рекламный щит, видимый каждому жителю планеты (11). Разумеется, на нем не может не появиться реклама. Вслед за Луной и другие небесные тела превратятся в рекламные щиты (12). Пассажирам космических кораблей тоже скучать не придется: реклама возникнет вдоль всех оживленных космических трасс (12, 13), будет проецироваться на иллюминаторы космических кораблей (2), даже из Млечного пути предлагается сделать рекламный щит (3)!

Ж. Верн, иронизируя над американским стилем жизни, предлагал проецировать рекламу на облака (Ж. Верн, «В XXIX веке. Один день американского журналиста»).

А. Кларк в рассказе «С кометой» в шутку высказывает предложение использовать в рекламных целях вещество кометы, которое, разогреваясь от воздействия солнечной плазмы, начинает светиться.

Из интересных находок фантастов в сфере производства рекламы следует отметить предварительное изучение эффективности воздействия конкретного рекламного ролика на потребителя (14), что позволяет производителю экономить средства, выделенные на рекламу, и обеспечить системный подход (производитель носков «А» рекомендует стирать их только порошком «Б» в машине «В», а гладить утюгом «Г», и никак иначе), когда рекламируется несколько товаров одновременно, что повышает спрос и снижает издержки (2). Эти идеи были высказаны еще 50 лет назад.

Реклама — это всегда усилия, направленные на изменение общественного мнения в пользу какого-либо товара. Но ее принципы используются и для изменения общественного мнения к какому-нибудь человеку, фирме, во время политических выборов. Фантасты не обошли стороной и эту тему.

Можно заработать на саморекламе, делая что-то совершенно ненужное. Например, герой произведения Г. Альтова «Третье тысячелетие» для раскрутки собственной журналистской школы сносит пиропатронами верхушку Эвереста и тащит ее вниз, снимая фильм о том, как трудно ее катить. Спуск длится долго, его репортажи смотрят массы, и из преступника (правительство Непала поначалу отдало приказ об аресте) он становится самым популярным человеком планеты.

Для политической рекламы используются все известные приемы создания положительного имиджа.

Идет избирательная кампания, в которой наряду с земными кандидатами участвуют и инопланетяне. «Изюминка» в том, что в недавнем прошлом инопланетяне воевали с землянами. Более того, использовали пленных для опытов, изучая физиологию землян. И еще более того, ставили опыты над детьми. Герой — менеджер рекламной кампании. Получил приказ от начальства «выбрать» инопланетянина любой ценой. Кульминация выборов — теледебаты. Герой выдвигает против инопланетянина в целом справедливые, но излишне резкие обвинения. В студии присутствует подросток-девочка. Подчеркиваем — не подсадка, но герой делает ставку именно на нее. Атмосфера накаляется, заключительные нападки героя таковы, что ребенок, в стремлении защитить знакомого ему инопланетянина бросается к взвешивающему существу и обнимает его (Ф. Пол, «Дети ночи»).

Еще один интересный ход для политической пропаганды: герой ведет предвыборную кампанию, «дирижируя» работой телевизионщиков и поведением кандидата. Учитывается множество деталей:

а). Место действия, самолет, автомобиль, костюм, прическа, голос, жесты сенатора и его жены должны соответствовать имиджу;

б). Тщательно отбирается телеобозреватель: его грим, голос

и облик в целом должны соответствовать определенным требованиям;

в). Рассчитывается время передачи, количество и состав телеаудитории, все это согласовывается с содержанием передачи;

г). Каждая реплика супруги сенатора и его самого отрепетирована, под кожу за ухом ему вживлен радиопередатчик — «суфлер».

Еще одна техническая уловка: цвет автомобиля меняется динамически (жидкие магнитокристаллы), чтобы создать у зрителей определенное настроение, добиться требуемого отношения к происходящему. В целом описание кампании производит впечатление тотальной заорганизованности — ни одного живого поступка, слова, жеста. Все, что попадает в кадр, является ресурсом для достижения цели: произвести на телезрителей самое благоприятное впечатление. Впрочем, инноваций в этом процессе не было — на западе умные имиджмейкеры занимаются именно тем, что описано выше.

Финальный трюк: оказывается, в президенты прочат вовсе не сенатора, но его супругу. С этой целью сенатора... убивают. Выборы вдовы проходят на волне зрительских симпатий (П. Д. Уайль, «Информация»).

Реклама используется даже во время теракта! Террористы изобретают «бомбу-анонс». Это бомба с пропеллером и громкоговорителем. Перед тем, как взорваться в вышине, она поднимается над сценой трагедии, унесшей жизни высокой персоны, охранников, простых граждан, и оповещает всех уцелевших, какая организация и почему провела теракт (Н. Спинрад, «Агент Хаоса»).

Впрочем, авторы зачастую относятся к рекламе с чувством юмора, гротескно показывая, к чему она приводит.

Новация, которую предлагает нам М. Рейнолдс в произведении «Радикальный центр», разворачивается как бы на двух уровнях.

1-й уровень. В стране идет кампания «рекламы наоборот», издательски высмеивающей признанные образцы. Например: а). Сигареты под названием «Курево». Завсегдатая ведет с барменом примерно такой диалог: «Дай курева» (подразумеваемая привычные «Лаки Страйк»). — «Держи «Курево». На пачке вместо предупреждения о вреде курения написано: «...от «Курева» вы получите рак легких наверняка»;

б). Виски под названием «Новое кукурузное». В рекламном листке выворачиваются наизусть все апелляции к престижности марки. Картинка — пьяная вдрызг вечеринка. Слоган: «настоящее самогонное похмелье в каждой капле»;

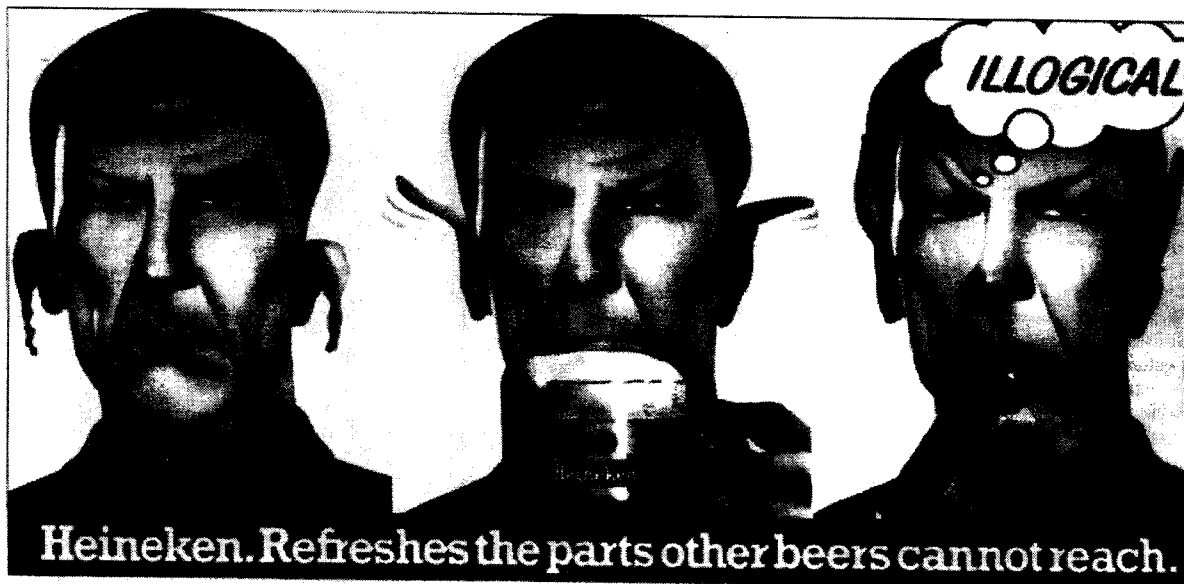
в). Новый типаж на ТВ: герой — неудачник. Пропагандируются именно недостатки, отрицательное поведение.

2-й уровень. Реклама — часть общества; выясняется, что вся эта «реклама наизуворот» — подкон под американский образ жизни. У организаторов «Радикального центра» далеко идущие планы. Прививая людям скверные привычки, машинаторы стремятся ослабить их волю, добиться безразличного отношения к политическому выбору. И тем самым обеспечить своим ставленникам большинство среди тех, кто придет к избирательным урнам.

Сатира на общество будущего: действие романа Ф. Пола и С. Корнблата «Операция «Венера» разворачивается на фоне перенаселения Земли, истощения природных ресурсов. Планируется полет на Венеру земных колонистов. Цель крупнейшего на Земле рекламного бюро — «съесть» новую планету. Герой — ответственный за этот проект. Стартует широкая рекламная кампания с подкупом сенаторов, инсценированным протестом «карманной» оппозиции, борьбой за получение госсубсидий, мониторингом населения и т.п.

Один из соавторов повести имеет профессиональный опыт в рекламе. В повести дается пример создания и правки рекламного текста, меткие наблюдения раскрывают суть ремесла рекламиста, приводится идеология (кредо) профессионала. Авторы вплотную подошли к противоречию «мечта — торгашество», даже уперлись в него. Мечта, поскольку полет на Венеру — последняя надежда людей, задышающих от перенаселения. Торгашество, потому что герой продает, рекламирует этот полет как всякий другой товар, который необходимо сбыть с рук. Назначение чуда — приносить прибыль.

В рассказе А. Кларка «Рекламная кампания» широко по-

ставленная реклама фильма ужасов с участием инопланетян... сорвала первый контакт землян с представителями иной цивилизации.

А пропос... «Я — Ром номер 121376 из новой серии Q Домашних Уборщиков, изготовлен фирмой «Дженерал Электрик». Теперь прослушайте оплаченное рекламное объявление. «Дженерал Электрик» имеет честь представить вам свое самое последнее и самое лучшее изобретение. Наша цель: повышение вашего жизненного уровня. Наш лозунг: «Все Домашние Работы Выполняем Одним Пальцем». Я, Ром, являюсь новейшей и наиболее перспективной моделью в серии Всеочищающих Машин, изготовленных «Дженерал Электрик». Я — Домовой Уборщик класса экстра, и как все Домовые Уборщики я снабжен фабричной программой, гарантирующей быстрое, эффективное и деликатное выполнение работ в моей сфере деятельности. Кроме того, моя конструкция позволяет легкое и быстрое перепрограммирование, чтобы приспособить меня к индивидуальным требованиям потребителя. Я обладаю широким диапазоном возможностей. Умею...»

Р. Шекли «Вы что — нибудь чувствуете, когда я делаю это?»

1. П. Бертон, «Вклад Б. Дурстника Грабла в развитие рекламы».
2. Ф. Пол, С. Корнблат, «Операция «Венера».
3. Дж. Родари, «Все началось с крокодила».
4. Б. Бова, «Жестянка, полная червей».
5. Г. Гаррисон, «Месть стальной крысы».
6. С. Лукьяненко, «Запах свободы».
7. Р. Блох, «Кошмар номер 4».
8. Р. Сильверберг, «Честный контакт»; Ф. Дик «Спешите приобрести».
9. Д. Баллард, «Ты купишь, доктор!».
10. Б. Зубков, Е. Мусин, «Аквариум».
11. Р. Хайнлайн, «Человек, который продал Луну»; А. Кларк

- «Феерическое зрелище».
12. А. Азимов, «Покупаем Юпитер».
13. С. Голованов, «Ремонный зонтик».
14. Ф. Пол, «Туннель под миром».
15. Л. Резник, «Непрочный фундамент».
16. К. Саган, «Контакт».
17. Р. Хайнлайн, «Имею скафандр — готов путешествовать».
18. Ф. Браун, «Звездная карусель».
19. Д. Баллард, «Облачные скульпторы».
20. Ф. Чандлер, «Судебный процесс».
21. А. Беляев, «Властелин мира».
22. Э. Бертин, «Ураган времени».
23. Д. Крюс, «Тим Талер, или Проданный смех».

А. Кабанов, Д. Трифонов,
Н. Маркалова.

ОДНОРАЗОВАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ

SENSE OF MIRACLE

Для широких здравомыслящих масс постулатом стало адаптированное популярной наукой понимание психической деятельности, как электрохимического процесса. Искусственно вызывать простейшие эмоции научились уже давно. Более сложные, неформализуемые в описательные термины, переживания, слава богу, пока имитированы быть не могут. Искусственная личность должна напугать обывателя сильнее искусственного интеллекта, как только ему, обывателю, станет понятна разница между ними.

В принципе, отшлифовав нанотехнологию электрошока и синтезировав какие-нибудь особо забористые медиаторы, можно искусственно вызвать ощущение чудесного, стимулировать переживание чуда. Сейчас это, правда, представляется фантастичным не столько из-за трудностей исполнения, сколько из-за неясности самого понятия чудесного. Невнятность эта, впрочем, не мешает нам переживать чудеса и стремиться к повторному выпрыскиванию секрета некой «волшебной» железы в мысль, чувства, в духовную составляющую нашего «я». Зачем нам требуется переживать чудо — вопрос десятый, а вот что именно способно предоставлять нам сегодня, в пору поголовного интеллигентного скептицизма, необходимые ощущения чудесного — составляет тему наших заметок. Это фантастика.

«Sense of wonder» как свойство фантастики отмечено давно. Правда, «wonder» можно перевести как «замешательство», «восхищение» (по крайней мере, оттенки этого смысла в слове отчетливо заметны), а в нашем случае уместнее «sense of miracle», это буквальнее: ощущение чуда. Оно представляется нам не просто свойством фантастики, а ее функцией, целью и оправданием ее существования. В зависимости от того, можно ли рассматривать фантастическое «нереалистическое» литературное произведение (продукцию кинематографа, изобразительного искусства) в виде насаженных на шампур этой функции художественно полнокровных образов, ситуаций, характеров и событий, можно получить ответ, принадлежит то или иное сомнительное с точки зрения реализма творение к фантастике, или его следует числить по другому ведомству. В ситуации, когда для многих произведений ответ на этот вопрос неочевиден, предлагаемый критерий может сослужить неплохую службу. Собственно, предлагается еще один окуляр, в который можно под особым углом взглянуть на проблему: что же такое фантастика, каковы ее генезис и родовые черты, и чем она отличается от нефантастики. Возможно, «чудесная» оптика сделает яснее и резче, стереоскопичнее то неопределенное явление, дать которому дефиницию уже отчаялись. Афористично и всеобъемлюще определять фантастику мы тоже не рискуем, сосредоточимся на ее связи с таким же невнятным феноменом, как чудо.

СТРАТЕГИ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА

Собственно, чудес не было, нет, и не будет никогда. Вот уже 20 миллиардов лет никто из тех, кто мог бы преподнести нам чудо, не дают о себе знать, не показываются, не вмешиваются, не оставляют регистрируемых следов своей деятельности, каковые нельзя было бы истолковать нечудесным естественным образом. Не хочется затрагивать религиозные чувства верующих, но божественный промысел, похоже, состоит в элементарной стратегии невмешательства, очень рациональной и мудрой, хотя с позиций современной этики ГУЛаг и детские слезинки не приемлемы ни при каких обстоятельствах. Если чрезмерно хладнокровный бог кого-то не устраивает, можно предложить безличностное креативное начало. Злиться на него и пытаться его понять так же бессмысленно, как персонажам «Пикника на обочине» негодовать по поводу оставленных на Земле некими силами пресловутых Зон. Сталкеры смирились с чудом, нам приходится мириться с его отсутствием.

Инопланетяне, способные перемещаться на межзвездные

расстояния, а также наши прапраправнуки, освоившие хрононавтику, не дурнее бога. Общем местом в НФ стали заклинания писателей насчет того, что мы не доросли до контакта с инопланетным разумом, а путешествия во времени могут вызывать катастрофический хроноклазм. Кто-то из писателей интуитивно сформулировал эти запреты на чудо, кто-то уже пользуется ими, как укоренившимся табу, а кто-то настойчиво логичен и пускает в ход тяжелую артиллерию философии. Братья Стругацкие раскладывают по полочкам свои contra: «Оставим в стороне неприятные вопросы, связанные с психологическим шоком, который неизбежно испытает лишенное еще космического мировоззрения человечество; оставим и необычайные трудности, связанные с политической раздробленностью нашей планеты. Возникает вопрос: будет ли для человечества благом получальное готовые знания? Опыт истории науки показывает, что процесс познания не менее важен, чем само знание. Человечество, перепрыгнув через столетия, может упустить нечто очень существенное, безвозвратно потеряет кусок своей истории и, возможно, очутится в положении дикаря, играющего ручной гранатой в пороховом погребе». В художественном виде эта философия представлена в монологе «реморализованного» Лавра Федотовича Вунюкова из «Сказки о тройке». А старший из братьев в одном телевизионном выступлении даже весьма эмоционально предлагал выставить инопланетянам, если те появятся в окрестностях Земли, категорическое требование убраться за орбиту Плутона и ждать там, пока мы сами их не позволим.

Нечего и говорить, инопланетянам после этого рваться к нам вовсе нет резона. Но, даже интуитивно угадывая или логически обосновывая возможность планетарной угрозы в случае контакта с чудом, мы, тем не менее, понятия «инопланетянин» не выводим из обращения, с надеждой смотрим вверх и моделируем возможные ситуации «встречи разумов» и последствий этой встречи.

ФАНТАСТИКА ЖДЕТ СВОЕГО ЛИННЕ Я

Разумеется, чудо контакта — не единственное из возможных, но если взяться за классификацию, то зеленые человечки резервируют за собой первую, наиболее популярную группу. В летающие тарелочки могут верить и те люди, кто ни разу не держал в руках фантастической книги. Немалый сектор в НФ занимают произведения, в которых имеют место быть инопланетяне. Огромное количество народу вообще не видит принципиальной разницы между фантастикой и уфологией (корректнее сказать — уфоманией) — это они, тарелочники, заставляют писателей-фантастов испытывать страх перед публичными выступлениями. Кстати, путаница объяснима и даже неизбежна, уфомания своей функцией имеет все то же переживание чуда. Только в фантастике функция эта эстетизирована, а в уфомании предельно забытовлена: тарелочники повседневно живут в чуде, соприкасаясь с ним в самогинозе, в процессе своих священных фальсификаций, в привычке умножать число существностей сверх необходимого.

Разумеется, зелеными человечками чудо контакта не исчерпывается. Контакт — это встреча с иным и всемогущим, поэтому наши продвинутые потомки-хрононавты, волшебники в расшитых звездами и полумесяцами плащах, кое-какая нежить, суrowый Ягве и экстрасенс высшей категории — все они типологически идентичны зеленым человечкам, разница между ними несущественна.

Во вторую группу чудес — хотя бы из уважения к древности рода, — следует включить чудеса утопические. Рай на Земле конструируется по принципу, используемому и в НФ-биологии: химера. Известно, что выдумать принципиально новый биологический организм невозможно. Берут от каждой твари по органу, увеличивают их или уменьшают (размером или числом), а потом лепят из них гипногрифа, робкоша или змея-горыныча. Химеры нежизнеспособны. То есть ловкий доктор Моро может срastить голову крокодила с туловищем льва и щупальцами осьминога, но вне лаборатории чудовище издохнет: не встроится в биоценоз. Массовое использование «биологическими» цивилизациями генетически трансформированных животных, как мы подозреваем, споткнется о барьеры рентабельности или этики, а то и просто окажется, что со слоником интереснее обсуждать влияние «Страстей по Матфею» Баха на соотношение соло сопрано с оркестровым сопровождением в пятой части Реквиема Брамса, а не заставлять его майнать поддоны с биокирпичами. Впрочем, биоцивилизации, киборги, хирургически-геноадаптационные браки между людьми и негуманоидами группируются в иные типы чудес, а мы сейчас говорим о химере-утопии. С помощью научного метода экстраполяции утопиисты отрезают различные ломты от современности, увеличивают или уменьшают их размером или числом, а потом лепят Бориса Карлоффа в самой известной его роли, гальванизируют лоскутного бедолагу и объявляют его светлым буду-

щим. Химеричность утопии обсмеяли Стругацкие в «Понедельнике...»: «Тот, что был с лопатой, длинно и монотонно излагал основы политического устройства прекрасной страны, гражданином коей он являлся. Устройство было необычайно демократичным, ни о каком принуждении граждан не могло быть и речи (он несколько раз с особым ударением это подчеркнул), все были богаты и свободны от забот, и даже самый последний земледелец имел не менее трех рабов». Выдумать будущее невозможно, оно будет и хуже, и лучше наших представлений о нем, но оно будет не таким, как мы его себе представляем, и уж точно мы не испытаем в нем чудесного райского блаженства. Страшное чудо антиутопии вместо рая на Земле предлагает ад. Смотри там же, в «Понедельнике...», войну всех против всех за «железным занавесом», разделяющем два мира — две фантастики.

Самая глубинная мечта человека — переиграть однажды содеянное, исправить ошибку, повторить счастливую минуту, вернуть дорогого человека, заглянуть в завтрашние лотерейные таблицы, — реализуется в чуде путешествия во времени. Оно же вояж в параллельные миры и тур по альтернативным историям. Забавно читать, как два отечественных автора — А. Лазарчук в романе «Все, способные носить оружие...» и В. Звягинцев в «Вихрях Валгаллы», — реализуют несбыточную мечту российских императоров о Царьграде и проливах. Корректирующих историю произведений будет создаваться в нашем отечестве все больше, поскольку для русских по менталитету писателя-фантаста и читателя-фантаста наиболее желанным чудом после унижения 1991 г. остается триумфальный реванш, в реальности весьма проблематичный.

«Рассказы о древних людях» в духе Рони — старшего многие фэны считают по ведомству фантастики, и правильно делают, поскольку эпархия исторического романа начинается с момента документальных запечатлений истории человечества — хотя бы с наскальных граффити. В более ранние периоды можно заглянуть лишь фантастическим способом. Конечно, узнать, как в целом жили наши отдаленные предки, можно в музее или в научной антропологической книге — но с достаточной степенью неполноты. Ученые, даже историки — люди осторожные. Они сказок не сочиняют. Имеющиеся факты позволяют им лишь с достаточной степенью вероятности реконструировать прошлое. А узнать, о чем думал неандерталец вечерами у костра, да какого цвета была шкура у стегоцефала, да почему тот и другой вымерли — на эти вопросы рискнет ответить только фантаст, занимающийся экстраполированием по вектору «в прошлое» (интраполированием?) и нагло выдающий гипотезы за факты. И неважно, пользовался ли он при этом пресловутой машинной времени, или обошелся без привлечения тишного научно-фантастического антуража.

Конечно, путешествие в будущее в определенных случаях будет смыкаться с утопией (если машина времени служит приемом для перелета в рай) или с контактом (способ перелета к всемогущим потомкам).

Есть еще чудо изменения мировых констант, зачастую включающееся просто по волшебной авторской воле, как у Уэллса, или по лихому популяризаторскому «а если?..», как у Беляева, а иногда оказывающееся следствием вмешательства продвинутых пришельцев-астроинженеров.

Выделим еще одну группу чудес, так или иначе связанную с феноменом двойничества. Тут вам и Стивенсон с Джекилом и Хайдом, и Иван Карамзев со своим чертом, и традиционное оборотничество, т. е. существование в разных телах, и призраки, продолжающие существование в интерьерах английских родовых замков после смерти, и сбежавшая от студента тень у Шамиссо, и роботы — результат разглядывания человеком себя со стороны, превращения себя в упрощенную модель.

Очень родственно двойничеству чудо разумного животного — дельфинов из романа Р. Мерля, параслонов и паральвов Ф. Карсака, инопланетных обезьян Пьера Буля, голованов братьев Стругацких, вещей птиц и говорящих коней русского фольклора.

Примеры прозрачности границ между описанными нами группами чудесных явлений можно множить. Животные, например, начинают говорить, когда пересекают границы утопии. Пришельцы оказываются механизмами, как лемонды О. Ларионовой. Киборгизация — тоже своего рода оборотничество, но одновременно это и способ путешествия во времени, возможность заглянуть в будущее, продолжая существование сверх положенного биологией предела. Робот, которого Т. Чернышева называет «человеком наоборот», определенно несет в себе и черты «разумного животного» — в нем, как и в легендарных драконах Урсулы Ле Гуин (подчеркнуто чуждых всему гуманному), в искусственных гомункулусах, в негуманоидах-инопланетянах человек воплощает какую-то часть своего «я», не проявляющуюся в дневной легитимной ипостаси.

Видимо, все типы чудес восходят к какому-то одному пратипу, и, скорее всего, это прачудо метаморфозы. Она обнимает все — и алхимические трансмутации, и выращивание любой конструкции из эмбриозародыша (Стругацкие, Биленкин), и оборотничество-двойничество, и улюбокв геной инженерии, и утопично всемогущих инопланетно-иновременных имаго нынешнего худосочного сапиенса.

ФАНТОМИФ

Любопытно следующее обстоятельство. В фантастике мы реализуем чудесные невозможности, поскольку так уж устроены наши бедные мозги: в них накрепко встроена потребность дива дивного. Без чуда немыслима не только фантастика — не существует и ни одна мифологическая система. А без мифа невозможно сколько-нибудь цельное мировоззрение. Миф же довольно часто структурируется на парадигме метаморфозы, да и художественно-смысловая плоть его претерпевает эволюцию, подчас метаморфического, чудесно-преображающего характера.

Однако в исходной своей точке, на космогонической, т. е. всеустроительной стадии, миф логичен, рационален и незыблем. Космос побеждает Хаос — и застывает в неизменности, в гармоничном великолепии своего гарантированного удобства. Ничего принципиально нового Космосу не требуется, любое движение замыкается в дурную бесконечность сельскохозяйственного цикла: убиенный Осирис даже сквозь саркофаг пускает зеленые побеги; то ли импотент, то ли скопец Аттис умирает, не произведя потомства, но из его крови прорастают весенние цветы; полгода мается в подземном заключении Таммуз, мотающий срок вместо своей супруги... Н. Я. Дараган в «Очерке жизни Мирчи Элиаде» пишет: «В вечном неподвижном Космосе архаический человек мог существовать в силовом настоящем, независимом от прошлого и не влекущем за собой закономерного будущего». Какие уж тут чудеса, метаморфозы — вообще никаких перемен быть не может! Несомненно, в наши дни только реликтовый архаический человек не читает фантастику, не понимает ее, не подозревает о ее существовании, полагая, что НФ есть лишь разнообразящий антураж для детектива или боевика.

Итак, миф начинается с онтологических установлений. Право же, в онтологии очень мало можно найти чудесного. Космогония по своему логична, кратка по сюжету и базируется на чуде №1: создании Всего. Да это, собственно, и не чудо, а просто граничное условие, задающее условия игры (как и чудо №2, конец Всего). Никаких метаморфоз, вообще никаких перемен победивший Космос не жалеет. Уран и Рея породили хтонических чудовищ, чтобы самоутверждающимся олимпийцам было с кем подраться. Кто знает, как выглядел Пифон? Сие чудовище — голая функция, функция угрозы новой генерации богов. Подробности совершенно не нужны, стреловержец-Мусaget полностью затмевает свою жертву.

Теогония в отличие от космогонии уже исторична. В идеальном мироустройстве начинаются кое-какие изменения. А стало быть, появляется возможность для метаморфоз, для чуда. Миф начинает накапливать «ненужные» подробности, детали, частности. Казалось бы, для младенца-Зевса вполне можно было пригласить кормилицу или питать его из глиняной плошки. Но быт божественных особ непременно должен быть необычен, даже если они — груднички в изгнании. В результате зафиксированная в одной из версий мифа нимфа Амалфея, кормившая Зевса грудью, оказалась заменена гораздо более широко известной одноименной козой, рог которой уже тысячелетия является популярнейшим образом у орнаменталистов и пинаровцев. Э. Темкин и В. Эрман в своих «Мифах древней Индии» называют сюжет о пахтании океана «знаменитым», то есть захватывающим воображение и, видимо, до сих пор продуктивным в своем методе избыточности: боги избрали мутовкой гору Шешу, вместо веревки привязали к ней змея Васуки, трудились несколько веков, в качестве побочных продуктов получив еще несколько богов, главную апсару, белых коня и слона, волшебный камень и чудесное дерево, а также диалектическую альтернативу искомому наитку бессмертия амрите — яд калакуту.

Вот еще хтоническое чудовище: Медуза Горгона. О жертве Персея нам известно гораздо больше, чем о Пифоне. У нее скверный характер, отвратительная прическа, а главное, ее взгляд обращает в камень. Эта последняя функция Медузы самая необычная и самая изощренно ненужная. Убивать людей ведь можно более традиционными способами. Да и Персею — а значит, и всему этому мифическому сюжету, — Медуза не нужна. Персей, заглядывая к Горгоне, совершает излишний входной маневр. Ведь уколошить хтоническую даму гораздо труднее, чем заурядного морского пожирателя девиц. Однако, дабы соединиться с Андромедой, Персей сначала охотится на несравненно более опасного противника — чтобы потом эффектно обрвать в камень поджидающего в финале врага. Волшебное во-

оружие позволило бы ему и без применения мертвой змеекудрой головы запросто прикончить монстра, но совсем не гарантировало победу над волшебным же свойством Медузы — так где же логика?!

Была бы она прямолинейной, эта история оказалась бы скучна, как передовица. Дорическая капитель гармонична и скупа, коринфский ордер — гроздь барочных излишеств. Чудо №1, выделившее Космос из Хаоса, тоже свершилось по скучному и скучному правилу минимакса. А вот развившиеся варианты метаморфоз Космоса, перечисленные нами — контакт, утопия, путешествие во времени, двойничество, разумное животное, изменение мировых констант — они могут быть ярко и конкретно визуализированы, причем с «излишествами», заставляющими поверить во вписываемость эти чудеса в столь же избыточно детализированную реальность.

Но вот новое мироустройство завершено. Как и в случае победы Космоса над Хаосом, когда побежденный до поры затаился, но угроза реванша краем мифологического сознания ощущается, уцелело несколько титанов и хтонических чудовищ. Современная фантастика представляет их не способными вернуть старые добрые времена, хоть они и не прочь хотя бы мстить. Вырвавшийся из многотысячелетнего плена под вулканом Этна Тифон (Роберт Сильверберг «Зовите меня титаном»), кстати, не скуп на описанный в своей многоголовости-змееновости, рыщет по свету, дабы повторно сразиться с Громовержцем — но не только время титанов ушло, сами олимпийцы исчезли со сцены, мстить некому да и незачем. В новом мироустройстве Тифон берет в подружки бывшую супостатку Афродиту и принимается прожигать жизнь в комфортных условиях конца XX в. н. э. В завитках типичного для него абсурдистского юморка Р. Шекли заново выстраивает сюжет о Тесее и Минотавре. И здесь персонажи наделяются по-современному архаичным менталитетом и обитают в лабиринте безвыходных стереотипов. Ни новой теогонии, ни попытки запустить течение исторического времени ожидать не приходится. В варианте Шекли не то чтоб Минотавр взял верх — плейбою Тесею просто как-то не удается прикончить сибаритствующего слизняка в облики монстра, ибо в антигероическую эпоху потращения и перемены не нужны, а утонченно-модернистская игра Сильверберга и Шекли со старыми мифами обслуживает миропонимание «нового архаического» человека, ценящего привычный комфорт выше разнообразия ситуаций выбора. Который смотрит «День независимости» и тащится, если он американец. Стало быть, это фантастика деградировавшая, отрицающая сама себя, насмехающаяся над заключенным в ней чудом. Прошу понять правильно: оскорбления уважаемым писателям тут нет, а есть только констатация застойной архаики очередной победы Космоса над Хаосом.

Чем меньше противоречий в обществе, тем менее склонно оно жаждать катастрофических чудес, ибо «задача мифа — создать логическую модель для преодоления противоречий» (Левин-Стросс), а для американской фантастики такая задача не стоит. По этому поводу Урсула Ле Гуин нервничает: «Очень многие люди пугаются и впадают в меланхолию, стоит им столкнуться с чем-то новым: они боятся потерять контроль, они не читают ничего, о чем бы не знали прежде, ненавидят все, что другого цвета, и не питаются ничем, кроме «макдональдсов»». Вот вам портрет нового архаического звездно-полосатого бюргера. Он ни за что не станет потреблять фантастику. Ему не надо чудес и противоречий. Единственное, на что он согласен — космический/темпоральный антураж, в который вписаны обжитые «макдональдсы». Для него до сих пор пишутся романы, эстетикой и содержательностью повторяющиеся один к одному достижения эпохи триумфа Э. Р. Берроуза. Это Дж. Норман, например, или Эдвард «Док» Смит & Стивен Голдинг. Звездолетности, разных там химерических диких фауны в подобных романах предостаточно. Но понятия «вторичность» и «фантастика» несовместимы. У выпекателей коммерческого эскейпистского чтива вы не найдете парадоксов и теогонических противоречий. Псевдочудо их «фантастики» циклично, комфортно и узнаваемо.

Когда-то общим местом было утверждение, что фантастика — это литература эпохи НТР. Что она особенно бурно развивается в высокотехнологизированных странах. Верное зерно в этом утверждении есть: концептуальные научные открытия и вторжение последствий этих открытий в быт порождают ситуацию нестабильности. Я. Э. Голосовкер писал: «...при ... «универсальной жажде знания» ...поражает в людях мучительная жажда чуда. Объяснение ей: неуверенность, в завтрашнем дне».

Постиндустриальное/постмодернистское общество ничем не тревожится. Российский философ М. Рыклин (кстати, знакомец Деррида) на своей лекции в Перми признался, что Запад уже решил все мыслимые проблемы. Им там больше не за что бороться. Отсюда, наверное, и вытекают концепции «конца истории», с

которыми эффективно борется наш Кирилл Есков. Движение антиглобалистов, таким образом, являет собой стихийную попытку присписать приключений на свой благополучный афедрон.

Чтобы автора этих строк не приняли за ярого антиамериканиста и ослепленного патриота, рассмотрим ситуацию в России. СССР до перестройки числился в научно-технических лидерах. Общество оставалось высокообразованным и интеллигентным. Но с наступлением эпохи перемен вспыхнул интерес к мистике, явился легион экстрасенсов, ясновидящих, астрологов, народных целителей. Причину этому отыскивали сразу же: у людей ушла из-под ног привычная твердь сверхдержавы.

Интересно, эта эпоха перемен была новым теогоническим периодом, полезной перетряской — или контрреволюционным возвратом к архаике статичного мироустройства? Узнаете перестройку по делам ее: часть общества теперь более всего на свете жаждет стабильности, а другая часть — немедленных радикальных перемен. Возьмем на себя смелость утверждать, что последних — большинство. Не случайно в СМИ как-то потихоньку перестали поминать всуе брежневский застой.

Запад на своем эволюционном пути исчерпал текущие ресурсы теогоничности и вступил в ремиссионный период статичности, после которой, разумеется, последует новый прорыв. Мы же оказались отброшены в прошлое. Высокотехнологичное наследство советской науки, равно как и импортные чудеса бытового хайтека, вполне вписываются в первобытную картину мира. Ведь во время нынешних африканских этнических заварушек, когда любой чернокожий обыватель может увидеть по телевизору прямой репортаж CNN о том, как его сосед, вышедший за сигаретами, попал под пулю, конголезские беллетристы вряд ли устремляются дружными рядами наяривать НФ. Но суверения, будьте спокойны, расцветают пышным цветом. От смертельной опасности люди убегают в спасительное псевдочудо незбылемого Космоса. В фэнтези. Именно в нем, проклятушем, все чудеса строго детерминированы, даже сюжет архетипичен (см. изыскания Андрея Сапковского), и чего-нибудь новенькое в затверженную схему всунуть нельзя — преодолешь жанр.

«Золотой век» американской фантастики не случайно берет начало в безысходности Великой Депрессии. НФ предлагала эскейпистский билет в космическое всемогущество стоипроцентного WASPA — Джека Картера Марсианского или какого-нибудь комиксового «атоммена», затем бравадно подыгрывала чудесным теогоническим переменам — мощному политическому и научному рывку страны в мировые лидеры. После победы во Второй мировой сбылась Великая Американская Мечта. Тут бы фантастике США и закончить в архаике, но над макушкой некоторое время маячила советская водородная бомба, угрожающая вновь сложившейся комфортной неизменности существования. Ну, а когда нервозность первых лет холодной войны сменялась застоєм дежанта, тут-то и явились адепты «новой волны», вынужденные заняться олитературиванием простовато — победительных схем Хайнлайна и Азимова. Экстенсивная эксплуатация «поля чудес» истощала себя, Баллард и Бойд, Прист и Олдисс вынуждены были рекультивировать, то бишь эстетизировать отвалы выработанной НФ-породы. Не только первичные оригинальные типы чудес к тому времени никого поразили уже не могли, но и подтипы, и подтипы подтипов, и вариации, и «неожиданные ракурсы» — ничего принципиально нового не придумывалось. Придумывать новое можно только в ситуации Хаоса.

Оставалось даровито накручивать интеллектуальные, стилистические и психологические арабески вокруг ставших бесплодно классическими ситуаций и характеров. Пускаться в постмодернистские тяжкие. Заигрывать с маскультом. При всех литературных достоинствах, притчевой глубине и нравственном учительстве произведения лучших представителей «новой волны» свидетельствуют о кризисе. Будьте уверены, любая «новая волна» — это эмблема и суть кризисных явлений.

Вполне декадентская американская фантастика «серебряного века» (аналоги уместны) по большей части поражает не предметом своего исследования, не фактом чуда, а именно мастерством его забытовления — когда невероятное подается, как норма¹. Катастрофизм «Затонувшего мира» Балларда не ужасен, а уютен в красоте своего умирания. «Танцоры на краю времени» Муркока всемогущи, но очаровывают не безграничностью своих

¹ В этой связи «достоверность» из знаменитой триады фантастических *sine qua non* Стругацких — тоже свидетельство кризиса в советской НФ: его почувствовали и принялись обсуждать в «Литературке», но правильно определить, откуда ноги растут, не смогли, и литературоведческие ристания загугались и бессильно прекратились. Илон Тихий — это, видимо, не фантастика, если Лем тут намеренно недостоверен? И еще а прогос: другой член «триады» — тайна, вовсе не строго обязательна. Попытайтесь-ка отыскать энимику в каком-нибудь из рассказов Гуслярского цикла Булычева — улов будет невелик. В фантастике, скорее, можно говорить о некой атмосфере таинственности, которая неизбежна при живописании незваного мира или мира привычного, но открывающегося своей неожиданной стороной, нежели о непрерывной составляющей детективного жанра. То есть тут вопрос касается поэтики, а не содержательной составляющей. Что же остается? Чудо? Так ведь и мы о том же...

возможностей, а бесцельностью и скукой, с которыми предаются чудотворным досугам. «Опрокинутый мир» Кристофера Приста живописует пример самоизоляции от реальности, от среды непрерывных метаморфоз.

Похоже, приход Филипа Дика и его «психоделической» фантастики был не случаен. Фантастика — сейсмограф, чутко реагирующий на любые, даже слабые сотрясения устоявшейся обыденности. Слишком прочный универсум подозрителен, он начинает казаться ирреальным как раз потому, что чересчур убедителен в своей неизбежности. Эффективный галлюциноген подкрепляет наметившиеся сомнения. И герой «психоделической» НФ начинает дрейфовать в доонтологическом Хаосе, чьи интенциональные черновики не обладают достоверным значением реальности — или иллюзорности. Заметим, что первооткрыватель жанра не был изощренным стилистом или психологом — как и «грандмастера» периода первоначального разграбления фантастических чудес. Филипу Дикю некогда было эстетствовать, успевая подбирать сыплющиеся с целинной нивы прямо в руки самородные сюжеты, конфликты, антураж. Роджер Желязны, Урсула Ле Гуин и даже Станислав Лем восхитились новой возможностью отчалить от обыденности, и вот появились вторичные, но литературно полноценные «Хозяин сновидений», «Резец мироздания» и «Футурологический конгресс».

Киберпанк — реакция на еще одну угрозу: уязвимость интегрированного хайтек-миров технологий общества перед контркультурой, маргиналами и терроризмом. Для США сейчас вообще угроза №1 — международный терроризм, месть ограбляемых стран третьего мира. В связи с этим «Хамас» должен не «боинги» взрывать, а подпускать компьютерные вирусы...

Подведем промежуточный итог. Ситуация вновь сложившейся комфортной неизменности чужда фантастике и подталкивает ее в тупик. Того и гляди, вся НФ в него упрется, выродится и с приходом очередной эпохи перемен/метаморфоз уступит место иному феномену, более эффективно удовлетворяющему наши чудесные интенции. О нем, этом феномене, поговорим после.

А пока развивающийся, не залитературенный покуда миф вместе с историчностью, т. е. с неожиданными поворотами борьбы детерминизма и субъективной воли, продолжает обогащаться чудесными ненужностями — оттенками, двусмысленностями, гротесковыми амбивалентностью и избыточностью.

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ГИПЕРРЕАЛИЗМ

Некоей абстрактно-схематической идеи чуда не существует, оно должно материализоваться во плоти, в оперном блеске или в нарочитой бытовой рутинности, и обязательно шкотать наш затылок своими негуманоидными вибрициями, оглушать ревом взвздошных диоз. Раньше кинематографисты работали лишь на намеках, обозначая присутствие чудовища только его падающей в кадр тенью. Теперь непредставимое материализуется в компьютерной графике. Могут возразить, что дело не столько в былой бедности спецэффектов, сколько в иной эстетике. Отчасти это верно: мелькнувшее, неуловимое, смутное — оно всегда страшнее детально портретированного. Не случайно Ридли Скотт не злоупотреблял присутствием своего «чужого» на экране, целиком мои его видим, когда он уже вылетает из шлюза в открытый космос. В общем, совершенно голая женщина не вызывает у нас эротических переживаний, а вот если ее кружавчиками замаскировать... Но во втором фильме о «чужих» Джеймс Камерон уже не мог позволить себе продолжать полуднамеки: это прием одноразового использования. Пришлось быть стать щедрым на показ жуткого... Поэтому нам представляется, что не эстетика диктует размах применения спецэффектов, а наоборот. Уровень кинотехнологий определяет эстетику.

Эстетика немого кино однозначно обуславливалась неразвитостью спецэффектов, но лишь немногие повторяют сегодня вслед за мастерами «великого немого», что звук убил кино. К тому же «тьень чудовища» — это из области ноггог, действительно — из эстетики страшного. Ноггог, как и остранный проза, и фэнтези — пограничные с НФ области, но о ситуации на границах позже. Отметим, что «Назад в будущее» уже изобилует подробными чудесами технократической утопии. «Терминатор 2», будучи заведомо более плоским, нежели исполненный евангельских аллюзий первый фильм, оказался, если можно так выразиться, более культовым, потому что знаменовал собой новый этап возможностей компьютерной графики. Наконец, Джордж Лукас, спустя 20 лет после триумфа своих «Звездных войн», выпускает несколько обогащенное спецэффектами (хоть и слабенькими) special edition. Издательские арт-директоры требуют от художников,

чтобы обложки фантастических книг были чуть ли не фотографичны в осязаемой детализовке несуществующего. Естественно, и НФ-литература должна предлагать все более психологически глубокую или хотя бы живописно зримую ситуацию встречи с чудом. Короче, имитация чуда становится все совершенней, а ведь «стоцентровая» имитация идентична оригиналу... Виртуальная реальность киберпанка ориентирована на этот парадоксальный итог человеческой гонки за невозможным. Интересно, какое время нужно пробывать в шлеме и в перчатках, чтобы полностью выпасть из реального мира и забыть о его существовании? Так или иначе, новый миф, миф высокотехнологизированного общества, уже родился, и в киберпанке обрастает барочными подробностями.

Вскоре фантастическая литература, живопись и кино отомрут, а с полком будут брать глянцевые «виртуальные» шлемы с аббревиатурой «НФ» на боку. Компьютерная виртуальность предоставляет Хаосу новую возможность реванша, začínает череду новых метаморфоз, гиперреалистических чудес. Миф о демиургической науке, способной создавать миры, в которых все возможно, явственно позвякивает эсхатологическими колокольчиками чуда №2, конечного обесмысливания и исчезновения Всего. Когда отпадет надобность даже в гиперреалистическом насыщении пяти органов чувств виртуальными чудесами, т. е. когда электрохимия предложит наркотик чуда прямого действия, тогда и вострубят архангельские трубы.

Первое что приходит на ум: трубы уже вострубили в «Хищных вещах века». А. Лукашин, знакомясь с рукописью этой статьи, заметил, что слег и есть тот наркотик чуда прямого действия, который грядет. И он предназначен как архаическим человеком, так и воспетой Ортегой-и-Гассетом & Элвином Тоффлером элите. Но обратите внимание, «толпа», «массы» от дрожи тащатся, будь здоров, а «хаотический» Жилин находит в себе силы превозмочь даже слег. Так что, скорее всего, электронная наркота суть разновидность прямого раздражения мозгового центра удовольствия. И, «хоть не кололся, не скажу»: переживание чуда метаморфического типа, переустривающего комфорт в анархию, тут вряд ли присутствует. «Общество перепотребления» из повести Стругацких вовсе не в сумбур потрясений бежит от чрезмерной благоустроенности, а ищет запредельного максимума обыденности.

Если наркотики — это чудо, то и фантастику следовало бы запретить, насылая рейнджеров на редакции фэнзинов и культивировать ее «легкие» разновидности где-нибудь в уединенной Голландии.

Пока же фантастические персонажи действуют в условиях неокончателности, неидеальности сложившегося мироустройства. Они зарождаются из строительного мусора космогонии, из ее отходов, рудиментов, архитектурных излишеств. В окончательно достроенном и хорошо изученном мире нет места древним существам вроде плезиозавров-некси, но они проникают к нам, пока хоть немного битых кирпичей и рваных мешков из — под цемента остается на заднем дворе.

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ

Вы читали замечательные турбореалистические романы «Улитка на склоне» и «Замок»? Эстеты-кафкианцы милостиво кивнут, заслышав, что их кумира не числят по разряду фантастики. А вот рыльные «стругарии» могут и оскорбиться. Получается, АБС написали нефантастический роман? Да — в той же мере нефантастический, что и упомянутый рядом аналог. Оба романа не содержат «чудесного» зерна и укоренены на делянке мейнстрима. Хотя, вообще-то, изображенный в «Замке» мир какой-то странный, искаженный, видимый сквозь алогичную оптику. Это потому, что он насквозь метафоричный, символизирующий отчуждение и дегуманизацию, характерные для современного общества, где живая человеческая душа заменена функцией. Безусловный реализм! А пафос «Улитки...» — в озорчатом забытвенности чистого и прекрасного гносеологического процесса, когда человек, лишь ослепив себя, приступает к попыткам заглянуть в собственное нутро и в свое ближайшее будущее. Разве это не своевременная, не остроактуальная сатира, пользующаяся модным приемом остраниения?

Остранено-метафорично и превращение Рудольфа Замзы в большущее насекомое. Кафка вовсе не пытался поразить читателя этой метаморфозой. Он просто показал, что бытие современника духовно не изощреннее метаболизма инсекта. Ну, не «просто» показал, а с фу-ты ну-ты финтифлюшками, с применением богатой палитры художественных выразительных средств. Так называемая «фантастика» здесь — лишь прием, а не самоцель.

Тэ-экс... Повесть «Далекая Радуга». Проблема нравствен-

ного выбора в ситуации, исключающей нравственность какого бы то ни было выбора. Плюс предупреждение о цене эпистемологической вседозволенности (ишь, превратили целую планету в полигон для опасных научных экспериментов!). Перенесите действие с планеты Радуга в академгородок «Радужный», звездолет «Тариэль» замените паромом «Ариэль», «черную волну» — Чернобылем, и ничего не изменится. Проведение не пострадает.

...Пострадает читатель. Он лишится чуда. Как мы с самого начала договорились, определения чуду — и фантастике — мы давать не будем. Мы способны лишь отделить истинное чудо от мимикрирующей под него маловероятности. Если б Стругацкие написали отдельный «Рассказ о гигантской флюктуации», а не вставную новеллу в «Стажерах», то рассказ о человеке, чьи бутерброды всегда падали маслом вверх, в чьих руках спичку воспаляли внезапно возникшие в атмосфере воздушные линзы, и чью знакомую унесло в небеса упорядочившееся броуновское движение молекул ее тела, то рассказ этот не был бы фантастическим. Он проходил бы, скорее, по ведомству «рассказов о необыкновенном» в духе Ефремова. За рубежом, кстати, «Флюктуация» публиковалась отдельно. Это многое говорит о «за рубеже»...

Все сколько-нибудь мизерные вероятности теоретически могут реализоваться в действительности. На заводе по производству атомных бомб «изделие» может грохнуться на рабочего, а тот, получив по башке, вдруг вспомнит, что он — иностранный шпион, чье истинное «я» нечувствительно угасло в инерционном болоте каждодневных трудовых подвигов («День бульдозериста»). Оскотинившееся правительство вполне может выдвинуть план победоносной войны посредством строительства безопорного моста с «нашего» берега на вражеский и корректировать реальность под заранее утвержденный сценарий фронтовой кинохроники («Солдаты Вавилона»).

Пелевин и Лазарчук инстинктивно отмежевывались от НФ даже манифестационно, придумывали термин «турбореализм». Но вышеуказанные авторы в фантастике отнюдь не дилетанты, фэны держат их за своих и украшают призами; наконец, фантастику научную (или помягче) оба пописывали и еще наверняка будут пописывать. Другое дело — «гости страны фантазии», пришельцы из других родов литературы. Они с комичной помпой открывают америки, т. е. первые уровни слыханных чудес — не ведая, что профи от НФ давно подчистили вторые уровни («вариации», «новые ракурсы» и т. п.). Реалисты помещают своих реалистических героев с их сиюминутными проблемами и сугубо нефантастической, нечудесной психологией — нет, даже не в фантастические обстоятельства (они всегда остаются реалистическими, поскольку нечудесный архаический человек не способен ощутить необычность обстоятельств, он тут же адаптирует их под свои стереотипы) — они помещают их в фантастические декорации, в клишированный антураж, усвоенный из когда-то читанных и безумно устаревших Жюль, Герберта и Александра Романовича.

В качестве примеров возьмем Айтматова и Аксенова. Фантастику они пишут, или нет? Айтматов для клейменого фэна смешон — в той страте «Буранного полустанка», где он толкует о планете Лесная Грудь и о паритет-космонавтах. «Орбитальные» страницы романа появились, когда потребовалось педалировать надмирную эпичку событий. В «Тавро Кассандры» монах — комсантав со своими эсхатологическими вещаниями — тоже не чудо. Антураж. Старца Зосиму придумать, описать и в уста его такие мысли вложить, чтоб читатель навеки запомнил — задача трудная. А чисто технический прием переодевания куда как легче: монаха в скафандре обязательно послушают, потому что он не в рясе, а в одежде для его сословия куда как непривычных. Правда, через некоторое время может оказаться, что травести мелет чушь, и тогда хоть догола разденься и в перьях обваляйся, никто уже внимать не станет. Монах в скафандре — не то, что не чудо, это даже не экзотика, а рекламный трюк. На него клюют единожды, с чувством сплевывают саркастической рецензией и ждут других трюков, позабористей.

Вообще-то чудо и реклама где-то схожи. Обоим нужно становиться все изощренней, ни в коем случае не разыгрывать дважды один и тот же козырь. Добиваться этого все труднее, козырное чудо — всегда одноразового пользования. Как флеш-рояль в игре с сатаной.

Однако в «Тавро...» Айтматов, видимо, поднатерев в НФ, выходит все-таки на более глубокий уровень чудесного, выходит к чуду неслыханному. Нерожденные дети объявляют свое желание или нежелание появляться на свет. На теле потенциальной матери появляется знак согласия-несогласия, «тавро». Телепатический способ был бы рациональнее, фан-

таст-профи им бы и воспользовался, но Айтматову тавро показалось значительнее, символичнее. В общем, «Тавро Кассандры» — несомненно фантастический роман.

Аксенова, в отличие от Айтматова, любители фантастики держат едва ли не за своего. Самый фантастический из его романов, «Остров Крым», очевидно попадает в раздел альтернативной истории. Ведь островной статус Крыма вряд ли можно воспринять как чудо. Это допущение вполне стохастического свойства. Если даже не принимать в расчет, что при малейшей геологической девиации полуостров действительно мог бы оказаться островом, вполне можно представить, что в последний момент двенадцать буржуазных языков вдруг проявили решимость и защитили-таки белогвардейский южный анклав. Ergo: «Остров Крым» сделается фантастикой вовсе не из-за того, что реальный географический объект в критический для Врангеля момент при посредстве магии или науки превратился в часть суши, со всех сторон окруженную водой. К епархии НФ «Остров...» может быть причислен из-за сладостного ощущения чуда, которое переживал советский читатель, угодив из мрачной зимы тоталитаризма на райский островок белогвардейщины. Да-да, альтернативщина, подобная «Острову Крым», коли она намеренно вызывает эмоциональное переживание райского блаженства — или, напротив, адской обреченности (антиутопия), соотносится с типом чуда «рай земной». Райское блаженство испытываем мы, наследники профуканной империи, лицезреть на вратах Царьграда щиты, прибитые туда Лазарчуком и Звягинцевым.

«ЧТО ЗА ЧУДО ЭТИ СКАЗКИ!»

Конечно, все чудеса изначально выдуманы народом. Побывовав в качестве устных быличек, они запечатлелись кирпичиками цивилизационных первокинг: «Махабхараты», «Гильгамеша», Библии. Персональные лавры, однако, достались Гомеру, Уэллсу и Чапеку. Они трансформировали давным-давно известный миф в нечто, способное удивить образованную публику. Так, чтобы интеллектуалы сперва даже и не признали в работе или машине времени давно известные образы и сюжеты.

Когда классиков начинает читать не элита, а школьники, приходит адаптирующая пора «грандмастеров». Эти разрабатывают вариации первичного чуда, его частные случаи, инверсии. Но каждая из вариаций должна блистать новизной, и никакая идея не имеет права повториться без еще более глубокого погружения в открывающийся ею мир чудесных возможностей. Интенсифицирующую выработку жилы можно визуализировать, как графическое воплощение бесконечно ветвящихся, убегающих вглубь самих себя (но и себя идентично воспроизводящих) множеств Мандельброта. Генрих Альтов как-то устроил ревизию фантастам «золотого века» и обнаружил, что за последние 50 лет появилась всего одна принципиально новая идея: «медленное стекло» Боба Шоу.

Тем не менее, фантастика позиционирована на острие порыва к новому, неслыханному. Здесь уместно вспомнить подмеченную Евгением Тмарченко «пограничность» НФ, использование ею в каждый период своего становления средств и тем, как традиционных для литературы, так и лежащих на тот момент за пределами искусства. Фантастика по Тмарченко — это выражение принципа границы, как общего условия жизни духа, концентрация внутренних противоречий, переходности, устремленности за собственные пределы, характерных для того или иного явления культуры. «...культурное, логическое и образное единство, во всех планах переломное, переходное, находящееся в спорах с самим собой». Хаотическое, другими словами...

Следует лишь дополнить верное замечание: НФ способна существовать, не только обозначая фронтиры в пространствах, покада неисследованных, но и постоянно межуя новые границы внутри известного континуума. Устаревая, фантастика уходит в гетто для фэнов или в чтение для малых детей, для которых любое чудо в новинку.

Фантастика посягает на реальность. Самое реальное из всего существующего — число, на нем держится наш пифагорейский мир, в котором нельзя позвонить в дверь крокодила Гены семь с половиной раз, в котором существует лимит скорости и в котором нельзя делить на ноль. Стохастика есть жизнь чисел, жизнь вымороченная, раз и навсегда заведенная — при всех якобы открывающихся возможностях реализации маловероятного.

Где кончается маловероятное и начинается совершенно невероятное, там начинается фантастика, потому что начинается область чудесного.

О СХОЖДЕНИИ КРАЙНОСТЕЙ, или СТЕРЕОПАРА

Один родился в конце лета 1906 года в городке посреди бескрайних степей в семье доверенного частной торговой фирмы. Детство его «безоблачным» не назовешь — после окончания курсов машинописи и стенографии с тринадцати лет пришлось работать в губздраве. Получил он техническое образование: учился в мех.-строительном техническом училище, в 1930 году окончил Томский политехнический институт и получил специальность инженера-механика. Сразу стал главным механиком металлургического комбината, затем работал в различных научно-исследовательских организациях, автор множества изобретений. Во время войны — один из основателей и главный инженер НИИ электромеханики, уполномоченный ГКО, полковник, награжден орденами и медалями.

Писать пробовал с девяти лет, но к НФ обратился случайно. Директор Дома ученых предложил ему принять участие в конкурсе НФ-сценариев, и их сценарий получил в 1936 году первую премию! Написанный на основе сценария роман «Пылающий остров» (1941) получил широчайшую известность не только в СССР. Так что после войны он «перешел на литературную работу».

За 60 лет опубликовал около 30-и книг, неоднократно переиздававшихся и переламывавшихся, но одним из лучших остался первый роман писателя — увлекательный приключенческий боевик на тему «глобальной катастрофы». Добавили известности писателю «рассказ-гипотеза» «Взрыв» (1946) — об искусственной природе Тунгусского метеорита и повести «Лунная дорога» (1959) и «Планета бури» (1959) — о космических полетах на Луну и Венеру. Пусть называет «ЭФ» (1995) писателя «одиозной фигурой в истории советской НФ», но «Лунная дорога», в которой сюжет хрестоматийного рассказа Тома Годвина «Неумолимое уравнение» (1954) переигран был «посовetsки» — вполне достойная повесть для тех лет!

«Высокие голые скалы, зубчатые, с острыми вертикальными ребрами, желтоватыми прожилками и черными зигзагами трещин, отвесно поднимались с каменистой россыпи, замыкая равнину со всех сторон, как арену гигантского цирка... Вот они, лунные камни, до которых можно дотронуться рукой! Вот он, лунный оком, выпуклый, как край огромного цирка! Вот оно, каменное море, изрезанное застывшими молниями трещин!»

Большой популярностью в начале 60-х пользовался и кинофильм «Планета бурь» (1961), поставленный по сценарию писателя (совместно с П.В. Клушанцевым).

Самый советский из советских фантастов, писатель никогда не выступал против власти... К нему вполне применим диагноз: «Восторженное идеологическое забвение здравого смысла»... Ходят слухи, что он доходил в свое время и до политических доносов (кроме литературных...)

В своем обзоре американской НФ литературы «В джунглях фантастики» (1960) он писал: «Мы отправляемся в смелое путешествие по джунглям американской НФ... питаемой ненавистью, безысходностью... фантазия в Америке верно служит реакции...»

Писатель Роберт Хайнлайн, дитя капитализма, грешивший и антисоветскими романами, не мыслит себе будущего в иной социальной организации (с иной соц. системой, чем капитализм). Он допускает, что капитализм будет существовать и в ту пору, когда человек овладеет космическим пространством...

Но Хайнлайн, как и многие, еще вчера заблуждавшиеся

В конце XX века стало едва ли не модным находить общие черты в еще недавно казавшихся страшно далекими идеологическими доктринах и направлениях искусства. «Крайности сходятся» — как писал А. Зеркалов (Мирер). Вот уже и А. Якимович в исследовании «Реализмы XX века» (2000) пишет: «Советское утопическое идеологизированное искусство было как нельзя более далеким от тематики (западного магического реализма), но пафос (последнего) был содержательно близок пафосу советских «тематических картин»...

И в НФ/SF середины XX века, несмотря на разделяющие их океан и идеологическую пропасть, можно найти сближающие моменты. Сравним жизнь и творчество двух писателей, первыми в СССР и USA удостоенных «за творческий вклад в развитие фантастики» главных профессиональных премий своих стран. Постараемся воспользоваться «стереоскопическим эффектом», ведь «при рассматривании стереопары раздельно левым и правым глазом возникает эффект объемности изображения». Посмотрим, возникнет ли «объемный» портрет фантаста середины прошлого века?..

Другой появился на свет в середине лета 1907 года в городке одного из центральных штатов в многодетной семье военного. С детства занимался спортом, впоследствии стал чемпионом страны по фехтованию на рапирах и фигурному катанию на коньках. Два года изучал математику и физику в Университете штата Миссури, но избрал карьеру морского офицера, окончил Военно-морскую академию в 1929 году, получив при этом степень бакалавра естественных наук.

Пять лет служил артиллеристом на эсминцах и авианосце, отправлен в отставку по болезни (туберкулез), лейтенант. Работал на серебряных конях (владел шахтой), был горным инженером, торговым агентом. Во время войны — инженер в Авиалаборатории ВМС, работал над «секретными проектами».

Хотя НФ увлекался с десяти лет, писателю стать не мечтал, писать начал по «экономической» необходимости, когда произошел всплеск интереса к НФ. Если первый опубликованный в 1939 году рассказ был едва замечен, то уже в следующем году он считался писателем с «блестящей репутацией». После войны окончательно переключился на литературную деятельность...

За 50 лет выпустил около 50-и книг, большинство из которых вошло в историю американской НФ. Сам писатель заявлял: «Я пишу НФ, поскольку обнаружилось, что я так больше зарабатываю». Писатель выступал как основоположник «истории будущего» американской НФ для детей, во всем мире известны его романы «Звездные рейнджеры» (1959) и «Чужак в чужой стране» (1961). Большой популярностью пользовался в свое время роман «Ракетный корабль «Галилей» (1947), по которому был поставлен известный фильм «Цель — Луна» (1950), соавтором сценария которого стал писатель.

«Мое сердце было готово выскочить из груди. Внешняя дверь открылась, и мы вышли на Луну. Это было чудесно, чудеснее, чем мне снилось, но я был слишком возбужден, чтобы анализировать свои чувства. Солнце было ослепительное, а тени чернильно-черные, в них ничего не было видно. Не было слышно ничего, кроме голосов в наушниках... Мелкая пыль, словно дым, поднималась от наших шагов, а потом медленно оседала. Ничего не двигалось...» Это картинка из рассказа «Черные ямы Луны» (1948).

Кроме пафоса освоения Космоса «самый американский из американских Фантастов» (или попросту «Адмирал») славен своим истовым патриотизмом. В его произведениях всегда присутствуют специфическая американская мораль и американский романтизм предпринимателя — одиночки. Даже после ядерной катастрофы герой романа «Свободное владение Фарнхэма» (1960) одним из первых в списке дел предполагает подняться над убежищем шест с американским флагом («У меня один запасен»...)

Багрянец ракет возвещает войну,
Бомбы с ревом рвут тишину,
Но, повторяю еще раз, друзья,
Нашему флагу падать нельзя!

В то же время писатель позволял иногда и посомневаться в непогрешимости властей, и выступал как язвительный критик американской действительности.

Правда, гораздо резче он критиковал «империю зла». В 1960 году, вместе с женой, хорошо знающей русский язык, писатель посетил СССР (Москву, Алма-Ату, Ташкент, Ленинград) — просто как «интурист». В путевом очерке «Правда» значит «truth» досталось и «жирному мальчику с плохими ма-

американцы, сегодня хочет верить, что преступление может быть предотвращено... Он уже не повторяет былых антисоветских выпадов, ему уже хочется верить в человека...»

нерами», т.е. Хрущеву, и СССР с его «концлагерями»!

«Как можно манипулировать 200-ми, миллионами человека?» — задается писатель вопросом! Выдает он и ответ: от колыбели до гроба советского человека преследуют «поэма о Ленине, проза о семилетнем плане, песня о защите революции»...

Так есть ли «сближения» между Александром Петровичем Казанцевым, лауреатом премии «Аэлита» (1981) и Робертом Энсом Хайнлайном, удостоенным титула «Гранд мастер» премии «Небьюла» в 1975 году?

По меньшей мере, их два — космический пафос 50-х и непримиримый патриотизм 50–60-х! Такой обличительности и непримиримости мы уже не встретим никогда! Что ж тут общего? Да ведь ожесточенно воюют друг с другом нередко и ближайшие родственники!

Жаль, что встреча этих писателей не случилась ни в Нью-Йорке в 1939 году, ни в Москве 1960 — го...

Валерий ОКУЛОВ.

РЕГРЕССОРСТВО: фантастика и реальность

1. ВВЕДЕНИЕ.

Термин «регрессорство» был введен С. Лукьяненко в романе «Звезды — холодные игрушки». Этимология термина очевидна и восходит к «прогрессорству» — явлению, впервые получившему имя, четкое оформление и философско-этическую базу в романах братьев Стругацких о коммунистической Земле XXII века. Надо, однако, заметить, что прогрессорские и/или регрессорские действия можно встретить и в фантастике, и в реальности намного раньше. Назову лишь некоторые из чисто литературных предвестников: прогрессорство — творчество И. Ефремова, Ф. Карсака и, по-своему, Р. Киплинга; регрессорство — тот же Карсак, «Голос тех, кого нет» О. С. Карда, «Путь прилива» М. Суэвника...

Однако следует сразу же отметить, что навешивание ярлыков на неоднозначные явления — дело трудное и неблагодарное, как мало что еще. Казалось бы, регрессорство и прогрессорство — типичная пара «естественных» антагонистов, дополняющих друг друга, как множество положительных и отрицательных чисел. Но это лишь видимость. На практике все оказывается сложнее. Так, в романе Лукьяненко цивилизация т.н. Геометров ведет не только регрессорскую, но и прогрессорскую деятельность. Причем то и другое предстает не как пара противоположностей, а как два этапа на пути приобщения чужих рас и чужих цивилизаций к Дружбе. Перефразируя Тераи Лапрада из «Львов Эльдорадо»: «Согласишься — мы тебя прогрессируем. Не согласишься — мы тебя раздавим и все равно прогрессируем». Нам ведом «правильный» путь развития», поэтому мы научим вас идти по нему ради вашего же блага (довольно типичный подход для культуры, основу которой составляет не семья, а институт Наставников).

Можно сказать, что в «Звездах — холодных игрушках» С. Лукьяненко идет дальше своих учителей, мэтров российской социальной фантастики. Чему немало способствует избранный им прием: беспощадно трезвый анализ утопии не изнутри, а ИЗВНЕ. Стругацкие так никогда и не решились бросить взгляд на мир «Полдня» снаружи (случай с Бойцовым Котом, по моему глубокому убеждению, не в счет: наблюдатель должен понимать, что он видит). Но, может, это и правильно? Взгляд Стругацких на утопию из 60–70-х гг. НЕ МОГ стать взглядом извне... как не могло стать взглядом изнутри видение Лукьяненко — из наследовавших перестройке 90-х гг. Обе его попытки изобразить «умное, мягкое, доброе» общество будущего детально, логично, убедительно. И непривлекательно. Что неудивительно: миры, нуждающиеся в героях, по определению не могут быть спокойно-солнечными. Даже внутри они остаются несовершенными, скрыто либо явно конфликтующими с собой и со всей Вселенной. Подмеченная критиками перенасыщенность утопий и вообще миров Лукьяненко оружием — неспроста. Земля «Полдня» у А.Б.С. тоже не лишена противоречий, но они далеко не так масштабны, не так системны, не так безысходны. Трагедии «подкидышей» и люденов меркнут на фоне трагедии планеты безродных, накрытой Тенью идущей от подосознания свободы. Можно сказать, миры Лукьяненко не сдали норматив на требуемую от утопий минимальность конфлик-

та между личностью и обществом. В отличие от миров Ефремова и Стругацких.

Хорошо, но почему именно утопии? Отчасти потому, что цельное, сильное и жизнеспособное общество может позволить себе цельную, сильную и последовательную межзвездную политику. Менее совершенный — и больше похожий на существующие — социум никогда не будет цельным в своем влиянии на внешние структуры и расы. Достаточно вспомнить конфликт из «Львов Эльдорадо» Карсака, где эгоистические интересы Межпланетного Металлургического Бюро, «империалиста-колонизатора» и «регрессора», сталкиваются с идеалистическими интересами Бюро Ксенологии — «прогрессора». Хотя на том же примере видно, что цивилизация не обязательно должна быть утопической, чтобы оказывать влияние на соседей по космосу. Для этого необходимыми и достаточными являются два условия: наличие контакта между двумя различными цивилизациями, а также наличие двух и более культур.

Здесь было бы уместно остановиться на том, как влияет на качество контакта относительный уровень контактов, т.е. степень развития каждого, и на том, как меняется характер взаимодействия культур — рас — цивилизаций в зависимости от своей интенсивности. Но более уместным такой разговор будет после основных разделов исследования, в резюме. А пока следует уточнить:

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕГРЕССОРСТВА.

По форме явления. РЕГРЕССОРСТВО ЕСТЬ РАЗНОВИДНОСТЬ АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ, НЕ ПРЕДУСМАТРИВАЮЩАЯ ОТКРЫТОЙ ВОЙНЫ. То есть вообще-то регрессорство может сочетаться и сочетается с военными действиями. Например, такой редкий для НФ случай открытого регрессорства, как деятельность наблюдателей СБ ООН в Ираке, возможен исключительно благодаря успеху операции «Буря в пустыне» и возможности повторения такого же военного удара. Но регрессорство, как любая агрессивная политическая стратегия, больше любит тайну, закулисные маневры, подкуп, шантаж, диверсии и прочие штучки из арсенала спецслужб. Регрессорство готовит войну, обеспечивая ее успех — но в идеале в войне вовсе не нуждается, будучи явлением вполне самостоятельным. Итак, регрессорство есть инструмент политики, прямо противоположной политике, рождающей прогрессорство.

По масштабам явления. РЕГРЕССОРСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЮТ ГРУППЫ РАЗУМНЫХ СУЩЕСТВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДРУГИМ ГРУППАМ — НАЦИЯМ, РАСАМ, ЦИВИЛИЗАЦИЯМ И ПРОЧИМ ОБЩНОСТЯМ. Здесь следует сделать ряд замечаний. Определение регрессорства как борьбы групп уже исключает случаи, когда на одном, на другом или на обоих концах находятся индивиды. Например, в рассказе Г. Каттнера «Рассвет» ученый в самом что ни на есть прямом, биологическом смысле регрессирует делового партнера до питкантропа, а потом и до амебы. Но регрессорство ли это? Однозначно, нет. Поднимая планку масштабов: как могут люди регрессировать Океан Соляриса (или наоборот)? А вернуть люденов в лоно если не человечества как вида, то человечества как общности? Да, люди хотели бы наладить с люденами двусторонний контакт, но как? Такого рода отношения попросту относятся к другому типу взаимодействий. Более подробно пограничные явления и исключения будут рассмотрены ниже, в разделе №3, пока же остановимся на выводе: регрессорство осуществляют отдельные личности, но само явление носит коллективный характер.

По направленности явления. РЕГРЕССОРСТВО НОСИТ

ВНЕШНИЙ ХАРАКТЕР. В романе А. Мирера «Мост Верра-зано», который я искренне рекомендую всем любителям твердой НФ, движущим конфликтом сюжета является борьба автомобилестроителей и нефтепромышленников, разгоревшаяся вокруг Эпохального Изобретения: автомобиля, не требующего бензина. Понятно, что нефтяным королям этот автомобиль — нож острый, приставленный к горлу. И их бурная активность носит все стигматы регрессорства в его классическом виде. Но все же это — не регрессорство, ибо описанная в романе борьба идет между двумя отраслями промышленности, принадлежащими к одной системе, шире — к одной цивилизации.

Более сложный и неоднозначный случай представляет собой деятельность Вечных в романе А. Азимова «Конец вечности». Автор как бы выворачивает наизнанку тезис о так называемой «бесчеловечности» научно-технического прогресса. Группа людей, изменяющих реальность путем тщательного расщепления «минимально необходимых воздействий» на поток исторических событий — то есть те самые Вечные — преследует благородную цель: сделать жизнь человечества лучше, бесконфликтнее и счастливее. Во все времена. Они устраняют из реальности войны, эпидемии, опасные и уродливые социальные явления типа наркомании, тоталитаризма, религиозного и иного фанатизма — короче, во всю занимаются тем, что можно назвать прогрессорством. Однако эта благотворительность приводит к тому, что из реальности нечаянно изымается такая важная часть, как полеты к иным звездам и иным мирам. Регрессорство? Нет. Поскольку таковым может быть лишь осознанное и обдуманное действие. Что подводит нас к следующей части определения регрессорства —

по цели явления. ТАКТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ РЕГРЕССОРСТВА — ТОРМОЖЕНИЕ, УДЕРЖАНИЕ НА ОДНОМ УРОВНЕ, А ЕЩЕ ЛУЧШЕ ОБРАЩЕНИЕ ВСПЯТЬ НАУЧНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА, поскольку уровень последнего есть мерило могущества цивилизации. **СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ РЕГРЕССОРСТВА — ГЕГЕМОНИЯ ЛИБО ОГРАНИЧЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО В КАКОЙ-ЛИБО ОБЛАСТИ, ЧАЩЕ ВСЕГО ВОЕННОЙ, ДЛЯ ГРУППЫ РАЗУМНЫХ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕЙ РЕГРЕССОРСТВО.** И, наконец, последняя часть определения —

по способу реализации. РЕГРЕССОРСТВО ПРОИЗВОДИТСЯ ПРИ ПОМОЩИ КОНКРЕТНОГО ИНСТРУМЕНТА ВОЗДЕЙСТВИЯ — СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ НА ЭТОМ СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ, ТО ЕСТЬ ГРУППЫ ВНУТРИ ГРУППЫ, СОСТОЯЩЕЙ ИЗ СУЩЕСТВ, ОБУЧЕННЫХ И ТРЕНИРОВАННЫХ ИМЕННО ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕГРЕССОРСТВА. У Лукьяненко эти регрессоры выполняют и другие функции помимо главной, впрочем, тесно с ней связанные: разведку неизвестных районов космоса, сбор не ксенологической информации, высадка на поверхность чужих планет и так далее. Вообще регрессоры находятся на передней линии, на самом краю известного, при необходимости становящемся передним краем обороны.

Чертовски романтическая это профессия — регрессор...

3. ПОГРАНИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, ПРИМЕРЫ, ИСКЛЮЧЕНИЯ.

В третьей части предыдущего раздела уже говорилось, что «неосознанное регрессорство» есть понятие, противоречащее самому себе. Вечные Азимова — не регрессоры. Тем более к ним не относится Антон — Румата из всеми любимого романа «Трудно быть богом». Да, дон Румата случайно помог дону Рэбе в отравлении короля и проведении реакционного государственного переворота в Арканаре. Однако при этом прогрессор из Института Экспериментальной Истории попросту не ведал, что творит. «Регрессорская» деятельность Руматы, Вечных и землян из романа «Фиаско» С. Лема — непредвиденный продукт совершенно иных усилий. Слегка переформулируя Второе правило волшебника (надеюсь, Т. Гудкайнд на меня не обидится): к каждому благому намерению прилагается свой «ад», но практически невозможно предсказать, когда, кому и как долго придется платить по счетам дурных последствий. Увы.

Следует отметить еще одно пограничное явление, близкое к регрессорству, но не являющееся им. Конкретно — мораторий на опасные технологии, в том числе военные. Казалось бы, такой мораторий хорошо вписывается в комплекс мер по обеспечению стратегической цели регрессорства — см. предыдущий раздел, «цели явления». Однако на деле все обстоит наоборот. Умный регрессор будет следовать по тропе американских переселенцев, продававших индейцам ружья и «огненную воду» в обмен на скальпы. То есть как раз во всю предоставлять потенциальному противнику плоды собственного «прогресса», в надежде на то, что потенциальный противник с их помощью совершит медленное самоубийство. Или быстрое.

В скобках замечу, что мораторий на опасные технологии

особенно характерен для романов, в которых первую скрипку в контактах играют торговцы. В романе А. Нортон «Луна трех колец» выведена довольно четкая система мер для пресечения распространения опасных знаний. Находясь в отсталых мирах, Вольные Торговцы соблюдают «запрет на мысли» и «запрет на оружие». Первый означает, что покупателям, независимо от цены, не продают сведений о том, как сделать высокоэффективное оружие: станнеры, бластеры, даже ружья, если местная цивилизация еще не дошла до их изобретения. Крип Борланд, главный герой «Луны...», сильно пострадал в камере пыток, прежде чем местный феодал убедился в надежности блока, введенного в сознание Крипа. Что касается «запрета на оружие», то о нем можно сказать словами из «Мифических историй» Р. Л. Асприна: «Кодекс Контрабандистов... гласит, что нельзя втаскивать изобретение в отсталое измерение, например, управляемые ракеты в культуру длинных луков или лазеры в эпоху камня и пороха». Что ж, вполне разумно. Если клиенты погнут друг друга лазерами, это вызовет неминуемое сокращение рынка. Да и вообще... Мало радости получить по голове томагавком, но еще меньше радости, если тебя изрешетили из проданного тобой же дробовика. Не продавайте инопланетянам боевые звездолеты, ибо «продавший меч от меча и погибнет».

Возвращаясь к теме регрессорства, скажу, что бесполезно будет взглянуть под таким углом на знаменитую «Дюну» Херберта. Конечно, регрессорства в ней при всем желании не найти: культура не может регрессировать саму себя, см. раздел «по направленности явления». И все же пища для размышлений здесь есть.

Бутлетианский Джихад. Бунт людей против «мыслящих» машин: «Да не создашь ты машины в подобие человеческому уму». Роботы, компьютеры, вообще сложные системы обработки информации — на свалку истории. А в результате — мощный толчок развитию скрытых способностей, заложенных в человеке вообще, и в его мозгу в частности. Ментаты, мозг которых приобрел в результате тренировок возможности суперкомпьютера. Школа Бинз Джессерит, собравшая достижения йогов, тибетских мистиков, мастеров кэмпо и много чьи еще. Навигаторы Гильдии, которой досталось монопольное право на космические перевозки, так как человеческий разум оказался способен проникнуть за завесу будущего и отыскать наиболее безопасный путь от звезды к звезде. Преподобные Матери, для которых нет тайн в прошлом, в глубинах родовой памяти... Если бы отказ от «мыслящих» машин был продиктован извне, а не изнутри — был бы такой отказ регрессом?

Позволю себе привести большую цитату из романа М. Крайтона «Затерянный мир», тоже наталкивающую на некоторые не самые приятные мысли:

«Лично я полагаю — появление кибернетического пространства означает уход со сцены нашего биологического вида... Потому что это означает конец нововведений. Идея... связать весь мир компьютерными сетями означает массовую гибель. Каждый биолог прекрасно знает, что небольшие группы, находящиеся в изоляции, эволюционируют быстрее... Изменения в нас проявляются прежде всего через наше поведение. Мы изобретаем новые формы общения с целью адаптации. И все на свете знает, что любые изобретения и нововведения рождаются лишь в самых малых группах... Средства массовой информации нейтрализуют любое разнообразие... Людей беспокоит утрата межвидовых различий в тропических лесах. Но как быть с интеллектуальной разницей — самой необходимой нам из ресурсов? Она исчезает быстрее деревьев... Пять миллиардов человек в рамках единой кибернетической сети... Это заморозит наше развитие в качестве вида. Все остановится и замрет... Все станут думать одинаково и в одно и то же время».

Излишне категорично? Пожалуй. Кроме того, в отличие от других масс-медиа, от радио и телевидения, компьютер предполагает двусторонний обмен информацией. И все же вопрос о том, является ли американизация-компьютеризация стандартизация земного шара благом, а не наоборот, остается открытым. Что это — регрессорство или прогрессорство? И не пора ли начать борьбу с очередной попыткой запустить конвейер по штамповке мозгов?..

Или бороться уже поздно?

Как нетрудно заметить, заузженность определений из раздела 2 этого исследования приводит к тому, что проблема культурного регресса оказывается за рамками. А ведь нельзя забывать, что магистраль развития науки и техники — во всяком случае, в теории — не единственная. Разумные существа могут изобрать и другие пути. Увы, явление регрессорства будет подстерегать людей (и не-людей) на других путях тоже. Достаточно вспомнить мир Мельинской Империи из романа «Алмазный меч, деревянный меч» Н. Перумова. Добротная, хоть и не вполне классическая фантазия: мечи и арбалеты, заклятия и чары, неприменные эльфы с любимыми Перумовым гномами...

И — Империя людей, в долгой и кровавой войне втоптавшая в грязь нечеловеческие расы, поддерживающая статус кво, при котором эти нелюди не имеют возможности для реванша, с помощью регрессорства. Что с того, что вместо запрета развивать технологии в мире Мельина в ходу запрет на творение магии? Видно, прав А. Сапковский, утверждая, что «взбунтовавшийся бортовой компьютер фабулярно стоит для меня ничуть не больше, чем предатель — чародей». Судя по всему, регрессорство как понятие и явление куда более универсально, чем хотелось бы.

К счастью, границы есть и у него. Абсолютным барьером, перепрыгнуть который регрессорство не может, является несовместимость культур. Пропасть лежит между людьми и нелюдями, между людьми и маатанами («Черный человек» В. Головачева), между человечествами с теплой кровью синего, зеленого, красного и других оттенков — и металлическими мисликами, которым милы температуры, близкие к абсолютному нулю, и которые поэтому гасят солнца тепловых («Пришельцы ниоткуда» Ф. Карсак). Примеры без труда можно множить — но основная мысль ясна. Культуры-перпендикуляры могут воевать друг с другом, что и происходит у Карсак, у А. Нортон в двух первых романах цикла «Колдовской мир», у В. Звягинцева в эпопее «Одиссей покидает Итаку» могут мирно сосуществовать и даже сотрудничать — не могут лишь принудительно менять темпы и уровень развития своего непонятного соседа. Ибо непонятное можно уничтожать, можно отворачиваться от него или пытаться сделать его понятнее, но управлять им невозможно по определению. Те, кто читал «Звездную тень» Лукьяненко, помнят, чем закончились попытки Сильных рас «нажать» на Куаль-куа. Стоит также вспомнить странный конфликт ТехноЦентра и человечества, в неторопливых перипетиях которого проходит действие «Гиперионовской» тетралогии Дэна Симмонса.

В заключение третьего раздела этого исследования позволю себе подробный разбор весьма нетипичного случая. Роман А. Соболя и В. Шпакова «Мир наизнанку». Планета Коарм, населенная расой людей, похожих на землян вплоть до возможности появления метисов. Некогда эта раса развивалась в обычном направлении, то есть совершенствовала орудия труда. Однако явились Сверкающие, и все изменилось. Технология, зарождавшаяся у обитателей Коарма, была быстро, не без некоторого насилия забыта, и ее место заняла магия. Регрессорство? Нет! Оставляя в стороне тот факт, что коармитам была предоставлена замена, что их не ограбили, а изменили, происшедшее не вписывается в первую часть определения регрессорства. Сверкающим — разумным кристаллам, живущим в шестимерном пространстве — ни логически, ни идеологически не интересен «конкурент», обитающий в четырехмерном континууме. То, что было ими проделано на Коарме, для них являлось всего-навсего наглядным аргументом в споре с Вседержителем! Не больше, не меньше...

4. ПЕССИМИСТИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ.

В конце введения я обещал рассмотреть на конкретных примерах, как количественные и качественные различия культур влияют на качество их контакта. Считается едва ли не аксиомой, что более высокий уровень развития науки и техники обеспечивает превосходство «прогрессивного» общества над отсталым. Соответственно, более развитое общество способно подстегнуть развитие своих младших братьев по разуму, «прогрессировать» их — либо же свергнуть в первобытное состояние, в каменный век, регрессировать и вообще уничтожить. На счет последнего спорить трудно: ломать, как известно, — не строить. А вот с остальными возможны варианты.

Рассмотрим некоторые из них.

В удостоенных премий «Хьюго» и «Небьюла» романах Д. Брина «Звездный прилив» и особенно в «Войне за возвышение» цивилизация галактов обладает неоспоримым техническим превосходством над цивилизацией землян. Оно и немудрено: техника галактов совершенствовалась сотни миллионов лет. За сроки, сопоставимые со сроками жизни звезд, даже минимальный прогресс способен привести к фантастическим результатам. Однако возраст означает также предельный консерватизм и приверженность множеству ритуалов. Важнейший из них — церемония возвышения. Зрелая разумная раса берет шефство над расой пред-разумных существ и методами геной инженерии поэтапно возвышает ее к разуму и самостоятельности. По завершении этого процесса, занимающего сотни тысяч и даже миллионы лет, раса-«клиент» расплачивается с расой «патронов» и после тысячелетий службы обретает независимость. Большинство «патронов» когда-то сами были клиентами более древней расы, а та — еще более древней; цепочка эта восходит к исчезнувшим миллиарды лет назад легендарным Прародителям. Нетрудно заметить, что вся схема преемственности разума

носит патриархальный характер. Сочетание кланово-племенной структуры с высочайшим техническим уровнем поначалу бросает в оторопь. Но на деле общественная структура галактов оказывается жизнеспособной и, быть может, единственно возможной при таких временных масштабах.

А что же земляне? Поднявшиеся до разумности сами, без расы-патрона, и исчисляющие возраст своей культуры жалкими веками, они полупрезрительно именуются «волчатами». Ко времени контакта с галактической цивилизацией люди успели начать масштабные генетические манипуляции с дельфинами и шимпанзе, поэтому им не назначили шефа из числа старших рас. Им даже со скрипом предоставили статус патронов собственного маленького, молодого и слабого клана. Фанатичным радикалам, которых среди рас галактов немало, это ничуть не понравилось. Нет, до откровенного регрессорства не опустились даже фанатики из фанатиков. Такое полностью противоречило бы миллионлетним традициям. Однако интриговать, строить козни и вообще вставлять палки в колеса они не гнушались. Но замедлило ли это темпы прогресса землян? Да. Незначительно. Неофины и неошимпанзе прогрессируют в сотни раз быстрее, чем клиенты более консервативных рас. Да и относятся к ним люди не как к клиентам, а скорее как к партнерам. Землян не спешат обучить правильному обращению с Библиотекой — колоссальным компендиумом, содержащим копированный миллиарды лет опыт множества рас... Но люди и тут изворачиваются. Они даже — страшно и помыслить закованным в корсет традиций галактам! — предпринимая собственные исследования, изобретают что-то свое, находят решения благодаря воображению и смекалке. При этом они кощунственно утверждают, что такой путь лучше бездумного списывания решений, которые содержит Библиотека. Людям и их клиентам предоставляли для колонизации второсортные планеты, биосфера которых пострадала от войн и экологических катастроф? Результат: земляне в кратчайшие сроки приобретают репутацию экологических кудесников, чему немало способствует набранный еще во времена изоляции опыт по восстановлению экологии родной планеты. И так далее. Гибкая, динамичная и легко адаптирующаяся культура волчат стремительно набирает силу вопреки попыткам галактов задержать этот процесс. Превосходство в технике и ресурсах оказывается недостаточным даже для успешной военной агрессии мощного клана гуксу-губру против самой молодой и слабой колонии землян — Гарта. В финале второго романа оккупанты бесславно убираются прочь, понеся огромные потери...

Неправдоподобно? В какой-то мере да. Но нельзя не признать, что догмат о первостепенной важности уровня техники требует пересмотра. И особенно внимательно следует отнестись к самой возможности обратить прогресс цивилизации вспять. В принципе, пересадить людей из автомобиля назад на спины лошадей можно. Заставить перейти от электрического освещения к лучинам и масляным коптилкам — тоже. Но обратный переход, от лошадей к автомобилям и от лучин к электролампам, гораздо естественнее. И требует меньшей энергии. Конечно, разрушительное начало в нас сильно, но даже «генералам Пфердам» с их узким и страшным менталитетом прогресс оказывается выгоден. Не социальный, конечно, а технический прогресс — и тем не менее...

Картина, описанная Лукьяненко в дилогии «Императоры иллюзий» (да-да, я помню о повести «Тени снов», но в ней речь идет об ином, поэтому — дилогия) весьма мрачна. Несколько разумных рас, достигших сопоставимой мощи в экономической, технической и военной областях. И — множество войн. Все против всех. Не обходятся без конфликтов даже «самые умные» — псилоны, даже самые «безэмotionalные» — силиконы. Враждуют все! Но обмена информацией и техническими новинками это не останавливает. Даже в условиях тотальной войны и полного геноцида — до последнего представителя расы, до уничтожения целых планет, в том числе своих собственных — попыток регрессорства не делает никто. Слишком сильно противодействие, слишком сомнительные результаты.

Из сказанного выше можно сделать два вывода. Во-первых, регрессорство — оружие против слабейшего, а не против равного. Если рассматриваемое явление и может «перескочить» через этот барьер, то лишь ценой потери эффективности. Во-вторых, взаимодействие различных культур, даже в неблагоприятных условиях, обогащает эти культуры, а не обедняет их. Исторических примеров тому — легион. Утрата цельности — не такая уж большая цена за расширение смыслового пространства. Конечно, всегда и всюду найдутся ревнители «самобытности», желающие, чтобы говорили не «колонна античного храма», а «столб древнего капища»; чтобы джинсы не вытесняли родные и привычные штаны (а уж юбки — тем более!) и так далее, и так далее. Однако полумозговатые консерваторы не имеют решающего значения. Поскольку вторжение нового являет-

ся процессом, по большому счету, выгодным. И неостановимым.

Но почему, в таком случае, это резюме названо пессимистическим? Займемся арифметикой. Разделим контакты между разными цивилизациями на виды в зависимости от их, контактов, интенсивности:

1. «Туннельный» — самый слабый и ненадежный вид контакта, названный так по известному квантовому эффекту. Имеет место, когда миры разных планетных систем отделены друг от друга световым барьером. Обмен информацией с помощью электромагнитных колебаний занимает годы и века, путешествия «во плоти» занимают еще больше времени и чудовищно невыгодны экономически. Примеры — в «Ожерелье планет Эйкумены» У. Ле Гуин, у И. Ефремова в романах о «Великом кольце», у Ж. Клейна в «Звездном гамбите» и у др. авторов. В «Операции «Хаос»» П. Андерсона цивилизации отделены друг от друга не менее прочной метафизической стеной. «Туннельный» характер носили также контакты между Старым и Новым светом до эпохи великих географических открытий;

2. «Канальный» — световой барьер преодолевается высверливанием в пространстве «дыр». Миры изолированы, но в гораздо меньшей мере, чем в случае «туннельных» контактов. Возможно создание единого культурного пространства, но экономического и политического объединения не происходит. Примеры (в порядке возрастания интенсивности) — «Враждебные звезды» П. Андерсона, романы Л. Буджолд, «Туннель в небе» Р. Хайнлайна, «Тень ветра» М. Ахматова;

3. «Ассоциированный» — контакт в сравнении с предыдущим случаем происходит еще легче. Глобальная интеграция, создание единого жизненного пространства из многих «кусочков»-планет. Типичный пример — Великая сеть из первых двух книг тетралогии Д. Симмонса. Много миров — одна цивилизация. Динамичность последней ограничена — см. выше цитату из «Затерянного мира» М. Крайтона;

4. «Диссоциированный» — чаще всего встречается в фантастике классического этапа и у авторов, использующих старые сюжетные наработки. Сообщение между мирами идет традиционным образом, с помощью космических кораблей, способных преодолевать световой барьер. По интенсивности этот тип контакта близок к «Канальному», но отличается большей свободой: перемещения отдельных кораблей планетарным властями контролировать трудно, почти невозможно. Примеры — романы А. Азимова, Р. Хайнлайна, А. Нортон, братьев Стругацких о «Мире Полдня», П. Андерсона о Политехнической Лиге и Земной Империи, Л. Нивена и мн. др.;

5. «Баночный» — происходит, когда две и более культуры претендуют на одно жизненное пространство. Типичный случай — две разумные расы на одной планете. Примеры — Ф. Карсак, «Этот мир — наш», диалогия С. Лукьяненко «Звезды — холодные игрушки», «Звездная тень», У. Ле Гуин — «Слово для леса и мира одно», несколько наособицу — «Зловещий барьер» Э. Ф. Рассела и «Паразиты сознания» К. Уилсона, а также первая часть его же «Мира пауков».

Приведенное деление весьма условно и ни в коей мере не претендует на полноту. Однако если сопоставить его с извест-

ными по НФ-литературе случаями регрессорства и прогрессорства, шире — конфликтности либо сотрудничества, получившаяся картина даст мало поводов для оптимизма.

Во-первых, Вселенные, в которых преобладающие контакты имеют доброжелательный характер, относятся в основном к первому типу. Миры Ефремова, Ле Гуин... И даже в таком случае близкий контакт вызывает озлобление, в лучшем случае — отторжение (см. «Час быка», «Слово для леса и мира одно»). Во-вторых, при «баночном» контакте ни о каком сотрудничестве речь не идет вообще. Возможны лишь два исхода: геноцид либо полное подчинение. Спор может разгораться даже не за один и тот же lebensraum, а за жизненно необходимый ресурс: специю в «Дюне» Ф. Херберта, ментальный потенциал в «Паразитах сознания» К. Уилсона и др. Нередки случаи, когда вспыхивает конфликт даже между генетически едиными расами, сосуществующими на одной планете. Нет сомнения, что Семьи Говарда из романа «Дети Мафусаила» Р. Хайнлайна были бы уничтожены «короткоживущими» homo vulgaris, не подвергшись долгожителям возможность сбежать из Солнечной системы. У Хайнлайна прямым текстом сказано, что такой конфликт неразрешим ни логически, ни этически — и лишь расстояние может положить ему предел.

Примеры без труда можно множить. В романе Ф. Карсак «Этот мир — наш» опыт общения различных рас обобщен в Стальном законе: «Одно человечество — одна планета». Только соблюдение этого правила позволяет поддерживать мирное существование Лиги Человеческих Миров. А ведь Карсак по праву может быть причислен к писателям-«оптимистам»! Печальная судьба новых планет, увлекаемых процессами интеграции в пасть Великой Сети (см. «Вспоминая Сири», одну из повестей «Гипериона» Д. Симмонса). Планета Мауи-Обетованная, став частью Сети нуль-порталов, за несколько лет оказывается разграблена, вытоптана полчищами туристов и во всех смыслах унифицирована. Почти идиллическая культура и уникальная экосистема Мауи-Обетованной утрачены безвозвратно. В романах Л. Буджолд описаны три вида генетических меньшинств: квадди, бетанские гермафродиты и телепаты. Для всех трех видов выживание оказывается связано с той или иной степенью изоляции. Другие генетические меньшинства, находящиеся на пороге обособления в отдельную расу (аут-лорды и гем-лорды) занимают правящее положение в Цетагандийской империи, используя неизменных генетически людей весьма утилитарным образом, как рабсилу и пушечное мясо. При этом Цетаганда как целое находится в состоянии неясного, но перманентного и неразрешимого конфликта со всей остальной галактикой.

Итак, «добрая воля» и даже степень развития цивилизации определяют тип контакта в меньшей степени, чем его интенсивность. И выбор между регрессорством и прогрессорством возможен в случае «канальных» и «диссоциированных» контактов. Насколько маловероятен конфликт в случае «туннельного» контакта, настолько же высока, почти неизбежна вероятность конфликта при споре двух групп разумных существ за один и тот же мир.

Анатолий НЕЙТАК.

курьер

2-я КОННАЯ или АНАБАСИС-2001

КАМКОН-3

«Подумайте, что будет, когда турнир окончится, и когда гости уедут. Жители Москвы, стесненные жилищным кризисом, бросятся в ваш великолепный город. Столица автоматически переводится в Васюки. Ленинградцы и харьковчане скрежещут зубами, но ничего не могут поделать!»

О. Бендер

Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет. Прошлые конвенты, проходившие в Перми, убедительно это доказали. Но в этот раз Надя Маркалова оказалась не в силах осуществлять общее руководство, и за дело взялся я. Кому-то

же надо было взяться... Ну, если честно — взялись я и Маша Лукашина. В глубине души я этому был даже рад — уж больно менторскими нотками отдавали прежние два «трезвкокона», как их метко обозвал Сергей Соболев. На первом не был — каюсь, зимовал на Севере, но вот второй, с докладами Толи Нейтака об астероидах и желтыми Надиными галстуками запомнил надолго.

Не говори «гоп», пока не взялся за гуж... Пришлось, конечно, побегать, пораздавать кому-то книжки, кому-то — обещания, а кой-кому — и деньги, но вроде все утряслось, спасибо ребятам, тем, кто помогал (остальным спасибо, что хоть не мешали). Библиотека, как оказалось, давно забыла, что у них собирается по вторникам какой-то там «Солярис», и когда мы обратились к ней за помощью, то там спросили удивленно: «А вы кто?» Пришлось рассказывать. С ежегодным призом тоже вышла запарка. Кто-то предложил выпенить его из глины, Элеонора сумела дозвониться до Кунгурского завода керамики, где заказала новую «Избушку». Маша обещала разослать по интернету приглашения. По счастью директор магазина «Библиосфера» Наталья Борисовна Петухова пошла нам навстречу и предоставила в наше полное распоряжение малый зал, а когда удалось забронировать номера в гостинице, будущий кон начал обретать очертания.

Сразу начались накладки. Приглашения отправили слиш-

Евгений Филенко.

ком поздно. Опросить фэнзинеров и все региональные КЛФ не удалось — старые адреса не действуют, новые нет возможности найти. Оборвались все контакты с местными ролевыми — все разъехались на лето по играм, зато вдруг делом заинтересовались анимэшники из Пермского филиала «RAnMa». Час «ноль» приближался, а ничего еще не было готово. Не считая доклада Лукашина, я мог ручаться только за свой — о фэнтези. С трудом удалось раскрутить Алекса Елькина на обзор ролевого движения. Зато выставка обещала быть — на 5 с плюсом: ребятам удалось уговорить выставиться в библиотеке Дмитрия Землянина и Вадима Каткова — пожалуй, на сегодня самых интересных и своеобразных пермских художников-фантастов.

Договорились с телевидением. За день до конвента я, Маши и Лена Долгова записались на «Рифей-ТВ» для передачи «С добрым утром». Спасибо телевизионщикам громадное, хотя какой псих смотрит летом «С добрым утром»?! Потом была запарка. Все срывалось. Избу еле успели привезти, равно как и картины. День заезда обломал и порадовал всех организаторов конвента. Толки в форменной фуражке честно отстоял на вокзале положенный срок, сдал дела и отправился восвояси, никого не встретив. Облом-с, поручик! Но нет худа без добра — одной головной болью меньше: дешевле места в двухместных номерах не понадобились. Организаторы сперва обиделись, потом подумали и вздохнули с облегчением: ладно, сделаем кон для себя, все самое интересное навсегда останется тайной для иногородних!

Но все тайное обязательно рано или поздно становится явным. И как мы ни пытались скрыть происходящее на конвенте, крохи информации просочились-таки в мир и стали достоянием общественности. Шумели-то мы много! По телевидению сразу по трем каналам передали репортажи, краткие заметки с фестиваля появились в местной прессе и «КП». Открытие прошло наиспокойнейшим образом, почти без эксцессов, несмотря на то, что библиотека имени Пушкина не оставила своих попыток пересчитать поименно всех участников фестиваля, а участники упорно не хотели открывать свое инкогнито — мало ли что. Свои талончики пропуска мы подписывали самыми невообразимыми фамилиями и прозвищами; но библиотека аккуратно все фиксировала и подшивала к делу. По завершении открытия все присутствующие с удовольствием прослушали записи Е. Лукина и Ю. Буркина. Где-то ближе к полудню приехал Андрей Зебзеев от «Экскалатора» из Яйвы. Ну что ж... гостей хоть мало, но зато все — желанные.

Семинары проходили прямо в библиотеке, на фоне полотен Каткова и Землянина. Такой выставки пермские конвенты не помнили года этак с 83-го. Живописные и графические полотна мирно сосуществовали друг с другом. Растения и животные причудливых форм окружали дискутирующих; окна в другие миры — чуть пугающие (потому как непривычные), но тем не менее прекрасные — манили к себе...

Но к делу. Первым в атаку бросился я, открыв свой семинар по фэнтези. Народ раскисался слабо, но внимал докладу со все более нарастающим интересом. Я где-то потерял все заготовленные шпаргалки и потому говорил то, что думаю, по принципу Наполеона: «Главное — ввязаться в драку, а там видно будет». Не знаю, может, это неправильно, но для начала я устроил провокацию и объявил, что настоящее фэнтези в России сейчас пишу один я. Потом попросил собравшихся это утверждение опровергнуть. Что тут началось! Чем только не оказывались фэнтези, и что только не называ-

лось магией в процессе дискуссии... Но я добился главного — начало было положено. Почему жанр фэнтези стал так популярен именно в последнее время, что привлекательного для себя находит в фэнтези сегодняшний читатель в России, и вообще — чем вызван этот интерес? Все эти вопросы были мной подробнейшим образом рассмотрены. Тем не менее, по окончании дискуссии все разошлось на удивление довольные результаты. Лелею надежду опубликовать когда-нибудь по позже тезисы доклада.

В первый (и, надеюсь, не в последний) раз состоялся семинар ролевиков-«настольников» — адептов игрового жанра, который только-только начинает как следует развиваться в нашей стране. Максим Беланков вкратце ознакомил всех присутствующих с историей зарождения настольных ролевых игр, пустив для иллюстрации процесса по рядам толстенные цветные книги с описанием игровых систем. История оказалась древней, насчитывающей множество веков и форм. Максим дотошно рассматривал, куда уходят корни, пробежался по родоначальникам жанра — книжкам «бродилкам», помянул AD'n'D и TSR, затронул жанр wargame и современное положение дел. Я был приятно удивлен: разнообразие игровых «движков», концепций, миров и сюжетов не помешало ребятам сделать доклад, удивительно нескудный и очень насыщенный. Последовавшая за ним дискуссия опять — таки оказалась интересной и втянула в общую свалку всех присутствующих.

Семинар по фантастиковедению, кое было представлено слушателям в виде целого института со множеством отделов и этажами направлений, открыл на следующее утро известный деятель пермского фэндомы Александр Павлович Лукашин. Он вел семинар академично, увлеченно, приводя необходимые расчеты и солидно разработанную теоретическую базу. Знание вырисовывалось впечатляющее, со множеством филиалов, кафедр, факультетов и лабораторий самых разных направлений. Дискуссии на сей раз не было — все были очарованы открывшимися внезапно перспективами (читайте материал в «Лавке фантастики»). К сожалению, постройка подобной структуры — дело не одного года и не одного человека. В общем, институт был признан вполне жизнеспособным, (хотя бы — в виртуальном пространстве) и даже весьма нужным для дела фантастики и футурологии. Может, будущее поколение будет жить при... Ой, чур меня, — не надо бы подобных фраз, иначе мы рискуем уподобиться жителям известного городка на Волге, где когда-то чуть не состоялся первый межпланетный шахматный турнир.

В процессе фестиваля народ все время кочевал из «Пушкин» в «Библиосферу» и обратно. Семинар молодых авторов был именно в «Библиосфере». Вел его опять-таки я. Материала у меня было много, и весьма богатого, времени — мало. Поразыслив, я остановился на четырех творениях пермяков — коротких рассказах Анатолия Нейтака («Ищущий»), Виктора Береснева («Идущий на смерть»), Наталии Володиной («Бул-буль») и Андрея Зебзеева («Хранитель»), на примере которых и попытался рассмотреть, как надо и как не надо писать, и какие ошибки преследуют начинающих авторов. Ох, не легкая эта работа... По счастью, аудитория скоро заглотнула наживку. Каждый из присутствующих обдумал и озвучил свое субъективное впечатление от прочитанного вслух рассказа, все писательские удачи и неудачи, и надавал всем авторам по шее (гм!) — надавал им полезных и оздоровительных советов. Мне оставалось только читать вслух. Что я и делал, по необходимости комментируя текст.

Последний семинар представлял собою интересное новшество — в гостях у «Соляриса» побывал пермский клуб любителей японской анимации. Не секрет, что львиная доля фантастической мультипликации оккупирована сегодня стилем «анимэ» (также, как жанр мелодрамы — индийским кино). Семинар, который вел пермского председателя клуба «RAnMa» Игорь Меринов, опять начался с провокации — «во-первых строках письма» всем присутствующим было объявлено, что анимэ, без всякого сомнения, является «мультипликацией XXI века», ни больше, ни меньше, и будущее за ней однозначно. Тут уж я встал на дыбы с разгромной критикой такого заявления в частности и анимэ вообще, — зачем, мол, нам эта примитивная графика и круглые колени! Дискуссия, однако, я затягивать не стал — народ ждал зрелища, да и Игорь пообещал все доказать в процессе показа. Начался сеанс. Главный пермский «анимэшник» подробно, хоть и несколько торжливо и отрывочно познакомил всех с самыми разными направлениями японской мультипликации. Он тасовал свои видеокассеты как карты, — на экране телевизора с головкружательным мерцанием сменялись клипы, телесериалы, ролики рекламные и ролики простые, полные и короткометражки; а Игорь едва успевал их комментировать. Клянусь, даже мне было интересно. Он сыпал именами маститых японских режиссеров, вкратце пересказывал сюжеты

и вообще чувствовал себя как рыба в воде; в неполных два часа он убедительно доказал, что современная японская мультипликация отнюдь не ограничивается только покмонами и большими нимфетками в матросках, но охватывает все возможные жанры — от мрачной готической мистики до юмора, от фантастики до киберпанка. (Здесь стоит еще раз поблагодарить магазин «Библиосфера», любезно предоставивший свою видеотехнику для просмотра мультфильмов.) Семинар многим понравился, можно думать, что у клуба любителей аниме в Перми появятся новые поклонники. К большому сожалению, времени на обсуждение доклада и мультфильмов не осталось. Хотелось смотреть и смотреть. (Nota bene! — учесть этот просчет на следующем Фэн-Доме!). В кулуарах народ наел на меня по теме: «Ну, а теперь чего скажешь?», на что я лишь пожал плечами и без тени смущения признался, что вообще-то аниме я весьма благоволю и даже местами люблю, в детстве обожал «Кругосветку кота в сапогах» и «Русалочку», а японский «Корабль-призрак» и французских «Властелинов времени» вообще посмотрел раз по двадцать, но для победы дела специально лег грудью на амбразуру: а пусть, мол, Игорь сперва докажет все про «XXI век», прежде чем подобное утверждать! Расстались почти друзьями.

На третий день, все в той же «Библиосфере», среди заманчивых стеллажей с книгами и удивленных покупателей прошла пресс-конференция с местными писателями-фантастами. В ней участвовали Евгений Филенко, Елена Долгова и ваш покорный слуга. Диалог между читателями и писателями получился бурным, эмоциональным и очень насыщенным. Обсуждалось все — от творческих планов и методов работы до любимых компьютерных игрушек. В беседе с живейшее участие приняли директор магазина г-жа Петухова и бессменный редактор «Лавки фантастики» Вячеслав Запольских. Помнится, мы даже умудрились завязать между собой дискуссию на тему «Какие книги следует читать». Организаторам фестиваля пришлось искусственно прервать интереснейшую беседу, грозившую перейти в бесконечность.

И вот день закрытия. Торжественная раздача призов. Главный приз почти единогласно получил фэнзин «F-хобби» Валентина Суботина (г. Бобров). Журнал покорила всех своим неожиданно широким охватом тем, юмором пусть грубоватым, но острым, а также — истинно фэнским настроением и подходом к делу. Надо сказать, что главные конкуренты — лицевые «Семечки» (кстати, уже получавшие приз) и пермский ролевой «Оберег» ненадолго от него отстали. Специально отпечатанный эксклюзивным тиражом 5 экз. сборник пермских авторов-фантастов был подарен немногим гостям, а библиотеке им. Пушкина мы презентовали книги пермских фантастов. С автографами.

Ну что сказать... Делу — время, потехе — час. Завершился фестиваль пикником на обочине. Жарились на костре сосиски, вода и морс лились рекой, подтверждая и утверждая традиции пермского «трезвокона» (ну, кто хотел, конечно, пил и пиво, но таких было меньшинство — я, например). Изредка маячили прохожие, которые завистливо принохивались к невесте откуда взявшимся притягательным запахом, но никого не видели, потому как место было не простое, очень такое, «пикниковое»... Напоследок я рискнул раскинуть руны всем желающим. Раскинули. Истолковали. Расклады всем выпали удачные, что-то на них действовало, что ли... С подачи Алекса попытались сыграть в «Эру водолея», но поскольку уже подступали сумерки, затею пришлось отложить. Как бы то ни было, участники конвента остались очень довольны и долго провожали друг друга до трамвайных остановок. Мистика, но все трамваи, несмотря на номера, в тот день шли, куда было надо участникам.

Оглядываясь на промелькнувшие дни, можно утверждать, что все, что намечалось по программе, было выполнено, семинары прошли в обстановке живого интереса, все присутствующие включались в обсуждение. Драк не было (а надо?). Настроение царило праздничное, и даже с погодой повезло. И единственное туманное ощущение, коснувшееся участников конвента — сочувствие тем, кого не коснулась эта фантастическая

творческая атмосфера. Даже обидно немного — такой лихой был конвент, а вот поди ж ты... В общем, кто не слышал, «приезжайте к нам на Колыму». Спешу сообщить, что всех ждем в гости на следующий год.

А я, едва отгремели последние залпы, всерьез стал обдумывать проект одного большого путешествия, о котором речь пойдет ниже.

И надумал, трам его и тарарам...

ВОЛГА-ПОНИ

*«И все — таки я иду в Чешские Будейовицы!»
Швейк.*

Кто рискнет поехать в Харьков через Волгоград? Наверно, только герой. Разве нормальный человек поедет таким маршрутом? Нет, только псих. А если — автостопом? Только я! Нехилая эволюция образа. Потом народ мне говорил, что я — герой. Все потому, что к Завгороднему на «ВолгаКон» я именно вот так и ехал — на попутках, электричках, на «рабочих поездах»... да на своих двоих в конце концов! И глупо вопрошать, зачем я это сделал. На странствия людей могут подвигнуть разные причины. На лешие странствования, обычно, только две:

На лекции «Сказки старого сталкера» от Бориса Щурова.

поиски романтики и (или) отсутствие денег. Романтики за свою жизнь мне хватило по самое «не могу», так что причина крылась в банальном отсутствии средств. Денег было в обрез, и это серьезно уменьшало мои шансы нормально добраться даже до Волгограда, не говоря уже о Харькове. Можно было вычеркнуть из списка град на Волге, но я решил рискнуть. Почему? Да потому что приехать на второй «ВолгаКон» для меня было делом чести. Я был на первом, десять лет назад, вы слышите? Был! И с такой периодичностью не знал, удастся ли мне побывать на третьем, если я в этот раз все упусти.

Вот так и вышло, что ужасно непогожим летним днем я уложил в свой потертый рюкзак две старые рубашки, котелок и пачку «Лавок», приторочил сверху спальник и отправился к вокзалу, откуда в пять утра на запад отходила электричка. Естественно, я шел не наобум; я подошел к процессу исключительно серьезно. Я вытащил из интернета все доступное расписание нужных поездов, детально изучил предстоящий маршрут и разжил по возможности крупномасштабной картой местности. Так начался мой дикий анабасис, длившийся со всеми останками примерно месяц-полтора.

Ехал я, конечно, «зайцем», а иначе какой смысл? Гроза отгремела. Контролеры ушли. Я туло сидел в полупустом вагоне будничной холодной электрички, дремал вполглаза, таращился в мокрое окно и под тихий стук колес размеренно ругал себя последними словами. Предприятие вырисовывалось мне теперь

Будущие соавторы: Ирина Ясиновская и Дмитрий Скирюк.

в самом неприятном свете и выглядело чистой авантюрой. Отправиться в путь через полстраны в конце лета, практически без денег, с двумя пакетами китайской лапши и куском полиэтилена вместо палатки — это безумие. «Безумие... безумие...» — негромко вторили вагонные колеса. Но раз назвался груздем — полезай, куда положено. Назад вернуться не имело смысла: ближайший обратный поезд на моей станции не останавливался. Проще было двигаться вперед.

Первая же речка стала для меня препятствием — мост через нее охранялся, и охрана оказалась совершенно неподкупной (рядом военная часть). Было уже далеко за полдень, я откровенно опаздывал. Порасспросив народ на предмет возможной переправы, я форсировал речку в тракторный брод, едва не утопив рюкзак, и тотчас... заблудился в лесу. Ну, не то, чтоб заблудился, но застрял почти на полтора часа. Прямой путь вдоль берега мне преграждал забор с «колючкой», а пойдя в обход, я намертво увяз в болоте. С гордостью скажу, что опыт старого таежника помог мне выбраться оттуда, не замочив кроссовок, но эти хляби, бурелом и чертовы кусты шиповника вдоль насыпи я запомню надолго, ох, надолго... Когда я выбрался обратно на железку, распогодилось. Я откровенно опаздывал и потому на всех парусах двинулся дальше. Три черных ворона, уныло потрошившие выпавший из поездов мусор, при виде меня заметно оживились, прервали свое занятие и на всякий случай двинулись следом — а вдруг повезет? Однако волновался я напрасно — на полустанке, куда меня привела боковая ветка, я выяснил, что поезда мне здесь придется ждать еще часа примерно три. Я разложил костерок, заварил чайку и даже успел отчистить котелок, прежде чем показался состав — тепловоз и с ним пять вдребезги раздолбанных вагонов, пустых абсолютно. Дальнейшее сильно напоминало фильм «Мертвец», точнее — его начало, если кто смотрел. Вечерело. День утратил краски. Поезд тащился какдохлая сороконожка. Входили и выходили какие-то люди. Свет не горел. От усталости, бессонной ночи и дождя я впал в какой-то транс и очень смутно воспринимал действительность. За исцарапанным окном неспешно проплывали брошенные деревни, разрушенные дома, какие-то стога, телеги, сани... Я зевал, моргал и изо всех сил старался не заснуть, иначе вполне мог проснуться где-нибудь в канаве, без рюкзака, одежды и бумажника. Но бог миловал, и к вечеру я благополучно прибыл в Ижевск, поспев как раз к последней нужной электричке.

О дальнейшем пути можно не рассказывать — все вышеописанное повторялось раз примерно пять с небольшими вариациями. Ну, раза три меня подбросили попутные машины. Приблизительно неделю я пересекал страну по маршруту Пермь — Ижевск — Вятские Поляны — Казань — Зеленодольск — Буинск (не считая дюжины каких-то мелких полустанков), два раза ночевал в лесу, три — в поездах и где-то еще, пока однажды вечером не осознал себя сидящим в Ульяновске на вокзале с бутылкой темного «Витязя» в руке, тупо созерцающим дорожное расписание. Как оказалось, из Ульяновска ничего и нигде не ходит, только одна-единственная электричка до Набережных Челнов, а что мне делать в Набережных Челнах?! Это был удар ниже пояса. Я все мог вынести, но этот город-тупик меня доконал. Дальше, видимо, начались приволжские степи, наполненные пылью, горячей травой, радиоактивными могильниками, артиллерийскими стрель-

бищами и военными базами. Был вариант заночевать здесь, а утром опять двигаться на автостраду ловить попутку до Саратова, но останавливаться уже не хотелось. Буфет не работал: в ресторане пьянствовали чей-то юбилей. Настроение было препаршивое. Я безропотно позволил симпатичной кассирше уговорить себя купить билет на ближайший поезд до конечной, раздавил в компании с каким-то вертолетчиком полдюжины пивка, и вскоре плацкартный вагон унес меня к волжским просторам. Сэкономил я в итоге триста рублей. Ну, может быть, четыреста. Негусто, если вдуматься. Однако не жалею, что поехал: то, что я повидал, и о чем передумал, не купишь ни за какие деньги. В этом я теперь уверен.

В Волгоград я прибыл поздно вечером, и только успел вывалиться на перрон, как попал в дичайшую толпу. Царила духота. Девчонки в юбках короче трусиков и их обезумевшие кавалеры с красными глазами, налитые пивом от подшош до кадьяка, запрудили всю привокзальную площадь, орали, свистели, швырялись пустыми бутылками и раскачивали подъезжавшие троллейбусы. Сесть в транспорт не было решительно никакой возможности. Я в своем полевом камуфляже и с рюкзаком за плечами смотрелся среди них чужеродным элементом, не хватало только автомата. Позже я узнал, что мне удивительно не повезло — буквально только что в городе отгастролировали какие-то ублюдки вроде «Руки вверх» или «Дискотеки «Авария», и меня угораздило попасть как раз к окончанию действия. До «ВолгаКона» оставалось дня четыре, надо было где-то перекантоваться. Иринки Ясиновской дома не оказалось, я дозволился до Завгара, добрал до трамвая и глубоко за полночь, в страшной давке докатил до нужной улицы, где нашел его дом, и вскоре уже отмокал в огромной горячей ванне. Отмокал и ликовал: доехал! Первый, самый трудный, как я тогда считал, этап моего пути был закончен. «Чингачгук, стакан Колумбу!»

Волгоград за десять лет изменился, и не в лучшую сторону. Дома не ремонтировали с конца пятидесятых, а степная жара и волжские метели делают свое черное дело; все они теперь выглядят как Дом Павлова. Фигурная ленина то и дело обваливается, на старых улочках стены домов украшены граффити: «Опасно! Под балконами не ходить!» Трамвай тяжело болен манией величия: на протяжении пяти остановок думает, что он — метро, и едет под землей. Впечатление на иногородних производит убийственное. Да, патчем это не лечится... Стояла жара, но лично мне это было даже в кайф — после вечной уральской хмари я наконец-то прогрел свои косточки. Начисто убрал меня ассортимент в книжных магазинах — практически пустые полки. «Это еще что, — прокомментировал это явление Завгар, — недавно у нас мэр приказал все книжные лотки убрать, как «уродующие лицо города». Видео, пивные и всякую порнографию оставили, а книги убрали. Каково, а?» И в самом деле, бродя по городу, я смог оценить Бороно возмущение, когда наткнулся на афишу с поразительным текстом: «Приглашаем всех на садомазохистское шоу! Клуб офицеров». Екие шалуны, оказывается, в Царицыне военные! Что называется — «приятное с полезным»...

А если честно, то единственное, что примирило меня с городом на Волге, не считая дешевых арбузов, это изобилие красивых девушек. Такого количества длинноногих красавиц всех форм и расцветок я не видел больше нигде и никогда. «А что ты хочешь? — с видом опытного плейбоя ухмыльнулся в ответ на это замечание Сергей Синякин. — Здесь же был стан Золотой Орды, сюда красивых полонянок со всей Руси свозили. Вот и вывели поголовье. Порода!»

Сказать по правде, уже тогда можно было оценить тотальное безумие будущего кона. События развивались лавинообразно и сразу во все стороны. Я честно пытался оказать Боре какую-то помощь, но вскоре оставил эти попытки: в этом хаосе могли разобратся только сами устроители, да и то не всегда, а посторонний мог и погибнуть. А я-то думал, это только мы в Перми одни такие. Все делалось в последний момент. Завгар, со свойственной ему манерой делать все сразу и в неподходящее время, в преддверии конвента затеял дома ремонт, снял и разломал все двери, выкрасил полы и теперь передвигался по каким-то жердочкам. Все время что-то падало, ночью мы оба отравились краской, газ горел на кухне непрерывно, угрожая взрывом ацетиловых паров. Ночью на Завгара рухнула полка, из-под которой я его еле вытащил; в последующие несколько дней все мы чувствовали себя как по лезвю той полки. То и дело прибегали разные люди: Сергей Зайцев приносил верстку готовых книг, Михаил Касьяник — призовые статуэтки, Юрий Брехов — рассказы, книги и какие-то статьи... За день до начала из Челябинска приехал Юра Зубакин и зарылся в Завгаровские архивы, как дядюшка Скруджд в деньгохранилище — с головой и до утра. С Ясиновской удалось нормально созвониться лишь на второй день после приезда; Иринка оказалась вся в за-

ботах — то праздновала сессию, то пересдавала день рождения... То есть, тьфу, — наоборот! Хаос усиливался. Уже никто и ничего не соображал. В итоге к заезду основной массы народа я едва стоял на ногах. Ума не приложу, как это удавалось всем остальным. Однако как бы то ни было, 22-го августа мы встретили московский поезд, коим приехали Воха Васильев со всем семейством, Саша Олексенко, Майка Есакова и кое-какой другой еще народ. Чуть позже прибыли и Лазарчук с Ириной Андронати. Остальным было что-то не особо заметно — все, кто хотел, добиралось до места самостоятельно. С кучкой присоединившихся волгоградцев мы прошли на реч. вокзал, где на речном трамвае и извозчиках добрались, наконец, до турбазы «Диамант», где и должно было происходить все действие.

Погода благоприятствовала. Перед «ВолгаКонам» две недели царил страшная жара — примерно тридцать градусов в тени. Сейчас набегали облака, а изредка накрапывал и дождик, а в целом было солнечно и не особо жарко. Турбаза оказалась очень симпатичным местом — куча разноцветных летних домиков, разбросанных под сенью сосен. (Правды ради следует сказать, что все три дня, пока шел «ВолгаКон», какие-то нувориши, снимавшие соседние дома, все ночи напролет справляли чей-то день рождения, гоняли гнусный рэп, «блатной шансон» и пели караоке, но мы и сами были хороши; а если уйти на другой конец турбазы, все было не так уж плохо). Я заселился в крайний домик — розовую фанерную хибару с верандой, холодильником и электроплитой. Довольно уютно, если сравнивать с моими прошлыми ночлегами... Соседками оказались Ира с Майкой. День был солнечный, народ по большей части — знакомый, мы искупались, выпили за встречу, сделали арбузу хакари и пришли в радужное настроение. Кто где поселился, пока было не ясно. Я нарвал каких-то диких слив, произраставших в изобилии перед моим крыльцом (потом мне сказали, что это — терн, но шипов я что-то не нашел), забрался в тень и долго там беседовал о чем-то с разными людьми, из которых запомнились только Майка, Кучерук, притащивший целую кучу газет, парень по имени Марк, принесший издания еще с «ВолгаКона-91», и чета Лукиных. Лукины, как оказалось, базировались неподалеку, где у них находится дача. Евгений, сильно пострадавший в недавней автокатастрофе, был с рукой на перевязи, в белой кепке и таких же шортах без карманов. Гипс он использовал, как ридикюль — прятал в его складках авторучки, зубочистки, перочинные ножи и всякие иные мелочи, цеплял туда свой бадж... Признаться, было очень приятно видеть его выздоравливающим и улыбающимся, а то после недавних событий я уж подумал, что он долго не придет в себя (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить). Я подарил ему экземпляр новой «Лавки» с его интервью и пожеланиями «Соляриса» и двинулся дальше.

Начало затягивалось. Боря как всегда ухитрился привлечь к делу очень странных людей, взял большие обязательства и спустил дела на тормозах. Одним из спонсоров конвента выступила ни больше ни меньше, как местное отделение компании «Пепсико»; при заселении всем раздавали напитки («Сделай «Дью»!). Другим была табачная фабрика с непроизносимым названием РЕЕМТСМА. Естественно, приехал их представитель. Когда это произошло, все уже основательно расслабились, разбрелись по домам, и тот был неприятно удивлен, увидев вместо шумной и восторженной толпы всего лишь человек 10–15, отговорил свои слова и, получив памятный приз — деревянную статуэтку ручной работы, удалился. А ближе к вечеру приехал Завгородний, только что из ЗАГСа, уже с супругой и избранными друзьями, взволнованный и радостный.

Если первый «ВолгаКон-91» запомнился всем как мероприятие солидное и шумное, то нынешний был, если можно так сказать, конвентом маленьким, «местечковым». Не «ВолгаКонь», как ласково его прозвали меж собой, а «Волга-Пони». К тому же это был своего рода «кон наоборот». Поясню: все расписание оказалось чистой фикцией, кон начался «с хвоста». Наверное, причиной тому было то, что в день открытия Завгар сочетался законным браком. Первым номером программы был объявлен... банкет. Заведовал всем шеф-повар Синякин, соорудивший на природе дивные «живые» шашлыки. Народ под это дело нашинковал закуски из подручных средств, и все покатилося. Говорили речи, помнится, я тоже предложил свой тост — за десять лет, которые так быстро пролетели. Шашлыки оказались великолепными. Вечер плавно перетек в глухую ночь. Память выхватывает из темноты то улыбающегося Синякина с вымпелом «Коллектив коммунистического труда» на шее, то его же, позирующего возле урны с надписью «для мусора мелко», то Ясиновскую с раздолбанной гитарой, то Олексенко, все время жалующегося на печень. Сцена в магазине: Саша с друзьями осматривает полки. «Девушка, — говорит он наконец, — будьте добры нам вон ту водку... еще вон ту... и вот эту». «По одной бутылке?» — спрашивает та. «Почему по одной? По че-

тыре!» Тут кто-то из его спутниц видит на прилавке сало и говорит: «Ой, Саш, давай сала на закусь возьмем». В ответ — круглые глаза: «Ты что, с ума сошла?! У меня же печень бо- льяная!» Олексенко, кстати, привез сборники стихов проекта «Альтернативный пегас» — первые 5 книг; один комплект я с удовольствием приобрел. Еще сцена: Воха, уже хороший, раз десять спел подряд «Бухгалтера» и «Василиска» к большому удовольствию всех присутствующих. «Воха! — просит наконец Иринка, — спой лучше что-нибудь свое!» Несколько секунд Волода задумчиво смотрит в темноту, потом медленно начина- ет: «Ничего на свете лучше не-е-ту-у...» Занавес.

Шторка упала где-то в пять. А примерно в восемь я уже вы- полз на улицу. Было солнечно. Проснувшись все около двенад- цати, тогда же Боря созвал всех на центральную площадь и на- чал раздавать слонов, точнее — коней. Все номинации перечис- лять не буду — нынче каждый может слазить в сеть и посмотре- ь. Скажу лишь, что номинаций было колоссально много — Завгар сотоварищи наштамповали столько призов, что обломи- лось даже мне (вот уж чего я совсем не ожидал). Вообще, мне дали семь комплектов — для Олдей, для «Лавки», для «Поро- га»... Я бы умер в пути под этими волга-конями, если бы Зав- гар потом не взял часть их обратно. После этого был вынесен большой мешок с литературой — кое-что, оставшееся от про- шлого конвента, и штук пять книг, отпечатанных специально для этого — «Дао Винни-Пуха», «Боттерснайки против гамб- лов», роман Захарии Кейна, ну и все прочее, что было обеща- но. Мне снова было выдано «всего по семь» — для доставки на- роду в Пермь. Я зашатался. Перспективы на ближайшую по- ездку становились ужасающими.

Если следовать обычной логике конвента, и двигаться от конца к началу, то далее должны были пройти творческие встречи и семинары. Так оно и вышло. Семинар по фэнзинам (единственный, действительно меня интересовавший) вела Оль- га Кавеева — бессменный издатель и единственный редактор Волгоградского фэнзина «Шалтай-Болтай». Я наконец-то встретился с обоими Калининскими — Виталием и Сашей из Во- ронежского КЛФ «Оберон» (фэнзин «Редкая птица» кто-ни- будь помнит? — это они), и познакомился с Андреем Колядой, буквально только что приехавшим из Североморска — длинно- волосым напористым парнем, который намерен издавать на Се- вере свой собственный не то фэнзин, не то журнал. Как он сю- да добрался, один бог ведает, но, судя по его энергии и планам, в первом полугодии 2002-го из Североморска или Мурманска можно ждать чего-то интересного. Попутно я познакомился с Ириной Карповой — улыбчивой миниатюрной девушкой вос- точной внешности, автором «Путеводителя во волгоградской фантастике» — труда несколько сырого и недоработанного, но весьма приятного и неожиданного. К сожалению, знакомство углубить не удалось — Синякину я, знаете ли, далеко не кон- курент. Остальных (не обессудьте) я перечислять не стану — статья не резиновая... «Оберонцы» полностью одобрили наше решение присудить приз «Фэн-Дом-2001» фэнзину «F-Хобби» из Боброва и угостили меня превосходной воронежской водкой, которая меня так впечатлила, что я украдкой оторвал потом от нее этикетку, чтобы лучше запомнить название («Ровесник ве- ка», кстати говоря). Попутно я распродал половину «Лавок» и немного воспрял духом — кон, кажется, начинал удаваться. По единодушному мнению всех собравшихся, фэнзины стране не- сомненно нужны, и главный вопрос стоит даже не с их распро- странением (их так и так рассылают по почте только желаю- щим), а с наведением контактов между их издателями. В этом смысле всем рекомендую брать в пример уже упоминавшийся «F-Хобби», менее чем за год превратившийся из тшедушного самиздатовского проекта в очень неплохой журнал, ограничен- ный сегодня только мощностью копировальной техники.

После все желающие направились послушать, как было за- явлено в программке, «байки старого сталкера». Под «старым сталкером» подразумевался поэт, архивариус и коллекционер фантастики Борис Щуров. Народу в дом набилось — чуть только на стенах не сидели. Сегодня, когда Борис решилс- я выдать на суд читателей свои творения, ему уже за шестьдесят, и два вышедших сборника стихов подвели своеобразный итог пройденному пути. А путь был нелегкий. Борис читал стихи — чужие и свои, рассказывал о своей дружбе с братьями Стругац- кими. Там было множество историй из 60-х, куча редких фото- графий, кадров, переснятых с любительской киноплоски, ксе- рокопий и рисунков. Зубакина трясло. Обидно, что все это бо- гатство до сих пор лежит в архивах и широком массам недо- ступно. Хотя, вот если кто-нибудь всерьез возьмет за труд на- писать книгу о жизни и творчестве великого дуэта (Мирер, правда, уже написал, и «переплюнуть» его — дело нелегкое), то эти материалы вполне могли бы все это дополнить. Напоследок я взял у Щурова автограф на его первый сборник с неза- мысловатым названием «Стихи 1959–1999».

В тени у домика сидел и отдыхал Геннадий Мельников — еще одна легенда клуба «Ветер Времени», автор множества замечательных рассказов, к сожалению, изданных сегодня только любительски — Завгаром и его единомышленниками. Впрочем, многие до сих пор с восторгом вспоминают «Волчьую яму», некогда опубликованную в «ТМ». К сожалению, Геннадий Дмитриевич не очень хорошо себя чувствовал после недавно перенесенного инсульта, но мы все искренне надеемся, что здоровье его в самом скором времени улучшится. (Ох, много неприятностей и горя причинил 2001-й фэндому и вообще — фантастике!) Как раз к финалу «ВолгаКона» из печати вышел его новый двухтомник. К сожалению, тираж у книги — всего 100 экземпляров, но и то хорошо. Спасибо Боре, а также Сереже Зайцеву, который в рекордные сроки сверстал и подготовил все это к печати.

Изредка начинал накрапывать дождик. Мелкий и редкий. «Это ничего, — философски сказал мне на это Завгар. — Возьми зонтик. Зонтик, когда он с тобой, он от дождя... это... очень помогает». Да уж, не в бровь, а в глаз. Дождик, под который меня здесь угораздило попасть двумя днями раньше, похоже, был радиоактивным — у меня мгновенно вспухла щитовидка и обсыпало ладони. Неприятно, что и говорить.

Так. Что там дальше, если задом наперед смотреть программу? А, заезд! No problem — был заезд. Наверно, человек 15—20 подоспели только к третьему дню конвента. Андрея Коляду я уже упоминал. Прибыл Андрей Измайлов, люди с Дон-Кона, какие-то Иринкины приятели-археологи и куча фэнов из клуба «Всадники ниоткуда» (вот уж действительно — ниоткуда). Все под вечер стали кучковаться, ночью сделалось шумно. Опять много пили, Воха приволок банку черной икры, я читал отрывки из «Женитьбы Старкова», пели песни Тикки Шальен и Ревякина... Вообще, все было хорошо, если не считать, что какая-то сволочь сперла под шумок приз у Синякина, да так и не вернула. Видимо, затесался среди нас какой-то «левый» человек. Помню еще, как Кучерук загорелся идеей поджарить шашлык из баклажанов с сыром, я вспомнил, что у нас с Иринкой в холодильнике вроде бы лежит пара штук и принес их: «Ну, давай!...» Кучерук пыхтел над ними полтора часа, извел уйму хорошего сыра, все к чертям пожег и напоследок объявил, что если б у него была сковородка и побольше масла, все получилось бы гораздо лучше. Мне сразу вспомнился незабвенный Джордж из «Троих в лодке», а Воха, который с самого начала смотрел на эту суету неодобрительно, в конце концов изрек: «Только пермяк мог закупить эту синюю гадость!» и с достоинством удалился. На «новорусской» половине опять хрипели караоке. Когда я появился в коттедж, то обнаружил там человек пять, впопалку спящих на полу, на спальнике и на кроватях; из этих пяти только Майка была мне немного знакома.

Третий день начался с уже привычной раздачи призов. Борис опять пространно и много говорил, вручил очередную дюжину конных бюстиков, после чего объявил, что кон на этом закрывается, что завтра разъезд, сказал всем спасибо и удалился отдыхать. Остаток дня все провели кто как. Лично я жарился на пляже. Купаться что-то не было желания — пляж у турбазы расположен на такой стремнине, что течение сбивает с ног, а заплыть за буйки рискнет только псих, рекордсмен или Шура Олексенко. Лукин вынес гитару, утвердил ее на колене, бойко играл перебором правой, потом тянулся загипсованною левой к грифу и сокрушенно вздыхал. «Совсем как когда-то с Игорем, — горько посетовал он. — У него ведь правой кисти нет, травма отрезала, так мы тогда бывало так и играли: он аккорды брал, а я — арпеджио...» Огромные полосатые осы вились повсюду тут и там, пилили бутерброды на осколки и в считанные минуты растаскивали оставленные на столах арбузные объедки; мне даже немного не по себе становилось от такой их наглости и бомбовой нагрузки. Ночью мы выбрались на пляж, где затеяли костер. Близ кона объявился парнишка по имени Петя с гитарой; он на мах подбирал любые песни и все просил: «Налейте гитаристу!» Ну, а мы — чего нам, жалко? — взяли и налили. Раз. Потом еще раз. А потом еще. На четвертый он сказал, что на минутку отойдет, и исчез до утра. (На следующий день я повстречал его, и он признался грустно, что «вернуться уже не смог». «Разучилась пить молодежь, — покачал я головой, — а ведь этот, к тому же, один из лучших...»). Олексенко в глухую полночь снова лез купаться, Воха пел, мы тоже пели. Ближе к середине ночи на другой стороне громыхнул салют. Самый настоящий, залпов десять — самые разнообразные, весьма прихотливые. Все обалдели. «Крут стал наш Завгар, — с оттенком уважения присвистнул кто-то, — глядя — уже салюты заказывает...» Борис, кстати, на следующий день нагло приписал себе всю честь устройства пороховой иллюминации, хотя на эти десять залпов не хватило бы никаких его денег, даже если продать всю Борину квартиру вместе с книгами и им самим. И так вот, с салютом, с угасающим костром, как в

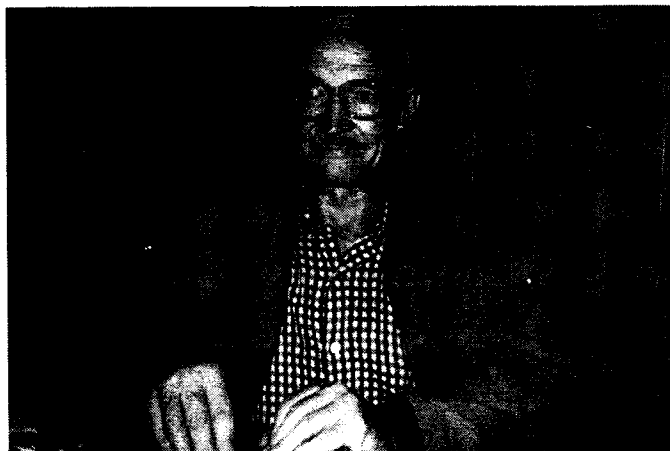
старое доброе пионерское время, «ВолгаКон» пришел к концу. На следующий день был разъезд. Но и только. Лазарчук и Андранати отправились на дачу к Лукиным — погостить и поработать над новым романом. Я же, не мудрствуя лукаво, напросился в гости сразу к Зайцеву, Завгару и Иринке Ясиновской, и остался коротать в городе-герое свои две недели до Харькова.

ВЫБУХ ГОДА

«В это время со стороны Тифлиса в Дарьяльское ущелье вошел отец Федор. При переходе через крестовый перевал (2345 метров над уровнем моря) его укусил орел».

Ильф и Петров.

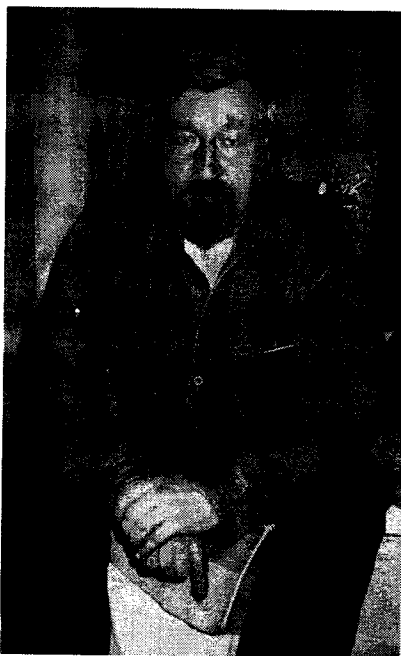
У Завгара и у Зайцева я кантовался две недели, как и было мне обещано. Спал то на полу, то на диване, научился жарить баклажаны, подружился с Зайцевым и объел все груши у него на приусадебном участке, помог Завгару спроводить гостей, завершить ремонт и ликвидировать последствия ремонта, взял интервью у Сергея Синякина, как только удалось съездить к нему домой, в соавторстве с Ириной Ясиновской вчерне закончил новую повесть... сам удивляюсь, как я много там успел! И наконец автобусом, в компании Завгара, Иры и Сережи Зайцева я выехал на «Звездный Мост».

Владимир Савченко.

Спать в автобусе — сами знаете, каково это. Хреново спать. А уж в «Икарусе»... Я укладывался так и этак, но все равно просыпался каждый час. Это если еще не считать тамошни... э-э... двух. Но пробуждение свое в Харькове я запомню навек. Кто-то включил в салоне телевизор, и первое, что я увидел, открыв глаза, были кадры взрыва небоскребов на Манхэттене. Дикторы трещали, словно заведенные, никто ничего не понимал, пассажиры недоуменно переглядывались. Наконец, с пятого или шестого повтора, моего знания украинского и английского хватило, чтобы разобраться, что к чему.

До вокзала мы доехали уже в состоянии грогги. Ладно, хоть Лена Кулинич нас вовремя встретила. В этот год на «ЗМ» гостей ожидалось человек двести. В гостинице «Турист» проводился ремонт, номеров не хватало, царил нездоровая суета, все перепуталось. В связи с событиями в Штатах возникли проблемы с обменом валюты. В общем, нервы у всех были на пределе. Многие не смогли приехать. Дивов, например, «пролетел» с обменом паспорта. Лазарчук просто устал и не поехал. В последний момент отказался прибыть Головачев, Гинтас Иваницкас тоже отсутствовал. «Срезали» рейсы Ладыженскому-старшему из Чикаго и Льву Вершинину из Хайфы... В общем, безумие «ВолгаКона» оказалось заразным и дало мощный рецидив. С гудящей головой я заселился в номер вместе с Зайцевым и Завгородним и стал ждать продолжения. Как следствие, этот первый день перед конвентом я помню сумбурно — было как-то не до того. Впрочем, напряжение вскоре немного спало — в конце концов, Украина, это не Америка и даже не Россия, небоскребов здесь нет... Телевизоры повывключали — надоело. А вскоре подъехал Леша Ена, и кривая моего настроения окончательно полезла вверх. Бессонов с ходу прихватил под мышку

Николай Чадович.

Воху с Юликом и уво-лок обоих на репети-цию, пообещав остав-шимся большой сюр-приз. В оставшееся время мы расслабля-лись, спали, бродили по городу и пили живи-тельное харьковское пиво. Завгар с Серегой Зайцевым уехали на книжную балку, я же решил с этим делом по-ка повременить. Ночь прошла спокойно. Из новых людей очень приятно было познако-миться с Леонидом Ка-ганом (хазарин он, что ли?) — книготоргов-цем и фэном из Мин-ска. Узнал про себя много интересного... Помню, я все время сталкивался с Ларионо-вым навеселе, после че-го мы обменивались экстравагантными ком-плиментами, навроде: «А, мой любимый пи-сатель!» и «А, мой люби-мый читатель!» Воха

завывал всех обязательно сходить на завтрашний концерт, а мы с Бессоновым то сидели в моем номере с пивом, то бродили около гостиницы и говорили о своем. Игорь Федоров подарил мне свою, только что вышедшую книгу «Новое небо». Отрад-но, а то предыдущая у него выходила... выходила... дай бог па-мяти, как давно она выходила — лет десять назад!

В комнату к Жене Медведеву заселился круглолицый, плотный, кавказского вида молодой человек в тяжелых ро-говых очках, с драконами на галстуке. Оказалось, это Джордж Локхард. Тот самый, из Грузии. Тут же встал вопрос, как его называть, а то «Георгий» — как-то слишком официально, «Го-ша» — фамильярно, а «Джордж» — неудобно... К счастью, он сам об этом позаботился: на бэджке поверх длиннющей и чисто грузинской фамилии было от руки приписано: «Дракоша». Так его и звали. Общительный, хотя довольно резкий в суждениях, Джордж поразил меня тем, что акцент у него не грузинский, а... английский (если только он не торопится). Как оказалось, он профессиональный переводчик, раньше работал в МИДе Гру-зии. По слухам знаю, что в интернете Джорджа недолюблива-ют, но я человек тотально не сетевой, так что мы с ним отлично поладили. В Россию он не ездит прин-ципиально, поэтому встре-титься с ним удалось толь-ко на украинской земле. Джордж привез на «Звезд-ный Мост» собственноруч-но им составленную «Эн-циклопедию драконов» на компактe, пытался отыс-кать единомышленников и не успокоился, пока не об-наружил двух девушек — Иринку Ясиновскую (ко-торая «Дракончик»), и еще одну по имени Оля, которая «Дракон». Радос-ти Джорджа по этому по-воду не было пределов. Говорят, у него дома от драконов нет прохода: драконы плюшевые, дере-вянные, пластмассовые, керамические и просто — нарисованные у него вез-де. Наверное, и парочка живых где-то припаркова-на. Есть фотография, где он весь по уши в драко-нах. Джордж был общите-лен и весел, трескал

«M&M's» и все страдал на тему: дадут ему «лучший дебют» или нет. Черт возьми, знакомое состояние!

Основные два заезда были из Москвы и Киева. Творчес-кая мастерская «Третья Сила» прибыла почти в полном соста-ве, но припозднилась и в итоге вынуждена была поселиться в гостинице «Харьков». Ближе к полудню второго дня гостини-ца заполнилась народом. Приехали Вася Владимирский, Во-лодя Пузий, Глеб Гусаков, Кайл, Хаврюченко, Митяев, Май-ка, Ира Шрейнер с подругой, Афанасьев и Косенков с супру-гами, Таня Каменских, Лена Долгова... ох, много, кто при-ехал. Очень обрадовал Олег Овчинников, привезя мне фото-графии с «РосКона». Дуэт Дяченко представлял на этот раз Сергей. После «РосКона» снова стал ездить по конвентам Са-ша Бачило. Наконец разобрались со взносами. Ирка Ясинов-ская заселилась в номер конспиративно, я же предпочел упла-тить полный взнос. Андрей Белянин привез на конвент двух девушек из Ростова-на-Дону — миниатюрную светловолосую Банны и ее обаятельно-мрачную подружку Женю по прозвищу «Эльрик». Банны оказалась художником, главным консуль-тантом и прототипом главной героини при написании Андре-ем «Сестренки из преисподней», на бэджке у нее так и было на-писано: «Банны Усаги Цукино». Клонируют этих Лун-в-Мат-роске, что ли? Очаровательное создание. (Обе.) И при этом — явно душа не на месте.

С Таней Каменских приехала уйма интернетчиков, знако-мых до того, в основном, по чату. Я в их обществе теряюсь и все время ищу кнопку мышки. Бэджи пестрели никами. Запом-нились Локи, с которым я уже был немного знаком, и Джек-из-Тени, — востоковед, переводчик и ярый любитель фантастики, — невысокий блондинистый малый с сумасшедшими глазами и наколотым тигром на плече, щеголявший в рубашке на голое тело с оторванными напрочь рукавами. В общем, к открытию я уже вполне пришел в нормальное состояние. Весь день искал Наташу Игнатову, чтоб познакомиться и поздравить с класс-ным дебютом, но так и не смог ее найти. Зачем-то нахамил Фе-де Березину. Впрочем, как сказать, «нахамил» — безо всякой задней мысли сказал ему, мол, книги ты пишешь хорошие, только названия дурацкие: «Пепел» — еще куда ни шло, но «Огромный черный корабль»... Ну ладно, сказал и сказал, он, похоже, не обиделся.

С автобусами опять произошла накладка — долго ждали, долго ехали. Долго, зато весело. Открывали конвент опять Ма-каровский и Черный. На сей раз опыт прошлого «Моста» был учтен и все мероприятия были сведены к необходимому мини-муму: никаких здравниц, никакого хлеба-соли, все четко, крат-ко и по существу. Зал в этот раз был полон — яблоку негде упасть, я едва нашел свободное место. Аппаратура на сцене уже была установлена, и сразу после приветственных речей Юлик, Воха и Бессонов + ребята из «Пасхального шествия» дали жару на двадцать минут, отыграв четыре песни Юлика, две — Во-хи и сколько-то чужих. По-моему, было круто, особенно «Ва-

Харьковские фармацевты подсказали Сергею Лукьяненко название для нового романа.

Роман Злотников и Алексей Бессонов (в форме подполковника Игоря Черного).

силиск», «Бухгалтер Иванов», из которого сделали классное reggae, и «Марш Бойцовых Котов», от которого вообще шли мурашки по спине. Концерт записывался, и Олди обещали к следующему «Звездному» почистить пленки в студии и выпустить компакт. Сами же Олди к этому году записали свой первый диск «Я обещаю вам сады» — избранные вещи, — свои и друзей, на тему своих произведений.

После концерта в фойе обнаружился Александр Зорич. Точней «1/2 Зорича» — художавший молодой человек, забравшийся на парапет и призывавший всех желающих идти в культурный центр «Бейт-Дан» на диспут. Но Злотников с Бессоновыми уже отловили в толпе Джорджа, Лену Долгову и меня, и поволокли всех троих на встречу с читателями в книжный магазин «Books». Такая судьба. Еще раз убеждаюсь — писатель и журналист в одном лице, увы, несовместимы, — непременно что-то пропустишь, не там, так здесь.

В «Буксе» было людно. Мы расположились на втором этаже, где подполковник Злотников и Леша затеяли с читателями бурную дискуссию на тему, дескать, на кой хрен нам фэнтези, если есть такой крутой жанр, как боевик. Я предположил из этого спора поскорее выпасть и общался больше с кучкой интересных ребят с местного философского факультета — беседа с ними мне доставила истинное удовольствие. Напоследок мне подсунили на подпись роскошный, только что изданный рекламный плакат А. Зорича. Я слегка обалдел: ну, Зорич, да, а я-то тут при чем? «Да вы распишите, вы ведь тоже фантаст!» Делать было нечего, я написал на обороте: «ВРИО А. Зорича, Дм. Скирюк» и поставил свою подпись. Совершенно умилил меня один молодой человек, спросивший после этого: «А что такое — ВРИО?»

На ужин идти меня Джордж отговорил. «Зачем тебе этот ужин? — эффектно вскидывая руку, спросил он меня. — Идем со мной на телемост!», «Но я есть хочу!», «Есть хочешь? Держи! — он сунул мне пачку «M&M's». — Здесь и молоко, и шоколад! Как думаешь, мне дадут лучший дебют?» Возразить мне было нечего, я наглотался глазированных шариков и мы двинулись в парк, к большому экрану. Телемост как раз миновал фазу «интервью с толпой» и готовился к прямому включению. Дмитрий Громов втиснул нас в ряды присутствующих писателей, и все завертелось. Вопросы были разные. Неприятно огоршило количество ролевиков из разных городов и весей. В итоге большинство вопросов сводилось к некоей усредненной теме, типа: «Как отражается заточка мечей («...клепание доспехов...», «...реконструкция кухонной утвари...») на написании вами фантастических произведений?» Еще народ упирал на возрождение «национальной идеи» в Украинской фантастике. Кто-то в камуфляже, помню, даже песенку по этому поводу спел. Резко разделились мнения на тему «Для кого вы пишете». Большинство высказалось, что, мол, только для себя, а читатель здесь — не главное. Я опять выглядел белой вороной и каркнул, что по моему мнению (imho — так, кажется, сейчас говорят?), любой творческий человек, который делает свои произведения достоянием общественности, а потом говорит, что

он творит только для себя, в некотором роде лжет. Но это разговор не на одну статью. А так, в общем, телемост был, как телемост. Волнующе, занятно, хоть и несколько сумбурно, но в целом — ничего особенного. Кому что, а мне запомнилась маленькая девочка в драной курточке не по росту, все время пытавшаяся пролезть через ограждение и попасть своей чумазой мордочкой в камеру. Ну совершеннейшая Акулька. Телевизионщики ее гоняли и таскали за уши, но она упрямо лезла вновь и вновь, пока ее не приглубил Саша Громов. Так и хотелось сказать: какое самосознание? Какая идея? Вот с этим сначала разберитесь, жизнь в стране налаждте, а потом с национальной «идеей» носитесь... Не сказал. До сих пор жалею.

После телемоста нас (меня и Локхарда) загарпунили Вася Мельник и оба «Зорича», — пришвартовали, втащили на палубу и повлекли в гостиницу «Харьков» пить коньяк. Писатель Зорич оказался двухголовым — тот самый молодой человек, который уже упоминался выше, и блондинистая девушка, кои в сумме и составляют этого харьковского писателя. Кроме шуток! У меня есть их фото, а в бумажнике лежит визитка, вся в муаровых разводах от пролитого коньяка: «Александра Зорич, канд. филос. наук». В гостинице, в роскошном номере я сразу потерялся. Стало стыдно за свои вихры и драные кроссовки, я уселся на пол и упрямо ноги под себя. По счастью, говорил, в основном, Дракоша — много рассказывал о Грузии и тамошней жизни. Все охали и цокали языками. На обратном пути мы зашли к Василию забрать авторские (Локхард — своих книг, а я — сборника «НФ-Звездный Мост» с моим рассказом), и после двинулись в гостиницу, таща за ручки сумку с книгами и рассказывая друг другу суфийские притчи из жизни Ходжи Насреддина, чем перепугали половину пассажиров харьковского метрополитена.

Здесь необходимо сделать маленькое отступление. В «Турист» мы с Джорджем пришли поздно — в половине первого, и я не могу сказать, что произошло в гостинице в тот вечер. Знаю только, что что-то неприятное, ибо застал Иришку Ясиновскую и еще пару людей в страшном расстройстве. Все домыслы оставляю на совести сплетников и очевидцев, а сам промолчу. Могу только еще раз позвать руку Вохе, который в самый короткий срок нас всех обратно помирил и успокоил. А вообще, срывов на этом конвенте было больше, чем достаточно — срывались все, кто раньше, кто позже, и давайте не будем об этом случае вспоминать.

На следующий день планировались семинары, прения и вообще много интересного, но еще вчера Володя Пузий попросил меня составить ему компанию для встречи со школьниками в центральной детской библиотеке. Я согласился, но нужные были трое. Где-то в фойе поймали за рукав Сережу Зайцева: «Третьим будешь?» Тот не стал протестовать. В итоге в этот день, как только Володя закончил свой доклад на семинаре у Шмалко, сразу отправились с Леной Кулинич ловить такси. Зал в библиотеке был полон детей и школьников. Ума не приложу, как их туда завлекли, добровольно или принудительно, но лично я был просто потрясен. У нас в Перми, если организовать подобное, придут от силы человека два-три. «Ну, готовься, — вполголоса сказал я Зайцеву, — сейчас автографы будешь раздавать». «Да иди ты...» — фыркнул тот. Вроде, все прошло удачно, только приходилось часто осаживать Володю, который городил такой словесный лес... Ну нельзя так — дети все же! Зато Пузий совершенно очаровал ребят своим новым проектом «Волшебный сундучок». Суть его такова: он пишет книгу, где казак везет полученный от «чорта» сундучок незнамо с чем, и должен зарыть его, не заглядывая внутрь, в каком-то оговоренном месте. А здесь, у нас (в реальной жизни!) читатель должен найти это место, и первым скольким-то, нашедшим его, торговая компания даст приз. Да, игра. Но какая! Напоследок кто-то из учителей задал вопрос, какую литературу надо читать в школе. Я взбеленился и сказал, что го-моему, в школе вообще нельзя заставлять что-то читать, можно только рекомендовать, ибо все, что мне вколачивали на уроках литературы, кроме Гоголя и Достоевского, у меня по сей день вызывает стойкое отвращение, и что если мои книги, не дай бог, будут преподавать в школе, я сразу застрелюсь. Когда все кончилось, ребята выстроились в очередь с тетрадками и дневниками. Вы будете смеяться, но я впервые расписывался в дневнике! Пришлось

поработать. Вот ведь как вышло в итоге: я пошутил, а Серега и впрямь потянул сухожилие...

Обед был поразительно роскошен. В кабачке в саду Шевченко каждому выделили кредит на 15 гривен (примерно 75 рублей). Лично я оттянулся по полной, с курицей по-китайски и горячим шоколадом. После был семинар молодых авторов; вели его Ладыженский и Громов. Вскоре я уяснил, что 90% вопросов повторяют вопросы таких же семинаров прошлых двух лет, и только поинтересовался, не подскажет ли кто способ, как лучше организовать и распространять журнал. К сожалению, ничего дельного по этому поводу так и не было сказано.

После были: выставка картин на конкурс «Портрет Дориана Грея» и конкурс «Мастер Фэн-До». Выставка происходила как и в прошлые года, только на сей раз картины не рискнули прикрепить на стену, а поставили на полочки, с которых они падали от малейшего дуновения воздуха (каюсь: сам уронил несколько штук). Наконец-то увидел работы Александра Семякина, вновь вышедшего «на арену» после долгого творческого перерыва. Среди толпы порхала Банни в синенькой матросочке, улыбалась и позировала для фотоснимков (где мои 17 лет?!); весь нижний ряд выставки занимали ее работы — яркие картины в стиле «анимэ», надо сказать, очень профессионально нарисованные. К сожалению, иллюстрировали они только сериал «Сэйлор Мун». Несколько работ сразу же купили. Я заинтересовался, что, дескать, жаль, что это всего лишь манга, и был им сурово поставлен на место: «Не знаешь, — молчи. Я просмотрел, когда работал над книгой, N-цать видов манги, так можешь мне поверить, — работы Банни здорово из всех канонов выделяются!» Я заинтересовался. Из дальнейшей беседы выяснилось, что грядет переиздание трилогии «Меч без имени» в одном томе, а также «Сестренки...» — все с иллюстрациями работы Банни. «А! — оживился я. — Так это же то, что надо! Пусть привозит иллюстрации», а сам решил познакомиться с Банни и Эльриком поближе. Познакомился с огромным удовольствием, а Эльрика зазвал прийти вечером в номер к Ире Шрейнер на предмет пообщаться. В толпе кругами ходил Лёня Каган и сокрушался, что не успел купить картину Банни, которую он облюбовал — опередили. «Ничего, — утешил его я, — на следующий год она еще привезет». «Да, но ведь НЕ ЭТУ!»

В номинации «Мастер Фэн-До» победил Сергей Дяченко. И надо было видеть, как победил! Хотя мне очень понравились сценки, разыгранные Олегом Духовым — парнем из группы Ладыженского. Третье место занял Дмитрий Громов. Кстати, его сын Сергей, тоже тренирующийся в секции Олега Ладыженского, был едва ли не главным участником всех жанровых сенок. Все-таки, это здорово. Ничего подобного я на всех прочих конвентах не упомяну. Всякий раз жалею, что это нельзя описать. Может, видеокамеру в следующий раз захватить? Хотя нет, я там и так бегал, как лошадь, стремясь везде поспеть. Где бы храбрости набраться, чтоб и самому поучаствовать?

Среди прочих, присутствовавших на конвенте, упомяну молодого человека в инвалидной коляске, который приехал в Харьков в сопровождении двух своих друзей. Как я вскоре выяснил, то был астрофизик и писатель из Николаева Вячеслав Астров-Чубенко. Из-за всей этой суеты и беготни я так и не успел с ним познакомиться и побеседовать, о чем сейчас очень жалею. Тогда же я счел, что неплохо бы сперва было почитать его творения (а одно из них, — «Дерьмовочка», — было даже проиллюстрировано на выставке), а уж потом говорить, но пока я их искал, начисто забыл об этом. Уж слишком я пытался поспеть везде, даже с поэтом Самей Куринным, который с ним приехал, мне поговорить не удалось. Позже, когда мне в руки попала газета с рассказом Славы «Последние пять минут», я был по-хорошему удивлен и раздосадован: блин, как же это я! Можете меня ругать последними словами, и тогда я на следующем конвенте буду так же, как и все сидеть, отдыхать, читать любимого Харуки Мураками, пить пиво, двигаться неторопливо и оттягиваться, но и замечок тогда от меня никаких не ждите. А Слава Чубенко... Вы еще услышите это имя.

Медаль от ТМ «Второй блин» вручили Дмитрию Ватолину, «гигамэтру и мегабосу, Атланту «Русской фантастики» — за труды на виртуальных пажитях фантастики.

Далее я буду чувствовать себя неловко, если промолчу. В этот вечер со мной произошел неприятный инцидент. По сути — ничего особенного, ерунда, ошибка на ошибку: один не так сказал, другой — не то услышал... Но тяготы пути и напряжение прошедших дней спровоцировали у меня нервный срыв. Леша Ена и Ира Шрейнер уволокли меня к себе в номер, где долго отпивали коньяком. Я уже говорил, что все мы на этом конвенте были взвинчены, так что толку повторять? В разгар объяснений, когда Енот вылил мне на голову коньяк за неимением под рукой воды, пришла Женя (Эльрик), все вылилось в веселую истерику и после как-то сразу утихло. Честно гово-

ря, я очень благодарен судьбе, что у меня такие друзья. Хотя теперь, если у меня одна половина головы облысеет раньше другой, я по крайней мере буду знать, что тому причиной — коньяк или его отсутствие.

К ужину в этот день заявился парнишка с Одессы под ником «Storg Bringer» (до сих пор не знаю, как зовут), разыскал там меня, пожал мне руку и с чувством сказал: «Спасибо Вам за «Старкова» (имелись ввиду моя ранняя повесть «до-лисьего» периода). Я опешил: «Где ты его откопал?!» Оказалось, эти вещи были изданы на каком-то диске с интернетскими библиотеками. Я растрогался, погрузился в воспоминания и долго рассказывал о том, какой это было время, и как я тогда жил. Более внимательного слушателя у меня в жизни не было! Странный народ попадает порою на конвентах...

Разошлись поздно ночью, а на следующее утро, как и в прошлый год, отправились на полигон играть в пэйнтбол. По дороге произошел еще один забавный казус. В поездках Харьковского метро я с удивлением обнаружил рекламные плакаты с изображением трех богатырей, надписью: «ПЕЧЕНОЧНЫЙ ДОЗОР» и совершенно Штерновской припиской: «Защитим печень родимую от». Я с каменной мордой прошелся по вагонам и сорвал штук пять, два из которых подарил один — Лукьяненко, другой — Васильеву, предварительно взяв с обоих автографы. Собственно про пэйнтбол написать что-то новое сложно, за исключением того, что прошлогоднего «супербизона» Чадовича выбили первым же выстрелом (в глаз), команда «Фэнтези» уступила первенство команде «НФ», а победителями стали (в порядке убывания): Дмитрий Ватолин, Игорь Ткаченко и Ира Ясиновская. Был забавный эпизод: бойцы были в масках и болельщики никак не могли идентифицировать одного, с длинными волосами, собранными в хвост. Уже сошлись на том, что это — Бессонов, но потом решили, что вряд ли Енот надевал бы женские туфли. Оказалось, это Эльрик. Сам же Бессонов обнаружился позади толпы: они со Злотниковым как раз выкрали парадку подполковника Черного и теперь позировали в ней для фотографов. Как обычно, наблюдать оказалось интереснее, чем сражаться: стрельба, беготня, мандраж с переодеванием... Выплеск адреналина, конечно, страшный, но меня довольно быстро отстрелили, и оставшееся время я провел время в беседе с Кэтрин Кин, из которой опять узнал о себе... гм... много нового. Обед народу привезли прямо на поле боя в больших армейских термосах. После сражения, когда все добрались до кафе возле Университета, я наконец нашел Игнатову — застенчивую девушку в очках и неизменной бейсболке, и вогнал ее в смущение, наговорив ей кучу комплиментов. Познакомился поближе с Бабкиным и Тыринным, отловил Владимира Бычинского (он приехал позже) и выцганил у него пачку «Слепых василисков» — надеюсь, не залежатся. Никто никуда не хотел идти, все активно пили пиво и расслаблялись, готовясь к закрытию.

На пресс-конференции, проходившей в это время, произошел забавный инцидент с моим участием. Леша Бессонов на вопрос «Как вы пишете?» долго говорил, что он, вообще-то, барабанщик, а пишет боевики, и литература для него — не более, чем процесс, а вообще он «Igon Maiden» любит. В конце кто-то в зале спросил: «А как зовут того автора с косой? Мне его ответ понравился, хочу его книжки почитать». Леша стал говорить, что это у него не коса, а хвост, я перехватил у него микрофон и сказал, что: «Автор с косой — это Смерть!» (Бессонову это, в принципе, подходит.) Зал рухнул. Горжусь — не часто так удачно попадаю...

Наверное, уже можно говорить о некоей традиции закрытия харьковского конвента, когда на сцену выставляется стол с шахматным рядом кадуцеев, и другой, на котором установлено нечто среднее между портативным опреснителем и самогонным аппаратом, а сам процесс вручения напоминает театральное действо. Но на сей раз харьковчане переплюнули сами себя. В прошлый год Макаровский разыгрывал сценки вокруг Лукьяненко, а в этот — сам попался в лапы Злотникову, который чуть не зарубил его хрустальным мечом, залитым для крепости перцовой водкой. На сцену, вызвав в зале общий хохот, вынесли два ящика «одноразовой» лапши от спонсора MIVINA (смех смехом, а народ все растащил в ближайшие полчаса). Мэтр Савченко сказал пространную напутственную речь, заставить его умолкнуть удалось лишь алхимической ведьмочке, да и то — поцелуем. А вот когда объявляли победителей в разных номинациях, меня ожидал настоящий сюрприз — я поделил третье место с Бурцевым. Вот уж не ожидал, честное слово, хотя и надеялся, — а были в списке вещи более достойные. Но все равно был очень рад. Локхарду, кстати, дали второе место в номинации «Дебют года», и со сцены Джордж ушел другим человеком, сам видел. Весь конвент вертелся в голове строчки стихов, посвященных Локхарду, но когда все окончательно оформилось, Джордж, к сожалению, уже уехал. Привожу их

здесь полностью, без всякого намерения Дракошу обидеть:

Грузинский горец и английский лорд —
Опаснейшая смесь в одном флаконе! —
Он появился как — то раз на коне,
И вопросил: «А кто со мной пойдет?»

Кто мне потрафит, старому Дракоше?
Кому огонь в груди всего милей?
Захочет кто покинуть мир людей?
Кому драконья кровь всего дороже?»

На ярость права нет, — такой уж тут закон, —
(Как страшен гнев дракона, знают все!)
И вдруг к нему по взлетной полосе
Идут две девушки — «Дракончик» и «Дракон».

«Мы — с Вами, Локхард!», «К вылету готовы!»
...Георгий улыбнулся, поднял тост,
И громко, с выраженьем произнес:
«Драконий клин отныне сформирован!»

Так что подумайте, кому дадите приз,
Коль не хотите, чтоб к финалу кона
Произошла атака трех драконов
На здание гостиницы «Турист»!

К сожалению, в своих прогнозах я ошибся в отношении Игнатовой — «Меч без имени» вручили Сергею Фрумкину из Витебска, Наташа удостоилась лишь «малой формы» — «Кинжала без имени», зато специально для нее учрежденного. Вдобавок, Наташа взяла третье место за дебют.

Завгар залез на сцену и раздал доставленные с «ВолгаКона» призы, а затем и сам на пару с Зайцевым удостоился глобуса Украины за лучший самиздатовский проект года — «Рось квадратная, изначальная». В конкурсе эпиграмм победил Володя Пузий с эпиграммой на Лазарчука:

Зима. Снежок. Зубов печальный стук.
По пляжу бородач бредет раздетый.
Но нет, это не морж. Всего лишь Лазарчук
в который раз опаздывает к лету.

Потом опять явился миру чернокнижник Мацапура-Коложанский, толкнул речугу, вызвал многих (в том числе и меня) гуртом на сцену, где нас всех построили и посвятили в Харьковские казаки. Налили перцовки, нарезали сала простого и в шоколаде (кроме шуток!), сказали напутственное слово и отправили восвояси. Ритуал, однако! Что же получается, — рассуждали мы потом с Васей Владимирским, едуци домой, — мы с ним теперь казаки? Это надо отметить...

«Отмечание» не заставило себя долго ждать. Все перефотографировались, перебрались и направились в гостиницу, где начинался финальный банкет. Много было сказано и много выпито, настроение мое прыгало все выше, пока не сорвалось с карниза: у меня пропал фотоаппарат со всеми снимками конвента, причем, не мой, и когда полчаса упорных поисков ничего не дали, я сорвался и, как написал потом в своих заметках Storm Bringer: «чуть не раскатал отель по камешкам» и кого-то там перебудил из VIP-персон. Фотоаппарат в итоге нашелся, а Юлик Буркин помог мне окончательно успокоиться. Золотой человек Юлик... «Надо учредить новую премию, — глядя на меня, задумчиво сказал на следующий день Вася Владимирский, — «Выбух года»! Ты б ее определенно в этот раз удостоился». «Не шути так, — мрачно возразил я, — вон, в Штатах уже это... удостоились. Выбухнули». Так что простите, если что.

В пять утра я вышел из номера проветриться, застал в фойе ребят из «Третьей Силы» в

полном составе и провел в содержательной беседе с ними все оставшееся время до полудня. Потом был поход на книжную балку и дружеский визит к Громову, где мы слушал толкинистских бардов и «Notre Dame de Paris», много фотографировались с Брониславой, Эльриком и Банни, пили чай и ели всяческие вкусности, и вообще очень приятно провели время. Запомнилась фраза, сказанная Громовым после ухода Юрия Белова и его сподвижников: «Ну вот, наконец можно расслабиться», и вторая — Ладыженского: «Нельзя: Скирюк еще здесь», и общий смех по этому поводу. В гостинице, в номере у Корепанова стоял дым коромыслом: там праздновали отъезд, и праздновали так, что сам Корепанов опоздал на поезд, а Борю Завгороднего едва не напоили до положения риз. Мрачный Серега Зайцев в итоге взял его под ручку и отбыл вместе с ним на историческую родину. В штабном номере кучковались оставшиеся, там пили, терзали арбуз и раздавали всем желающим «Олдевку». Олег Кулинич, уходя, напоследок поделился информацией, что на следующий год харьковчане собираются устроить... конвент любителей детектива. Ох, сомнительно мне что-то, даже если брать в расчет Маринину и Чхартисвили, которых они планируют пригласить. Но дай бог им удачи в этом начинании, как и во всяком другом.

Спать я остался в гостинице инкогнито, в номере у Васи Владимирского, за компанию с которым я твердо решил на следующий день ехать в Питер на «Странник». У Василия в тот вечер был день рождения, мы взяли выпивки, закуски и просидели всю ночь с Леной Каганом, Васей и девушкой Олей-«Драконом», а на следующий день мы с Васей загрузились в поезд и отправились в северную столицу.

Анабасис продолжался.

ПОСТОРОННИМ В. В.

«Особые плакаты извещали граждан о последнем арбатовском нововведении в области народного питания: «Пиво отпускается только членам профсоюза».

— Удовлетворимся квасом, — сказал Балаганов».

Ильф и Петров

Осенний Питер встретил нас ослепительным солнцем и мокрым асфальтом — он это умеет. Невский и окрестности были по-прежнему перекопаны вдребезги и пополам, везде громоздились кучи привезенного песка и вывороченных плит. Народ, приехавший на «Странник», заселяли в гостиницу «Советскую», близ Московского проспекта. Денег не было. Без лишнего стеснения я воспользовался приглашением Васи Владимирского и заселился к нему домой, аккредитовался на «Страннике» как представитель прессы и через день появился в

Японские исследователи турбореализма Норихиро Ооно и Кодзи Миякадзе, а также Вячеслав Рыбаков — с книгами Ван Зайчика.

Юсуповский особняк, где происходило открытие. Почти сразу повстречал уйму знакомых: «И ты здесь?!» Встретил Августу Косареву, которая теперь уже Августа Ройфе. (Вот всегда так — не успеешь толком с девушкой познакомиться, как она уже фамилию сменила!) Нашел Загородного и подарил ему пару книжек из авторских, которые он сразу залил водкой. Случайно залил. Так сказать, заспиртовал. Долго сокрушался, выжимал их, просушивал странички, потом его осенило: «А давай мы их японцам подарим! Они тебя там переведут и издадут, а ты мне потом другие пришлешь!» Японцы, кстати, оба были здесь — и Норихиро Оноо, и его молодой коллега Кодзи Миякадзе. Запомнилась такая фишка: фамилия «Миякадзе» переводится с японского как «дует ветер»; так вот, адрес в интернете у этого парня пишется как K_VETER. Надо было видеть, как Кодзи гордился этой своей придумкой, которую в Японии способны оценить, наверно, только двое — он и господин Оноо! Василий Владимирский, поговорив с ними и узнав, что оба часто читают в интернете его статьи, совершенно расчувствовался: «Представляешь, они меня ТАМ читают!» Василий, кстати, подготовил к этому конвенту целый тематический номер «ПИТЕРbook+» (девятый), содержащий уйму обзорных статей, презентаций и заметок с прошлых конгрессов. Титанический труд! Пользуясь случаем, я прихватил с собой в Пермь пару свежих номеров и штук пять старых.

«Вот чьей энергии я завидую!» — глядя на меня, с усмешкой заметил Юлий Буркин.

Я еле стоял на ногах. По счастью, народ на все мероприятия развозили из гостиницы на автобусах. Окрестности все были перекопаны и забиты припаркованными машинами (некоторые уже заржавели). Со времен «Авроры» над Питером довлеет тема вечного прикола. Длинные как баржа стеклянные туристские автобусы едва вписывались в узкие проулки — Питер в этом смысле город совершенно трушобный. Я все время втягивал голову, с минуты на минуту ожидая сервизного грохота и крошек битого стекла, однако обошлось. Оставалось только поражаться мастерству водителей.

В отличие от других конвентов, «Странник» — мероприятие закрытое и как бы не для чужих. То есть, это классическое: «Добро пожаловать, или Посторонний Вход Воспрещен». Устроители всякий раз из кожи вон лезут, чтобы придать своему детищу видимость элитарности и налет аристократизма. Хотя, в принципе, Питер, где музеев больше, чем домов, к этому располагает. Торжественное открытие состоялось в Юсуповском особняке, где все коридоры были огорожены малиновыми шнурками, а служащие коршуном пикировали на тебя с гневными криками, если только ты прислонился к мраморной стене. Всякое панибратство исключалось; все ходили по струнке и чинно раскланивались. На входе стоял охранник в камуфляже. Двигаясь по возможности аккуратно и избегая отклоняться от маршрута (пристрелят еще ненароком...), я прошел в конференц-зал, где уселся в уголке и постарался не отвечивать.

Открыл конвент Николай Ютанов, поздравил всех присутствующих с ежегодным, шестым по счету конгрессом, после чего выступили с короткой речью: заместитель мэра Санкт-Петербурга, устроители конвента и представитель генерального спонсора (корпорации «ГОСТ»). За сим перешли непосредственно к награждению. В этот год, помимо собственно премии «Странник», происходило также вручение различных «мечей» — особых питерских наград, вручаемых писателям по итогам двух прошедших лет. Процесс вручения претендовал на некую театрализацию, впрочем, довольно безвкусную — какой-то «недовельможа» в красном кафтане и его напарник-скоморох вскрывали конверты и оглашали имена победителей. «Оглашенные» поднимались на сцену, где получали вожделенную железяку, говорили ответное слово и спускались обратно. «Меч Руматы» получил Андрей Лазарчук. «Меч в камне» несколько удивил — вручили его Кириллу Еськову, в жизни не написавшему ни одной самостоятельной книги. «Меча в зеркале» удостоился Хольм Ван Зайчик. Вячеслав Рыбаков поднялся на сцену как доверенное лицо, принял награду и клятвенно пообещал, что передаст ее автору из рук в руки. «Ах, ах, — закурились вокруг репортеры и корреспонденты прессы, — а Вы с ним знакомы? Ах, ах, а где он живет? А как вы с ним общаетесь?» Рыбаков без тени улыбки ответил на все их вопросы: «Знаком. Знаю, где живет. Общаемся по интернету, и с достоинством удалился. «Лунный Меч» — удивительной сложности оружие — получил Андрей Столяров. «Несколько лет назад, — сказал он в ответной речи, — когда мы придумывали эти премии, я еще подумал: «Как красиво это звучит: «Лунный Меч!» А теперь вот — сам удостоился». Не знаю, как Столярову, а лично мне сделалось как — то неловко. Не хочу никого обидеть, но как-то это выглядит... ну, не знаю... ну, как если бы Андрей Белянин получил вдруг «Меч без имени».

Последний меч — классическую шпагу — получил народ-

ный д'Артаньян Российской Федерации Михаил Боярский. Под его предводительством все награжденные дружно отсалютовали публике и фотографам, на чем все и закончилось.

Еще раз убеждаюсь, что если рассуждать непредвзято, «Странник» уже давно относится к фантастике весьма левым боком, претендуя на причастность к той самой «большой литературе». Впрочем, недостаток это или достоинство, решать не мне.

На банкет для прессы я не пошел — были дела в городе.

На следующий день в планировалась выставка работ Яны Ашмариной и британца Джима Бернса. Выставка действительно состоялась, но из-за известных событий на Манхэттене таможенники Туманного Альбиона вдруг стали проявлять небывалое рвение, и картины не пропустили. В итоге все ограничилось выставкой репродукций. Правда, отпечатанных с высочайшим качеством по личным инструкциям самого Бернса. Однако как-то сразу так получилось, что выставка превратилась в бенефис Яны Ашмариной. Работы британского иллюстратора, конечно, тоже привлекли внимание (еще бы они не привлекли!), но все присутствующие — писатели, критики, телевизионщики интересовались только работами Яны. На столиках стояло шампанское в бокалах и лежали открытки с работами Ашмариной, специально отпечатанные для конвента. Яна раздавала автографы и принимала поздравления. В общем, все прошло хорошо. Работы Яны... своеобразны. Они странны и не похожи на другие, узнаются сразу и без подписи. Может быть, ее видение мира несколько своеобразно, как, скажем, своеобразно мастерство древнеегипетских камнерезов, но в этом, пожалуй, и есть их главная ценность. «Сколько у Вас всего работ?» — спросил я. Яна пожалала плечами: «Да уж за семьсот, наверно...»

По иронии судьбы в этом же здании этажом выше проходила выставка лучших фотографий «Плейбоя», и кто хотел, сглотнул и туда для полноты впечатлений.

Все это время я пересекался с разными людьми, общался, говорил, записывал, снимал, хоть силы были уже на исходе. На семинар и на общение мне попасть не удалось (туда пускали только аккредитованных участников, заплативших взнос), зато я поприблизился к интернетовскому телемосту с Артуром Кларком. Сэр Артур уже много лет безвыездно живет на Шри-Ланке, затеять интернет-конференцию дело не безнадежное, но сложное чрезвычайно. Я мог только поаплодировать оптимизму организаторов конгресса (не представляю, какой гигантский трафик для этого потребовалось организовать). Почти сразу же система была атакована вирусом (вот он, XXI век, в действии), и пока программы устанавливали по новой, народ сидел в фойе и расслаблялся кофе и мороженым. Но и потом, когда все прошло в конференц-зал, связь долго не налаживалась — до присутствующих доходила только рваная картинка и отдельные неразборчивые слова. Со временем, однако, слышимость и видимость улучшились. Сэр Артур не сдавался — говорил то в микрофон, то по сотовому, а под конец — по простому телефону, уже непосредственно с переводчиком. Рассуждали и спрашивали о многом, но в основном оценивали перспективы освоения космоса в ближайшее время и влияния современных технологий на развитие общества, а также рассыпались в благодарностях. Очень надеюсь, что пресс-релиз и полная расшифровка этой конференции появятся в печати или в интернете.

В магазине на Литейном, 72 немногим позже произошла творческая встреча с Леонидом Кудрявцевым, Кириллом Еськовым и Александром Громовым. Запомнился Саша, перед которым стояла табличка: «Дмитрий Громов. Писатель». Имя «Дмитрий» было аккуратно зачеркнуто, а сверху от руки написано: «Александр». Я сразу вспомнил историю, когда писателя Уильяма Гибсона в каком-то дорогом отеле спутали с актером Мелом Гибсоном.

Третий и последний день конгресса проходил в Доме композиторов — уютном, камерном, отделанном темным деревом зале. Вновь действо открыл Ютанов. Начал он с приятного известия — объявил, что жюри «Странника» с нынешнего года увеличилось на одного человека — по результатам голосования новым его членом стал Александр Громов. Зал встретил это объявление весьма положительно, а то закрытость жюри «Странника» уже успела войти в поговорку. После этого Вадим Жук поблагодарил авторов от имени читателя за их доблестный труд. На сцене появились четыре девушки из рекламного агентства «Фея», призванные осуществлять раздачу. Девочки выходили чинно, как по струночке, выгибали спинки и передавали статуэтку из рук в руки, наотрез отказываясь целовать лауреатов (исключение сделали только для Александра Абдулова, который удостоился звания «Легенда отечественного кинематографа»). Перед окончательной раздачей «Странников» был объявлен лауреат еще одной премии — «Меч идущего рядом». Меч получил Андрей Лазарчук. Не помню точно, но по моему,

он у него уже третий или четвертый. Еще одна такая конференция, и у Андрея скопится достаточно оружия, чтоб вооружить личный взвод самураев, а там и до сегуната недалеко... Но к делу. Объявлял номинантов Вадим Жук, и делал это очень увлеченно. Он представлял авторов, описывал книжки и рассказы, как он их читал и какие чувства при этом испытывал, зачитывал отрывки, в общем, уверенно «держал» зал. Само вручение призов происходило в три этапа с перерывами, во время которых питерская вокальная группа «Римейк» — три юноши и три девушки — исполняли импровизации на известные классические и джазовые стандарты в духе «Manhattan Transfer», исполняли виртуозно, ненавязчиво и с большим юмором, чем заметно оживили все действо. Малые «Странники» были вручены: издательству «Эксмо-пресс» — в номинации «Издательство года», художнику Антону Ломарину — за оформление серии «Наследники Толкина» и трудов Хольма Ван Зайчика, а также Николаю Науменко, — как лучшему редактору. Больших «Странников» в разделе критики и перевода получили соответственно: Анатолий Бритиков — за критические статьи, и Ирина Гурова — за переводы романов Стивена Кинга и многих других зарубежных авторов.

«Странников» в разделе «Художественная литература» получили (в порядке возрастания): Сергей Лукьяненко — за рассказ «Вечерняя беседа с господином чрезвычайным послом»; Александр Громов — за повесть «Вычислитель», и Юлий Буркин — за роман «Цветы на нашем пепле». Напоследок был вручен еще один «Странник», в номинации «Мастер издалека» — сэру Артуру, разумеется, Кларку.

Звания «Паладин фантастики» удостоилась Ольга Ларионова. «Спасибо, — сказала она, — очень благодарна вам, что статуэтка такая легкая. Помню, мне вручали «Аэлиту», а в ней шесть килограммов весу, так я ее едва удержала. А что касается «паладина»... У меня дома и так-то не могут разобратся, как называть фантаста женского рода, так теперь еще и «паладин».

После был финальный банкет, а на следующий день — большая пресс-конференция в ДК им. Крупской — центре питерской книжной торговли, если кто не знает. Писатели и организаторы раздавали автографы по возможности отвечали на читательские вопросы. В этот раз зарубежных гостей не было и люди не особо наседали, а то, помнится, когда приезжал Роберт Шекли, хвост у очереди выходил на улицу и дважды обвивал

«крупу» снаружи... Помню, был ужасный звук, лучше бы они говорили вообще без микрофона. Здесь я уже ответвился от всей гол-компании и отправился странствовать по торговым рядам, где приобрел много интересного и давно искомого. Остальные поступили точно так же. Вроде бы, на этом все официальное и закончилось.

Снова собирались тучи. Поезд мой уходил только завтра днем. Я поднял ворот куртки и отправился бродить по городу. Выпил кофе в дешевой забегаловке, потом курил в музыкальном магазинчике губную гармошку и долго играл над сонным каналом Грибоедова. Звук шел откуда-то снизу, казалось, играю не я, а мое отражение в воде; жалобные вздохи плыли над мутной рябью, дрожали под ветром и уносились куда-то вниз по течению. Смеркалось. Питер зажигал огни. Улицы понемногу заполнялись народом. Я стритовал как крокодил Гена «у прохожих на виду» и размышлял. В принципе, путешествие мое подходило к концу. Но ведь есть еще Москва... и Казань... и другие города... В общем: «Есть у анабасиса начало, нет у анабасиса конца».

Кто-то похлопал меня по плечу. «Вот уже и поклонники», — подумал я и обернулся.

За спиной стоял старшина милиции.

— Ваши документы, — сухо потребовал он.

Я безропотно полез в карман и вдруг с растерянностью обнаружил, что перепутал паспорта — вместо своего обычного взял паспорт моряка. Делать было нечего, я протянул документ стражу порядка и стал ждать результатов.

На лице старшины отразилось удивление. Он с подозрением осматривал меня с ног до головы, задержал свой взгляд на драгих кроссовках, пролистал паспорт от корки до корки, сверил мою серую физиономию с фотографией и, возвращая документ, осведомился:

— А какой флот?

— Северный китобойный, — честно ответил я.

Милиционер подобрался и взял под козырек.

— Извините, — сказал он. — Можете продолжать.

И растворился в темноте.

Хороший город — Питер. Уважает моряков.

Октябрь 2001

Пермь

Владимир ЛАРИОНОВ

Семигранные гайки вручены

21 июня в Санкт-Петербурге состоялась третья церемония вручения Международной литературной премии имени Аркадия и Бориса Стругацких («АБС-премии»). Премия учреждена Петербургским Центром литературы и книги (директор Дмитрий Каралис) и вручается в день равно отстоящий от дат рождения каждого из братьев Стругацких. По формулировке Б. Н. Стругацкого: «Премия присуждается за лучшее фантастическое произведение года, причем под фантастическим понимается любое произведение, в котором автор в качестве художественного сюжетобразующего приема использует элементы невероятного, невозможного, небывалого. Таким образом, рассмотрению подвергается чрезвычайно широкий спектр произведений — от чистой научной фантастики в манере Г. Дж. Уэллса, С. Лема и Р. Шекли до гротесков и фантазмагорий в стиле Ф. Кафки, М. Булгакова, В. Маканина или современных сказок в стиле Е. Шварца или В. Шефнера. Награждается не автор, а произведение. Поэтому один и тот же писатель может неоднократно становиться лауреатом этой премии».

Писатели, журналисты и члены оргкомитета собрались в Центре современной литературы и книги на набережной Макарова, откуда на двух речных трамвайчиках под двумя флагами: красным — с гербом города Санкт-Петербурга и фиолетовым — с золотой семигранной гайкой и буквами АБС (заметный прогресс — в прошлом году катер был в одном экземпляре), отправились к Аничковому мосту, имея конечной целью маршрута Дом журналиста на Невском проспекте, где предстоял театрализованный ритуал вручения премии. Когда вдали показались знакомые очертания крейсера «Аврора», стоящего на

вечном приколе, народ на борту заметно оживился: «Миша, смотри!» Эстонский писатель Михаил Веллер, финалист «АБС-премии», в романе которого «Ноль часов», экипаж «Авроры» уже в наше время еще раз пытается восстановить социальную справедливость, совершая водный бросок от петербургского причала к стенам Кремля, авторитетно и популярно объяснил, что придуманные им события в реальной жизни технически невозможны (фарватер, мосты и прочее).

Церемонию вели, как обычно, тележурналистка, автор детективных романов Марианна Баконина и актер Николай Буров. Под звуки ансамбля камерной музыки нимфы в прозрачных одеждах внесли Золотой шар, возможно символизирующий Машину желаний, а может быть — малую планету № 3054 (астероид, названный астрономами «Strugatskia» в честь братьев Стругацких). Семигранную гайку — символ «АБС-премии» Буров нашел почему-то в кроссовке дорожной уборщицы, а по совместительству Музы Фантастической (актриса Зоя Буряк). Замечу, что Золотые медали лауреатов сделаны именно в форме семигранной гайки, являющейся, по словам организаторов, символом самого искусства, поскольку такая гайка не может быть ни продуктом природы (природа не производит таких продуктов), ни плодом технологического прогресса (и вправду сказать, с точки зрения технологии семигранная гайка — нон-сенс).

Открывая церемонию, Борис Стругацкий сказал: «Минувший год — последний год тысячелетия — был чрезвычайно плодородным для фантастов. Знающие люди подсчитали, что в прошлом году было написано около 600 фантастических произведений, чтобы определить лучшее из них, надо было проделывать титаническую работу. Да еще не упустить писателей, которые себя фантастами не считают, но фантастику пишут. Работа велась в 3 этапа — сначала номинационная комиссия проела все 600 произведений и сократила список до 72. Из них я отбирал финалистов. Я должен был отобрать не просто фантастические произведения, а те, которые можно было бы отнести к фантастическому реализму. То есть произведения, сочетающие в себе буйное воображение автора и в то же время жестко сцепляющие действие с действительностью, которая нас окружает. Потому что настоящим художественным произведением

ем я могу назвать только то, которое жестко сцеплено с окружающей реальностью, иначе как бы хорошо оно ни было выполнено, оно служит только эскапизму — бегству от жизни. На все это ушло несколько месяцев прилежного чтения. А потом жюри из 17 человек, среди которых такие писатели и критики, как Роман Арабитман, Никита Елисеев, Александр Житинский, Андрей Лазарчук, Николай Ютанов сделало окончательный выбор и определило лауреатов». Хочу добавить, что состав жюри ежегодно определяется Б. Н. Стругацким. В нынешнем году в состав жюри «АБС-премии», кроме вышеперечисленных персон входили: Виталий Бабенко, Наталья Галкина, Эдуард Геворкян, Андрей Измайлов, Святослав Логинов, Евгений Лукин, Геннадий Прашкевич, Вячеслав Рыбаков, Михаил Успенский, Александр Щеголев, Сергей Бережной, Сергей Переслегин.

На «АБС-премии» присутствовал кинорежиссер Алексей Герман, в настоящее время занятый работой над фильмом по известной повести Стругацких «Трудно быть богом». Герман уже примеривался к этому произведению — первая попытка экранизации повести была предпринята им в 1968 году, но помешали события в Чехословакии. Власти запретили съемки — напращивались нездоровые аналогии. Герман, по своему обыкновению, делает фильмы годами (съемки его последнего фильма «Хрусталев, машину!» продолжались 7 лет), вот и новый фильм снимается уже 2 года, а конца не видно. Кстати, дон Румату в нем играет Леонид Ярмольник. Выбор актера на главную роль негативно воспринимается частью почитателей творчества братьев Стругацких, но режиссеру виднее. К тому же, по словам Германа, фильм мало напоминает повесть, по которой создается, он будет совершенно иным. Когда Алексея Георгиевича пригласили подняться на сцену поприветствовать финалистов «АБС-премии», он начал с рассказа о том, как, следуя указателям «Стоматология», которыми увешан Дом журналистов, он долго поднимался по лестницам и совсем было уверился, что сейчас попадет к зубному врачу, а попал к Боре. (Примерно одинаковый возраст и давнее знакомство позволяют знаменитому кинорежиссеру запросто обращаться к Борису Натановичу). А поскольку он много лет не видел Стругацкого, то боялся встретиться со старичком, и очень рад, что Боря так хорошо выглядит. Кстати, он уже очень давно ищет для своего фильма типаж с такими нестандартными ушами (уши у мэтра, действительно, выдающиеся). Короче, во время выступления Германа зал от души посмеялся, ведущим даже пришлось напоминать ему, для чего он вышел на сцену. Завершая выступление, кинорежиссер сказал, что знает Ленинскую, Сталинскую премию, премию им. Довженко, но «АБС-премия» — лучшая.

В финал «АБС-премии» по итогам 2000 года вышли: в номинации «художественная проза» — Михаил Веллер (роман «Ноль часов» — Харьков: Фолио, 2000), Марина и Сергей Дяченко (роман «Армагед-дом» — М.: ОЛМА-Пресс, 2000), Павел Крусанов (роман «Укус ангела» — СПб.: Амфора, 2000), Андрей Лазарчук (роман «Штурмфогель» — СПб.: «Стихия

Марина Дяченко с дочкой Стаской.

озон», Terra Fantastica, 2000) и Вячеслав Рыбаков (роман «На чужом пиру» — М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2000); в номинации «критика и публицистика» — Анатолий Бритиков (монография «Отечественная научно-фантастическая литература» — СПб.: Борей-Арт, 2000), Дмитрий Володихин (эссе «Потанцуем?» — «Если» №7, 2000), Сергей Переслегин (эссе «Из дебюта в миттельшпиль» // «Фантастика-2000» — М.: АСТ, 2000) и Владимир Хлумов (статья «Молчание Космоса» — «Если» №8, 2000).

Финалисты, получая заслуженные дипломы, говорили добрые слова, воздавали хвалу организаторам премии и лично Б. Стругацкому. Москвич Дмитрий Володихин сообщил, что начал читать Стругацких еще в начальной школе, таллинец Михаил Веллер рассказал притчу о деянии и воздаянии, а мне запомнилось выступление киевлянина Сергея Дяченко, который с дрожью в голосе благодарил Бориса Натановича за содействие в нелегком деле завоевания руки и сердца своей будущей жены. Красавица актриса Марина Шишова, ныне супруга и соавтор Сергея, пользовалась колоссальным успехом у самых достойных представителей сильного пола. Шансов у меня практически не было, рассказывает Сергей, но я все-таки добился свидания. Во время прогулки, когда Марина поинтересовалась, как я отношусь к Толкину, я не смог ничего ответить, поскольку не имел понятия, кто это такой. Второй вопрос был про Урсулу Ле Гуин, он тоже поставил меня в тупик. Положение становилось безнадежным. «Ну, Стругацких-то ты хоть читал?» — спросила Марина. Знание творчества любимых писателей спасло Сергея, разговор завязался. В результате — более десятка книг, написанных совместно и, лучшее произведение соавторов, замечательная дочка Анастасия — Стаска, шести лет, которую супруги Дяченко тоже привезли в Санкт-Петербург. Знаменитого магического кота Дюшеса вместе с ними не было, но его незримая тень витала где-то рядом, во всяком случае, в книге Дяченко, что я у них подписывал, рядом с автографами Марины и Сергея отпечаток лапы Дюшеса появился.

Вячеслав Рыбаков с семигранной гайкой.

Борис Стругацкий.

Наконец, после выступления дядечки из приглашенных артистов, всячески крутившего вокруг себя здоровенные стеклянные шары (я все боялся — не уронил бы он их на Стругацкого, сидевшего рядом в резном кресле), дело дошло и до распечатывания конвертов с фамилиями лауреатов «АБС-премии» по итогам 2000 года. В номинации «литературная критика и публицистика» награды удостоилась монография Анатолия Бритикова «Отечественная научно-фантастическая литература: некоторые проблемы истории и теории жанра», изданная творческим центром «Борей-Арт». Б. Н. Стругацкий вручил медаль вдове писателя К. Ф. Бритиковой. После вскрытия конверта с решением жюри в номинации «художественное произведение» секретарь Оргкомитета «АБС-премии» Николай Романецкий провозгласил, что две премии прошлых лет уехали из города на Неве, и на этот раз «Семигранная гайка» вновь уезжает... в соседний район Петербурга. Обладателем медали и денежного приза стал известный петербургский писатель Вячеслав Рыбков за роман «На чужом пиру» (М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2000 — серия «Звездный лабиринт»).

На мой вопрос: «Как себя чувствуешь в роли лауреата?» Вячеслав ответил: «Как прежде. Я действительно не ожидал,

что на меня укажет в этом году перст жюри, и был уверен, что «АБС» получат либо Дяченки, либо Миша Веллер. К тому, что это НАГРАДА — отношусь очень спокойно; я хоть и тщеславен в меру, как писателю и подобает, но от мелкого медального тщеславия хороший иммунитет был мною благоприобретен еще на заре писательской деятельности, в нынешнем Белом Доме, когда мы получали за фильм «Письма мертвого человека» Госпремию. Я уже и говорил, и писал, что процедура была достаточно неприятной и унижительной, чтобы отбить охоту к формальным награждениям. Но тут я рассматриваю АБС — премию не столько как награду, сколько как доказательство того, что у меня есть едиnochаители, и их голос достаточно весом и громок. Вот это действительно приятно. Это действительно показывает, что ты нужен людям, и вдохновляет на дальнейшие подвиги. Счастье — это когда тебя понимают. Так, кажется, выразился персонаж одного старого фильма...»

В заключение — впечатления семьи Дяченко: «Питер и «АБС-премия» воспринимались нами посредством пятилетней дочери — так случилось, что мы видели происходящее ее глазами. Стаска впервые попала в этот замечательный город, и, когда флаги «АБС-премии» в уверенных руках знаменосцев — Логинова и Романецкого двинулись по направлению к катеру, на котором предстояло плыть к месту проведения церемонии — в этот самый момент дочь воскликнула, не в состоянии удержаться: «Парад! И Санкт-Петербург, и парад, и корабль — я сейчас заплачу от радости!»

Дождь прекратился, будто специально для того, чтобы караван из двух катеров мог проследовать по Неве с наибольшим эффектом. После этого процессия не менее эффектно прошла по Аничкову мосту; далее случилось награждение, Борис Натанович Стругацкий очень впечатляюще восседал на троне с львиными мордами вместо подлокотников. Запомнилась приветственная речь режиссера Германа, который как раз воплощает на экране историю дон Раматы. Вообще, все было в высшей степени интересно. Белые ночи, которых мы никогда прежде не видели, оказались длинными, туманными и даже дождливыми.

«АБС-премия», безусловно, не похожа ни на один известный нам конвент; наша дочь изъявила желание приехать в Питер будущим летом, однако мы ей объяснили, что не все к тому масленица».

Владимир ЛАРИОНОВ.

МИНИ— ВОЛГАКОН

посвященный памяти А. Н. Стругацкого
12. 10.1991 — 12. 10. 2001

*«Осиротели мы с тобой,
А остальным... ну что за дело?
Третий века мигом пролетела,
Став нашей общою судьбой».*

Борис Щуров.

Регламент мероприятия:

- 1) Поиск места для проведения мероприятия под предводительством Завгара.
 - 2) Обустройство места проведения семинара.
 - 3) «Третий века со Стругацкими» — просмотр сталкерского «хабара» от старейшего сталкера страны Бориса Заикина.
 - 4) Походное застолье.
 - 5) Поэма «СТАЛКЕР» — посвященная фантастике и фантастам братьям Стругацким — первое исполнение автором Борисом Щуровым.
 - 6) «Барды у костра»: Евгений Лукин — стихи и песни, Александр Кравец — песня на тему произведений Стругацких, другие песни.
 - 7). Беседы у костра и воспоминания участников семинара об Аркадии Стругацком.
- Участники семинара:
Борис Заикин, Евгений Лукин, Сергей Синякин, Борис

Завгородний, Сергей Стоян, Ирина Карпова, Михаил Касьяник, Дарья Завгородняя, Анатолий Новорусский и другие.

1

От Нью-Йорка до Афгана полегли друзья...
Память — просто злая рана и помочь нельзя.
Эти солнечные души воскресить бы рад.
Там, в Москве — мой бог уснувший...
Питер ... Сталинград...

2

И ты тоскуешь здесь, смутясь,
Судьбы лихой неразберихой,
И постигаешь сердцем связь
Между собой и смертью тихой.

Осиротели мы с тобой,
Играй, горнист,
Труби «отбой»...

3

«... Иных — уж нет, а те — далеке ...»
Их дальний несконзанный свет,
Как будто сумерками вечер
Неторопливыми одет.

Как будто бы рука родная
Погладила издалека —
Так, вырвавшись, душа шальная
Вновь здесь живет, наверняка...

Итак, сначала.

Напомнил нам об этой печальной дате, конечно Борис Заикин. Когда то давным давно, в далекие-далекие времена, в те самые 60-е годы, он вдруг решил — а поеду-ка и познакомлюсь с замечательными писателями братьями Стругацкими.

И поехал! И познакомился! Потом уже, в не менее далекие восьмидесятые годы, фактически ничего не зная о путешествиях Бориса Заикина, практически по его же следам, начал ездить и автор этой заметки. И очень удивлялся, когда ему говорили примерно так: О! Волгоград! Волгоградцев мы знаем и уважаем! Мне-то все это было непонятно и наверное относил я этот теплый прием к своей харизме, хотя и слова — то такого тогда не знал. А как оказалось впоследствии, я просто повторял подвиг неизвестного никому фэна Бориса Заикина. Впрочем, неизвестен он был относительно. В нужных ему кругах его знали и очень даже неплохо. Сам Борис Заикин не очень-то любит сейчас, когда его называют фэном. Ну, какой я фэн, говорит он. А ежели и фэн, то только одного писателя — братьев Стругацких. Возможно, это и кокетство, но свидетельствую — на сегодняшний день, если и читает он какое-то чтиво то это исключительно детективы. Впрочем исключения тоже есть — например «Катали мы ваше солнце» Лукина. Тут-то фэн и провалился из него. На одном из дружественных застолий это вывалилось у него так: «Я требую продолжения этого праздника души!» Конечно это относилось не к банальной пьянке, но к роману. Увы! Лукин неумолим и суров со своими почитателями, но, Впрочем, не о нем спич. А о том, как волгоградские фэны провели этот день. Разработанную Борисом и дополненную мной структуру вечера мы прочли наверху. Я склонялся сам и склонял всех всячески, что вот неплохо было бы собраться на берегу Волги. Природа, понимаешь, осенняя и прекрасное солнышко греет, и всячески мне мерещился пикничок наподобие того, из фильма про Москву, которая слезам не верит. Всяческие опасения народа, типа, а не простынем ли, а менты не испортят ли вечер, я отметал. Холодно? Но для этого же есть водка и костер, где будут жариться шашлыки в сметане «а ля Стоян!» Менты? Но для этого же есть у нас подполковник милиции Сергей Синякин! Впрочем, в последний день погода расставила свои акценты и уж совсем было решили собраться у меня дома. Ну право, где ж еще-то? Что в квартире моей проходит перманентный ремонт, так это что... Главное, и тепло, и без особых напрягов. Но неугомонный даже теперь Заикин, все искал и искал лучшего. И нашел! У его племянника Алексея оказалась свободной трехкомнатная квартира в центре города. Также в состоянии ремонта. Но, к счастью, не настолько вечном, как у меня. А тут настал и ТОТ день! Договорились, как это и бывает обычно, что каждый приносит с собой, что может. Что я мог? Ну, накрошил салатику, и намял его, а вот дочь Дарья самоотверженно с самого утра пекла блины и отгоняла меня от них. Ну, прямо профессионал! Впрочем, вы скажите, что это я — о пьянке говорю, или о вечере памяти? Конечно о вечере! Какие сомнения! Как вам не стыдно...

Когда я попал на место встречи, которое изменить уже было нельзя и из-за чего, наверное, кое-кто так и не смог попасть на наш мини-кон, Боря Заикин уже все приготовил, все рас-

ставил. У стены стояли редкие большие фотографии Аркадия Натановича, Бориса Натановича и Геннадия Новожилова (если кто не знает о нем — так это замечательный художник работавший в те года в журнале «Смена»). На табурете около стены громоздились папки с редкими материалами (с хабаром, как называют эти материалы Заикин, который, впрочем, и себя называет не фэном, он этого словечка не любит, старорежимный человек, а непременно сталкером). И вечер памяти начался. Поэт Щуров (в миру просто Боря Заикин) читал превосходные стихи свои из поэмы, о своей юности. Поэма называлась просто — «Сталкер». Часть стихов этих приведена здесь, а другая часть была настолько личной, что даже нам он не все доверил! Молча была выпита первая рюмка в память об Аркадии Натановиче. Помянули мы и остальных титанов уходящей фантастики, и времен уже ушедших, в частности, недавно покинувшего нас Александра Мирера. Помянули, выпили и посоветовали: увы, увы, вот новый век на дворе, а личности в литературе столь же значимой для общества, и не только фантастического, как-то вот не видно. Впрочем, будем надеяться, что новые мессии фантастики все же грядут. А пока в ожидании их мы сидели и наслаждались и рассказами Заикина о тех славных временах, и песнями Александра Кравца, написанными им на мотив произведений Стругацких, (и, право, это совсем, совсем неплохо ребята!), и смотрели редкие фотографии и держали в руках самиздатские книжки Стругацких с вполне профессиональными обложками и с автографами авторов (а это я к тому, что уже в 80-х Стругацким было просто невозможно подsunуть самиздат на подпись — он тут же беспощадно изымался ими! А тут вот они раритеты и раритеты, и еще раз раритеты!), и Евгений Лукин поделился своим впечатлениями о своих встречах с МЭТРАМИ, и я, недостойный...

Удовольствие, я вам скажу, полное! Давно вот так волгоградский фэндом не собирался — и дружно, и с толком! И хотя и водки было выпито немало, а от чего же, если пошла хорошо, и не выпить нам, донам фантастики... но даже на другое утро вот, например, я проснулся просто с каким-то просветлением, и работалось мне в тот, другой день, ну просто удивительно плодотворно, как будто дух самой фантастики посетил мое скромное жилище! Ну вот и можно заканчивать свой маленький рассказ. Но что впереди, спросите вы? А что впереди? — отвечаю вам я. Впереди вот Новый Год! Впереди вот новые конвенты — в Казани, в Москве! И мой маленький и скромный «день варенья»! На конвентах вы побываете, Новый Год тоже справите, я уверен, одна только просьба — не отрывайте эти праздники от фантастики! И все будет ор лайт! Как и у меня на моем «дне варенья»!

Я просто уверен!

Борис ЗАВГОРОДНИЙ,
ваш собственный корреспондент.

ВолгаДонкон

мини-конвенция в Волгограде,
20 — 22 октября 2001г.

Всего три дня проходила эта встреча, давно ставшая, как и Волгоградский «Всedefан» — или иначе праздник фантастики «31 июня», традиционной, но зато как была насыщена мероприятиями, это просто что-то!

Сначала о присутствующих: Михаил Касьяник, Сергей Стоян, Юрий Астров-Зацарицкий, Дарья Завгородняя, Борис Щуров, Евгений и Надежда Лукины, Сергей Карпов, Сергей Зайцев, Лариса Ворошилова, Ирина Ясиновская, Александр Кравец, Алексей и Лилия Маштаковы, Алексей Рамзаев, Наталья Бондаренко, Андрей Тужилин, Вадим Гурьянов, Сергей Синякин, а также другие волгоградские фэны. Из Ростова прибыл представитель старейшего КЛФ страны Сергей Битюцкий с Солнышком. Поздравление с днем открытия конвенции как телефонные, так и электронные прислали: Геннадий Карпов, Марина и Сергей Дьяченко, Марианна Алферова, Геннадий Мельников, Владимир Ларионов, Светлана Мелихова, Юлий Буркин, Вячеслав Запольских, Владимир Васильев, Леонид Резник, Николай Басов, Светлана Бондаренко, Андрей Щербак-Жуков, Алексей Щипков, Юрий Зубакин и многие, многие другие...

Официальной едой конвенции стали блины от Дарьи Завгородней. А я официально свидетельствую — это действительно вкусно!

«Ланка Фантастика» №2 (10), 2001 г.

В рамках конвенции состоялась дискуссия на тему: «Что важнее, государство или человек?» Дискуссия проходила в основном между двумя участниками конвента — Евгением Лукиным и Борисом Завгородним, но заняла внимание всех присутствующих.

Также в рамках конвенции состоялось обсуждение нового романа Сергея Синякина. Роман был прочитан и одобрен к публикации в издательстве «АСТ». Вместе с тем, присутствующим на встрече фэном Б. Завгородним автору было высказано укор: дескать, уж слишком симпатичным у автора вышел Лаврентий Палыч и другие отрицательные герои. «Или ты их любишь?» — так напрямую и спросил автора его Первый Читатель. «Да!» — гордо ответил Синякин. И с ним сразу все стало ясно. «Бедный Урод!» — подумал об авторе Первый Читатель. «Бедный Первый Читатель!» — подумал об уроде Сергей Синякин. Тем не менее, автору было рекомендовано написать новый роман, где бы он не нес отсебятину, а основывался на идеях великого классика нашей действительности, Станислава Лема...

Сергеем Битюком была представлена пьеса из серии «театр одного актера», оставившая на присутствующих незабываемое впечатление.

Евгений Лукин поделился с присутствующими своими новыми планами, рассказал, как выглядит география Сулловской области, и за невозможностью исполнять свои песни под гитару, декламировал их.

Сергей Карпов отчитался перед фэн-общественностью о том, как продвигается его роман, работу над которым он недопустимо затянул. Ему было посоветовано побыстрее освоить компьютер, что, несомненно, приведет к ускорению нелегкого процесса писательского труда. Ирина Ясиновская получила поздравления и пожелания дальнейших успехов,

за ее первый дебют — повесть, напечатанную в журнале «Лавка Фантастики». От некоторых даже дважды...

Борис Шуrow отчитался перед присутствующим о том, как у него идет работа над книгой воспоминаний «Сказки старого сталкера». Участники семинара просматривали фото старых конвенций, видеоматериалы прошедших конов. В общем, атмосфера этой встречи была пронизана светлой печалью об ушедшей безвозвратно эпохе первого Фэндом нашей страны и радостью встречи, да и сама встреча очень напоминала то время, самого начала 80-х, когда мы все были юны и полны задора...

Последний день кона завершился конвенцией, то есть конвенцией ментов. Шеф-поваром сей замечательной встречи стал подполковник милиции Сергей Синякин, официанткой — его супруга, старший майор юстиции Наталья. Еще никогда я, старый пятнадцатисуточник, не испытывал такого кайфа... Была подана шука в кляре, блины верченые, водка охлажденная, еда диетическая для гурманов, заправка разная и прочие деликате-

сы. Нужно ли отмечать, что и я там был, водку, пиво пил, и по усам текло, и куда надо попало!

И всем было хорошо!

Борис ЗАВГОРОДНИЙ,
ваш собственный корреспондент

P.S. В заключение я бы хотел сказать: конечно, прав Сергей Битюцкий, который предложил назвать нашу конвенцию «Завгаркон»...

P.P.S. Светлана Мелихова сообщает что маленький Завгаркон в это же время прошел в Москве: на нем присутствовали Воха Васильев, Яха Толстый, Леся Ленинградская и другие глубокопочитаемые лица, в том числе и Вася Головачев! Нет, я просто в ужасе! Нам еще Путина не хватает на наших конвенциях.....

БЕТАКОН В «БИБЛИОСФЕРЕ»

Нашему журналу исполнилось 4 года, по каковому поводу в пермском магазине «Библиосфера» прошел литературный вечер, которому воспаленное подсознание фантастов упрямо подыскивало привычно звучащее определение: «Бетакон» — по древнегреческой буковке-логотипу, украшающей фасад книжного магазина? «Почтикон» — ну, почти кон? Присутствовали председатель КЛФ «Солярис» Надежда Маркалова со своей заместительницей Марией Лукашиной, живописец Дмитрий Землянин и «компьютерный график» Олег Иванов. Явился цвет пермских фантастов, начиная с редко появляющегося на публике маститого Михаила Шаламова и — по поколенческой нисходящей — Владимир Колышкин (повесть «Исповедь летчика-истребителя» в «Лавке» №2 (6), 2000, рассказы «Золотой дядюшка» и «Сапоги Сталина» в местном альманахе «Лабиринт» №1, 2000), Сергей Щеглов (романы «Часовой Армагеддона», «Дипломат особого назначения», «Разводящий Апокалипсиса» в АСТовском

Наталья Сова.

«Звездном лабиринте»), Станислав Гимадеев (публиковался в сборниках «Парикмахерские ребята», «Капуста без кочерыжки», «Время учеников-3», в «Лавке» печатался его многоплановый роман «Принцип четности» — №1 (3), 1998, №1 (4), 1999, №1 (5), 2000), Дмитрий Скирюк (тетралогия об «Осеннем лесе» в «Северо-Запад пресс»), Елена Долгова («Сфера Маальфаса», «Эксмо»). В уголке застенчиво ступевывались впервые явленные НФ-бомонду героини вечера — Наталья Сова

(«Здесь, на краю земли», «Фантом» №2) и Наталья Володина (в «Лавке» №1 (9), 2001 началась публикация ее повести «Яблоко для Трол-

Наталья Володина.

пермских сайтов был украшен репортажем, почти полностью состоящим из вранья и ошибок. Даже утверждалось, что объем «Лавки» — 41 страница. Видели когда-нибудь печатный материал с нечетным количеством страниц? Явно в двумерном мире живут некоторые пермские корреспонденты...

Из интервью все же удалось узнать, что выпускница пермского музыкального училища, ныне безработная Наталья Сова теперь пишет роман, причем довольно мрачный. А Наталья Володина уже передала «Лавке» продолжение «Яблока для Тролля» — повесть «Ключ».

Затем трезвенные традиции пермских конов оказались слегка нарушены двумя бутылками «Старого Урала» и бутылкой «Токая», но бурного продолжения банкета никто не возжелал. В результате приняли почти трезвое решение: «Лавка» отныне будет выходить под полноцветной обложкой. Но и отпускная цена журнала соответственно возрастет. А с беневолюнтной директоршей магазина Натальей Петуховой договорились, что в «Библиосфере» теперь будут проходить вернисажи пермских художников-фантастов.

Вячеслав ЗАПОЛЬСКИХ.

«Лавка Фантастики» №2 (10), 2001 г.

Интервью с Завгаром

(пост-«Волгакон—2001»)

Волгоградское лето. Жара сменилась облаками и дождем. Завгаровская старенькая кухня со следами многолетнего, но бурного ремонта, так и хочется сказать — «безвидна и пуста». Только что отшумел «Волгакон», — не прошло и полмесяца. За окном немилосердно капает. Шипит в конфорке газ. Мы вдвоем с Борисом сидим и пьем «не только» чай: смесь из пятнадцати сортов, лошадиная доза сахара + специальные добавки. А что поделаешь — погода требует... Оба кашляем. Накурено. Давно запланированное интервью, казалось бы, опять откладывается. Но вот, наконец, в процессе возникает пауза, когда заканчивается кипяток, и я достаю свой диктофон.

— Раз, раз... Проверка, проверка... Вопрос первый: ну и как у нас дела с гаражом?

— Ответ первый: Нор-маль-но!
(общий смех)

— Ну и замечательно. Итак, поехали. Борис, что для тебя значит понятие «фэн»?

— Фэн? Ну, это, прежде всего, читатель. Но это читатель, который не просто читает, не просто потребляет литературу, фантастику, но и сам чего-то делает для фантастики.

— Например?

— Ну, там, издает фэнзины, информационные листки, составляет библиографии, проводит какие-то конвенты, встречи, семинары... участвует в жизни фэндомов, короче.

— Погоди, погоди. Но если рассуждать так, то съездить на кон, это — уже деяние, уже, получается, вполне такой фэнский поступок.

— Да, конечно. Прочитал книгу, захотелось чего-то большего, — ну, там, съездить, пообщаться с такими же, посмотреть на писателя живьем, спросить его о чем-нибудь, автограф взять... Спасибо ему за книжку сказать.

— Обругать...

— Ага.

— ...Потом приехать домой, рассказать друзьям...

— Да-да! Рассказать, написать, что-то сделать... Это уже — первый шаг. Фэнство — это когда человек чего-то делает не по приказу, не за деньги, не из-за какой-то своей личной выгоды, а по велению души.

— То есть, первопричина фэнства — это тяга людей к общению.

— Да это первопричина всего! Я только хочу сказать, что одиночка, если он что-то делает, тоже может быть фэнгом, может собирать архив, книги коллекционировать, составлять библиографии, общаться по переписке. Языки изучать, переводить. Кто-то марки собирает, кто-то — книги... Это страсть, это уже в крови. Если ты это понял, то потребность чего-то делать, что-то отдавать, а не только брать, она это... сама возникает. Потом, бывает, это и профессией становится. Правда, денег больших не приносит, а профессиональная работа фэнмам не всегда удается. Вот, например, почти все издательства, которыми руководят фэны, рано или поздно прогорают. Есть такое, ага. Потом приходят профессионалы, бизнесмены, издатели, восстанавливают, возрождают... Работает! А у фэнов не выходит.

— Ну, фэны тоже люди...

— Да это все-таки увлечение. Не профессия. Это разные вещи. Если чем-то заниматься профессионально, фэнство надо как-то перерасти, выйти на другой какой-то уровень.

— А вот тогда такая штука: почему фэнство существует только среди читателей фантастики? Детективов и боевиков в наше время в России издается и покупается больше, чем фантастики, да и у «женского романа» тоже поклонников если не больше, то столько же. А весь процесс общения, обмена информацией, «живые» встречи, — короче, фэнское движение там отсутствует напрочь как данность. Это почему?

— Да пытались организовывать клубы любителей детектива, пытались. Писали, помню, что было, да, организовывали. Даже по две тысячи человек на клуб набиралось в столицах. Но приходили туда, в основном, чтобы книги иметь — в те времена с книгами тяжело было. В КЛФ, конечно, тоже за этим приходили, но когда с книгами стало посвободнее, фэнмам фанта-

тики нашлось, чем заняться, кроме «собираательства», а «детективщикам» — нет. Отдельные коллекционеры, библиографы есть, собирают информацию о Сименоне, об Агате Кристи, — но они очень редки. А в массе их нет. Это одиночки. Это, вроде, фэны, но движения нет. Может, это жанр такой, детектив, что все эти загадки интереснее решать одному, в одиночку. Ведь что предлагает нам детектив? Одну загадку — «кто украл?», «кто убил?», а все остальное там второстепенное. Игра ума, — вдвоем уже неинтересно. Нет смысла спрашивать, общаться... А женский роман — он вообще интересен только женщинам, все эти мысли, события, они любят их переживать тоже в одиночку. Кстати, если разобраться, то чуть ли не 50 % «женских романов» — это типичная фантастика со всеми атрибутами жанра — волшебство, драконы, приключения... Вон, у Юли Буркина вышел роман «Королева полтергейста» в серии «Женский роман», а это же стопроцентная фантастика! Кто бы этим занялся, но ведь это же гигантская работа. Библиографии составлять, читать все это, писать аннотации, рецензии, классифицировать... А если брать еще мистику и эзотерику, где 99% — тоже чистойшей фантастикой... Я же говорю — гигантская работа. А что предлагает нам фантастика? Миллионы задач, миллионы путей! Всегда у фэнов есть темы для общения.

— Существует мнение, что лучшие писатели получают из фэнов. Что ты по этому поводу можешь сказать?

— Существует также и другое мнение, даже среди писателей, ранее бывшими фэнмами, что считать себя фэнгом после того, как ты стал писателем, как бы позорно. И начинаются сказки: «Да нет, мы никогда не были фэнмами, мы пришли в фэндом уже писателями, мы родились писателями»... Ну, про «родились» — это еще бабушка натрое сказала, но вот насчет «пришли» — тут явный закидон. Если он пришел к фантастике, он как минимум, ее знал и любил. Он уже был фэнгом, пускай одиночкой, тем самым «собираателем». Разве мы не видим, как много фэнво-писателей, так и не достигших успеха, сейчас существуют в клубах, читают свои вещи для своих, пытаются пробиться, работают?.. Видим. Конечно, кому-то дано от природы, кому-то не дано, тут не поспоришь, но стадию «фэна» все равно не миновать. Есть, конечно, исключения. Пелевин, например, сам вызревал. Он и на Малееву явился уже совершенно готовым писателем. Валентинов Андрей — тоже, другие есть примеры... Но подобные случаи только подтверждают правду. Писатель, он, конечно, фэнгом быть перестает — ему это уже не нужно, он перешел в «другую плоскость». Но зачем же забывать о том, что ты им когда-то был? Знаменитый ныне Головачев Василь Васильич, он тоже когда-то вел обширнейшую переписку, был заядлым коллекционером, библиофилом, рисовал... Но ведь он этого и не отрицает! Но поставь их рядом — пятидесятилетнего пацана из КЛФ и Головачева, — так им уже и общаться-то будет неинтересно, они друг друга просто не поймут.

— То есть, причина неувязок в том, что просто фэндом расслоился?

— И это, естественно, тоже. Западная когорта фантастов, вся она, за редким исключением, побывала в фэндоме, прошла через КЛФ. Брэдбери, вон, тоже десятилетним пацаном в 30-е, 40-е года и в клуб ходил, и рассказы там читал свои. Случалось, и били его у реки одноклубники за то, что он их так изображал... Ну, стал он писателем. Но фэнство в нем так и не утасло. В гараже у него, например, библиотека комиксов тех лет хранится — собрана тогда же, он этим гордится, в интервью постоянно об этом упоминает. Он там и остался, в 20-х, 30-х, и ничуть этого не стыдится. Нынешней молодежи дать их почитать, эти комиксы, — скажут: «Ерунда», а для него это дорого. На Западе люди порой до старости публикуют свои записки, издают фэнзины, ищут единомышленников, общаются... А у нас, — почему-то я не раз с этим сталкивался, — это считается как бы уже зазорным. Мол: «Я и знать об этих клубах не знаю, и фэнов терпеть ненавижу». Декларируют уход от фантастики, новые принципы, течения внутри течений...

— И весь этот «киберпанк», «турбореализм», «старая волна», «новая волна»...

— Волн всегда было две: «хорошая волна» и «плохая волна», то есть — хорошая литература и плохая литература. Хороший роман, — он и есть хороший роман, хоть ты тресни, хоть я лошн. И поколения-направления здесь ни при чем.

— Значит, невзирая на все сложности и расколы, фэндом жив?

— Да жив он, жив. Чего ему делается? По сути фэндом, как и все в стране, зависит от благосостояния граждан. Будет оно расти, будет народ богаче, — будут покупать и книги тоже, и книги будут выпускать большими тиражами. Значит,

Юрий Зубакин, Борис Завгородний и Дмитрий Скирюк.

книги будут дешевле. Будут книги дешевле, будут их больше читать, будет больше фэнов. Ну, и так далее.

— Ты так оптимистичен...

— Да многие хотели бы купить, но денег нет. Я же не один такой. У меня полно знакомых, которые и рады бы, да финансы не позволяют. Появится нормальная работа, появятся у людей деньги, будет больше писателей, количество продаваемых книг возрастет. Зарплат, пенсий сейчас на еду не хватает, какие уж там книги...

— А электронные книги не могут быть альтернативой?

— Да неудобно это! Ни читать, ни отдыхать с электронной книгой невозможно, только работать. На диван же не приляжешь с компьютером. Не подаришь, опять же, автограф не возьмешь... Книга — это все-таки произведение искусства, что-то живое, самостоятельное. А тут — программка какая-то... Помоему, книга еще долго не отомрет. Ну, может быть, печатать их будут не на бумаге, на пластике каком-нибудь, но книга все равно останется книгой в этом смысле слова.

— Ну, ладно. А вот такое для фэндома явление, как кон — встреча любителей фантастики, фэнов, критиков, писателей... зачем оно? Ты вот организовал два «Волгакона» для чего? Что они тебе дали? Что для тебя вообще такое — кон?

— Сложный вопрос. Так сразу, без пол-литры не разбе-

решься. Кон это, прежде всего общение друзей, единомышленников. Так бы мне пришлось к ним, к каждому приехать в гости, чтобы пообщаться, а так получается — все разом в гости ко мне приехали, заодно и пообщались... (вдруг спохватывается) Нет, приезд к ним в гости, он тоже никуда не денется! (общий хохот). Но тут они приехали, пообщались все разом — со мной, друг с другом тоже... Призы получили, — приятно... Разве не приятно? Приятно. Значит, оценили. Для читателя кон — это возможность что-то спросить у писателя, сказать, завести себе новых друзей. Для писателя — возможность отдохнуть, обменяться какими-то планами, поговорить, увидеть старых друзей...

— ...погреться в лучах славы...

— Ну, это тебе видней... (общий смех) Одним словом, «кон», он и есть кон. И никуда от этого не денешься. И не нужно громких слов...

— ...лучше помогите материально!

— Точно! Шлите мне побольше денег, приезжайте к нам на следующий год, и вы увидите, как я этим буду доволен.

— Немного о планах. Чем сейчас занимаешься?

— Ну, чем... Женился, вот. О новом «Волгаконе» уже начинаю подумывать. Число такое намечается хорошее — 2002, обидно будет пропускать.

— А как у нас поживает писатель Борис Завгородний?

— Да как... Нормально поживает. Вот жду, когда Сережка Зайцев нашу книгу закончит. Недавно первую прочел — знаешь, неплохо, совсем неплохо! И вообще, давай, выключай свою машинку — чай остывает... Вот ты сам; зачем ты на «Волгакон» приехал?

— Ну мало ли, зачем... Я — это несколько другое дело.

— Ну зачем?

— Ну, попеть, поорать, пообщаться... Ребят-фэнзи́неров хотел найти, контакты навести, друзей повидать, с читателями встретиться...

— Ну и чего? Навел? Поорал? Пообщался?

— Ну, не без этого.

— Ну, вот видишь!.. Тебе коньяку добавить?

— Спрашиваешь!..

Интервью у Б. Завгороднего брал
Дмитрий СКИРЮК.

Волгоград
05.09.2001

«УТОПИИ СЕГОДНЯ НЕВОЗМОЖНЫ»

(Интервью с Сергеем Синякиным, взятое после «Волгакона»)

На квартиру к Сергею Синякину мы с Борисом Завгородним обрушились к обеду. Не скажу, что это произошло случайно, но Сергей неосмотрительно нам сам так предложил, а мы не нашли в себе сил отказаться. Была жара. Мы добрались маршруткой в этот новый район Волгограда, усаженный пирамидальными тополями, с широким проспектом, пыльный снаружи, но очень приятный и тихий внутри, — нашли нужный дом, поднялись на нужный этаж и позвонили. Хозяин сам открыл нам дверь, и пока они с Борисом курили на балкончике и выясняли всякие организационные вопросы (Сергей был очень озабочен своим завтрашним визитом в Союз Писателей, собирался к фотографу), я получил возможность осмотреться. Меня поразили полки с книгами — не столько их количество и тематика, сколько подбор. Здесь была почти вся клас-

сика русской/советской фантастики — от именитых авторов, до откровенных раритетов. Сергей Синякин оказался просто отъявленным коллекционером: практически все книги были представлены первыми, в крайнем случае — вторыми изданиями. О многих из них я даже не подозревал, что они существуют. Я с наслаждением норылся среди этих редкостей, взвесил на ладони «Бронзовую улитку», после чего вслед за хозяином проследовал на кухню, где вкусил борща, великолепной печени в сметане и угостился чаем с настоящим гречишным медом. И только после, когда мы выбрались обратно на балкон, я включил свой диктофон.

— Сергей, сколько лет Вы в фантастике?

— Это как понять...

— Как сами понимаете.

— Первые книги, которые я прочитал, это был, примерно, конец 50-х годов. И вот с тех пор я — в фантастике. А первые книги, это еще был Колпаков — «Гриада». Тогда, конечно, это было все очень здорово для нас, мальчишек — полет через Галактику, к центру Галактики... битва с Познавателями, галактиане...

— То есть, как всегда — в таком возрасте мальчишке это все «бьет по башке», вся эта романтика звездных полетов.

— Да. У меня был приятель; он эту «Гриаду» от руки переписал. Сделал свои собственные иллюстрации, переплел, в общем, сделал такой томик один к одному. Вст как заразились тогда этой фантастикой, так с тех пор и пошло. А когда читаешь, испытываешь какое-то чувство неудовлетворенности, что ли... Хочется что-то поправить, что-то — сделать по-другому совершенно. И я начал пробовать писать. Потом был «Бетер времени» — клуб, собрался мы там, было очень много молодых ребят, и надо было как-то

по-ударному заканчивать каждый вечер. Во-от... И каждый вечер заканчивался главкой из повести. Так появился «Трансгалай», так появились «Три дороги к Поклон-горе». А потом... я понял, что это — не мое, и на десять лет я перестал что-нибудь писать.

— (1) То есть, не было такого: «Вот, не публикуют, поэтому и не пишу...», а было это Вашим собственным желанием — перестать писать и поискать новое что-то? То, что было бы «своим»?

— Да не то чтобы — «поискать...», «желание...», а дело в том, что каждый человек занимается тем, что он должен делать. А у меня была тогда интересная работа, которая занимала меня 24 часа в сутки. Поэтому было не до того, как писать. Хотя, в общем — то, лет, наверное, через десять, несмотря на работу и так далее, вдруг потянуло, и я начал по-новой что-то делать.

— Даже неизвестно, почему? Что-то изнутри вот стало стучаться, и...

— Ну, да! Захотелось что-то сказать, высказать, что-то сделать такое, что, как мне казалось, будет интересным.

— В литературе сегодня Ваши основные пристрастия... что? Фантастика, исторические хроники, расследования, энциклопедии, справочный материал?

— Да, в общем-то, наверное, так. История и фантастика.

— Почему именно — фантастика? Вы вот, например, милиционер с огромным стажем работы — 28 лет, начальник убийного отдела; такая насыщенная жизнь 24 часа в сутки, впечатлений — масса... вдруг — раз! — фантастика. Почему?

— Понимаешь, в чем дело... Когда начинал я читать детектив — да? — я начинал смеяться! Ну а фантастика... Фантастика была более всего тогда «научная фантастика», и там поднимались такие идеи, в которых хотелось разобраться. А поскольку «с налету» это не получалось, и таких очевидных пометх и промахов мне видно не было, то мне интересней было ее читать, чем детектив. Потому, что когда читаешь детектив, и видишь совершенно безграмотные действия героев, начинаешь очень сильно удивляться.

— Нет, не все же... Вот профессионал, который в милиции работает; почему он не может написать такой детектив, чтобы все ахнули и поняли, как надо? Вон, Кивинов взялся, и что-то написал подобное. Почему же, все-таки, стихия Синякина — «не детектив»? Это Вам так надоело? Или хватало работы, чтоб еще и писать про нее?

— Да нет, почему? — я пробую что-то писать детективное, но пока не идет. Скажем так: мне не нравится результат.

— То есть, как я понял, Вас пока удовлетворяет «альтернативное расследование», то, что сейчас называется «криптоистория», — все эти подводные лодки во времена Петра I... необычные путешествия... воздушные шары...

— Ну, да, это как раз и есть то, что мне сейчас интересно! Вот эта подводная лодка, например, действительно могла появиться. Действительно на северных морях строилось при Петре I «потаенное судно». Но Петр умер, и строительство заглохло. Но интересно — а если бы мы в те годы имели эту самую подводную лодку? И вот, исходя из этой предпосылки, я и начал писать эту повесть. Было просто интересно «постебаться» немножко. И — второй момент — она мне очень много дала для работы с языком. Очень много пришлось разных источников перелопатить, и в конце концов я остановился на «псевдоисторическом» русском языке, который использовал Алексей Толстой для своего «Петра I». Если бы, допустим, я взял тот язык, на котором разговаривали в то время, эту повесть просто невозможно было бы читать! Поэтому, во-первых, это было упражнение хорошее, во-вторых, мне просто было весело это писать, а в-третьих... Понимаешь, вот человек, школьник, который, может быть, никогда не откроет учебник истории потому, что ему скучно; он прочитает эту повесть и будет представлять, чем занимался Петр, как шла та война потому, что там у меня все это изложено довольно подробно. В деталях.

— Коллеги косо не смотрели на Вас из-за того, что Вы писали фантастику?

— Нет. Хорошо всегда относились. В начальстве, правда, не всегда хорошо относились, а остальные — все нормально.

— Круг фэнов, который в Волгограде, как-то повлиял на Ваше творчество?

— Ну, а как это не могло повлиять? Нас собралось тогда не так уж и много... это был Женя Лукин, это был Боря Загородный, Фролов Лев... Это были люди, которые много времени отдавали фантастике и с которыми было просто интересно общаться. А когда общаешься, это непосредственно влияет на тебя, правильно?

— То есть, сюжеты для произведений, сюжетные ходы, герои — все это бралось не только из жизни и «из головы», но и из общения с единомышленниками?

— Могу сказать, что с Лукиным мы, например, очень здорово друг другу помогали. Без вопросов. Друг на друга «обкатывали» то, что пишется. И Женя мне очень много советами помогал. Надеюсь, что я ему — тоже, потому что «Зону справедливости» он как раз и посвящал мне.

— Да, там узнаваемый образ, в «Зоне...», очень.

— Поэтому мне было очень приятно, что я ему чем-то помог. Это было очень интересно, и сейчас это продолжается. Мне точно так же интересна сама вот постановка задачи — то, как Женя ее перед собою ставит, как находит решение проблемы. У него учишься! А Боря, допустим, или Лев — они всегда помогут ценным советом... разумным и неразумным... Боря, вон, первую книгу тогда мою сделал — «Трансгалай», в 91-м, ту самую, с обложкой, так напоминающей этикетку от «Русской водки».

— Библиографическая редкость, между прочим.

— Да. Так вот, это же сделал Борис! Он тогда много чего сделал... Васильева «вытянул» Боху; первая книга Васильева — его. Первую книгу Алферовой сделал, Марианны. Первую книгу Резника — тоже он сделал... кстати, — «кинувшего» страну и уехавшего в Израиль.

— Ну, это его проблемы, Резника...

— Его проблемы, конечно, но дело в том, что здесь-то ему писалось бы лучше. И больше.

— Такой вопрос... Синякин, он сейчас известен как автор «на 12 листов», то есть — не роман, не рассказ, а вот именно такая короткая повесть. Это почему такая форма?

— Да скучно мне становится писать все это!..

— А короткое тогда отчего же не пишется?

— А «короткое»... оно пишется. Есть у меня ряд вещей коротеньких, даже очень. В конкурсе на мини-рассказ я не участвую, но... просто к этим маленьким рассказам я отношусь совершенно по-другому. Сейчас все кинулось в издательства, и если издательство печатает романы, то все негласно соревнуются, кто больше напишет: «Я двадцать листов написал!», «А я — тридцать!», «Я сорок листов написал!!!», «А у меня вообще — 9 книг по 20 листов!»

— Так я и говорю: Синякин, получается, первый, кто пробился на малых повестях.

— Почему? Лукин пробился на рассказах...

— Ну, Лукины, они еще в советское время пробились, при ВТО, при сборниках, при «Альманахе НФ», да и сейчас его рассказы издались во многом на волне популярности его имени, его крупных вещей...

— Все равно. Суть заключается в том, что микрорассказ — это прекрасное средство «набить руку», прекрасный опыт для работы с формой, потому что нужно вложить максимальное содержание в минимальное количество текста. Это работа с мыслью. А если ты начинаешь — развить, развить, развить, — ты никогда не научишься писать компактно.

— Если ты в микрорассказе способен передать мысль, то сможешь передать ее и в большой форме.

— Совершенно верно! Если ты успеваешь уложиться в 50 строк, ты потом гораздо больше мысли вложишь и в большую вещь. Она получится насыщенной, содержательной, а не раздутой попусту, за счет, допустим, диалога на три страницы.

— Килобайты позволяют, ага. А Вы на компьютере пишете? Сложно, наверное?

— Нет, это — удовольствие! Ты понимаешь, ручка и компьютер, это, вроде, как из каменного века сразу к нам перескочить. Одно дело, когда у тебя ясный, четкий текст перед глазами, а когда ты сидишь, пишешь ручкой и почерк свой сам не понимаешь, то раздражаешься. А тут ты видишь самое главное. Видишь, например, что этот абзац появился слишком рано, и ты одним нажатием кнопки можешь перебросить его, куда надо, на его законное место. От руки, если переписывать каждый раз двадцать — тридцать строк... [безнадежно машет рукой]. А так — это же удовольствие! Убрать излишки, добавить недостающее, выверить текст — никакой ручкой этого не достигнуть.

— Так, ну, с формой мы все выяснили. Вот такую тему еще хотелось бы затронуть. Вот сидит Сергей Синякин, он такой основательный хозяин, у него квартира, дом полной чашей, он известный профессионал в своей области. Великолепный кулинар. Семьянин. Домосед. А книги у него — «Трансгалай» (о путешествии через Галактику), «Вокруг света с киллерами за спиной»... «Монах на краю Земли», «Владычица морей» — опять-таки о путешествиях. Эта тяга к странствиям — откуда? что? почему?

— Понимаешь, как бы это сказать... Помнишь, в известном фильме Абдулла сказал: «Хороший дом, хорошая хозяйка. Что еще нужно человеку?» Тогда какого ж хрена Верещагин полез на баркас? Это говорят те, кто меня совсем не знает. Дело в том, что за эти двадцать восемь лет я объездил практически весь Советский Союз. Это: вся средняя Азия, все Закавказье; это половина Сибири, Чукотка; это вся центральная часть России; Украина — практически со всеми ее городами; Прибалтика — почти все столицы и еще провинциальные города...

— Ага! Теперь понятно. Когда реальная жизнь богаче любой литературы... А каков сегодняшний круг чтения Сергея Синякина? Кого из литераторов читает Сергей Синякин?

— Э, не-ет! [хитро улыбается] Так вопрос ставить нельзя... Не скажешь о ком-нибудь, а он сразу: «А, он меня не читает!», и — обиделся.

— А почему нет? Пускай обидится!

— Да нет, дело не в этом. Прочитать все невозможно, но за новинками я слежу и, в принципе, начиная от «нашего королька» Лукьяненко, которого все уважают и любят, до начинающих ребят, которые пока всего одну-две книги выпустили, я стараюсь все прочитывать, просмотреть. Другое дело, что в мой круг интересов абсолютно не входит, например, фэнтези. Ну, не интересно мне это — драконы и это... на шпагах там... и проклятия... и — что еще там? — я не знаю. (Тут я чуть не припомнил Сергею его «Три дороги...», но вовремя прикусил язык. — Д.С.) Мои пристрастия, они отличаются от массовых пристрастий тех пацанов, которые читают, допустим, Толкина. Я с уважением к нему отношусь; он создал прекрасный Мир, но, понимаешь, — плоскости разные. Я могу сказать, что я с ОЧЕНЬ большим интересом прочитал в последнее время. Я прочитал с интересом Штерна — «Эфиопы»; я прочитал «Гиперборейскую чуму» Успенского и Лазарчука; я прочитал с огромным удовольствием «Там, где нас нет» Успенского; я прочитал — гораздо раньше, чем эти вещи появились на прилавках — всего Лукина, и мне это доставило большое удовольствие. Я прочитал одну из последних книг Вохи Васильева и удивился, потому что я видел, как Воха писал свои первые книги, и это — огромная разница. И когда сейчас я с ним как-то ближе познакомился, он мне и как человек понравился... Я очень уважаю «Олдей», это прекрасные парни, но (видимо, это их «хохляцкая» натура) они все делают вот этак вот, — с расстановкой, дотошно, основательно. Разве я после этого хороший хозяин? (смеется). Вот — хорошие хозяева! Все у них сложено, все впрок... Хотя, признаться, я далеко не все у них читал. Но вон, «Маг в законе» я прочел, — хорошая вещь, но тяжелое впечатление осталось. Это хорошо, когда они так детально «делают Мир», но порой очень «грузит». Это даже скучно.

— Ну, а что остается делать? Если пишешь утопию или антиутопию, иначе нельзя, необходимо, чтобы читатель в этот мир поверил, «кразанулся» всерьез... Кстати говоря, среди филологов, литературоведов бытует мнение, что как таковой фантастики нет вообще, а есть только утопия и антиутопия.

— Да кто сейчас пишет утопии? Сейчас никто их не пишет. Разве можно, например, «Гравилет «Цесаревич»» назвать утопией? Да нельзя. Это политический манифест какой-то...

— Нет, погодите, как же так? Утопия есть. Тот же «Путь меча» у Олди... Да вот, зачем далеко ходить, вон, современная утопия — Ван Зайчик. Откровенная трехтомная утопия! Причем, довольно любопытная.

— Я могу сказать про Ван Зайчика одно: это как раз не утопия, это как раз — метания и стенания истинно русского интеллигента на фоне такого же интеллигентного стеба. А утопия невозможна по одной-единственной причине: старые нравственные ориентиры утеряны, новых еще нет, и будут ли они — черт его знает. Раньше ориентир был — Светлое Будущее, в котором по всем

меркам нам будет приятно жить. И вдруг... нет ничего, и не интересно жить, и никакой перспективы впереди, что этот интерес появится. И если бы мы взяли сегодняшний номер какой-нибудь газеты, которую сейчас издают, и я его вдруг напечатал бы ТОГДА, — еще в 82-м, в 80-м году, все это восприняли бы как антиутопическую фантастику. «Да не будет такого никогда!» — сказали бы они. Никогда не будет! А мы вот живем в этом мире — пожалейте! А мы не верили, что оно когда-либо придет, такое время, а теперь — нате, ешьте его с кашей... Вот поэтому, поскольку мы к нашей «чернухе» уже привыкли и не заметили, как эти нравственные ориентиры у нас ушли, утопия сейчас и невозможна.

— А что, получается, тогда возможно? Произведения «с открытым финалом»? То есть: боевик, где всех перестреляли, фэнтези, которое без конца продолжают и та самая «криптоистория», которой не было, и потому она по определению чем-то закончиться не может... Так, что ли, получается?

— Ну, утопией, конечно, фантастика не ограничивается, в фантастике направлений довольно много. И сейчас — пожалуй, — вот вам Витицкий, «Двадцать седьмая теорема этики»: попытался человек разобраться под конец жизни в себе, выяснить, что такое призвание человека, для чего человек вообще существует. Это — философское направление. Почему нет? Другое дело, что молодые ориентируются только на ТЕ три направления. Начинают кричать: «А-а! Это издательская позиция такая, нас загоняют!» Ребята, да вы же ничего другого не пишете! Когда начинаешь писать вещь, это должно быть маленькое открытие — ты что-то новое пытаешься сделать. Да. Тогда издатель смотрит и говорит: «Да за ради бога! Это интересно, это будут читать». А, допустим, приходит молодой автор и говорит: «Меня не издают, а я вот такой боевичок написал!» А если «боевичок», так вон, — есть Головачев, он тебя перепплюнет всегда! А ты-то чего нового сделал? Ничего. И человек начинает писать «под кого-то», «подо что-то», лишь бы напечататься, лишь бы пробиться. И вот мы имеем половину литературы — «под кого-то». Вторая половина — самостоятельная, но потом появляется третья, которая начинает писать «под» эту вторую, вместо того, чтоб сесть и сделать что-то новое. И пусть бы не печатали год-два, пусть, ведь идея важнее... Я бы сказал, что все это — не очень хорошо.

— Ну, о литературе мы поговорили, о круге чтения поговорили, вот... А какие есть хобби у писателя Сергея Синякина?

— Ловить рыбу... [загибает пальцы] Это — раз. Да, да. Готовить — для себя и иногда для друзей, это — два... Загородного угощать, ага! [смеется] Но это не хобби, это — так, почетная обязанность... [загибает третий палец и с хитрым видом молчит].

— А третье?

— Ну, а про третье я не скажу!

Интервью у С. Синякина брал
Дмитрий СКИРЮК.

Волгоград
04.09.2001

хроноскоп

Сергей СИНЯКИН

РЕКВИЕМ ПО КНИГАМ ДЕТСТВА

Мы взрослеем.

Мы уходим из детства без сожаления. Сожаления приходят потом, когда становится ясным, что возраст с каждым годом увеличивается, а детство уже не возвращается. Сожалеть об этом глупо, ведь время как река, в него, как и в воду реки, невозможно войти дважды. Даже если попытаешься, вода будет другой, совсем не той, что ты ощутил впервые.

Где мое детство, похоже на сон?

Нет, я не жалею о возрасте — жизнь неизбежно проходит, на смену детскому удивлению перед миром приходит усталость и разочарование. И все-таки жаль одного — очень жаль, что невозможно ощутить то удивление и тот восторг, однажды уже испытанный однажды.

Я говорю о книгах.

Детство моего поколения пришлось на фантастическое время, когда звезды неожиданно приблизились. Взлетели в космос ракеты, потом запустили первый спутник Земли, после него залязали

на звезды первые космические путешественники, и как-то неожиданно для всего мира, но еще неожиданной для нас, читавших фантастику мальчишек, совершил первый виток над Землей Юрий Гагарин.

Мы ходили в школу, спорили, дрались, играли в футбол и в казаки-разбойники, застенчиво поглядывали на девочек, а на наших полках уже появлялись первые книги, которые позже составили библиотеки. Тогда видео не было, компьютеры не существовали даже на страницах фантастических романов, вместо них были громоздкие вычислители, казавшиеся не только нам, но и ученым с писателями верхом совершенства техники. Снижение размеров до книжного шкафа уже казалось сверхфантастикой, автору, который горячечно предполагал такое, вежливо пеняли: ну, загнали вы, батенька, нельзя же так! Надо и меру знать!

Вместе с тем, это был конец пятидесятых и начало шестидесятых годов. Фантастика ближнего прицела уже уходила в прошлое, на смену ей приходили книги, которые заставляли читать себя с полуоткрытым ртом и затуманенными воображением глазами.

Появилась «Туманность Андромеды» и «Звездные корабли» Ивана Антоновича Ефремова, уже написали свою знаменитую «Страну Багровых туч» еще малоизвестные, но уже такие близкие любому фантазеру братья Стругацкие, добрые люди переиздали Собрание Сочинений Александра Беляева и «Аэлиту» с «Гиперболоидом инженера Гарина» Алексея Толстого, а на полках сельских библиотек еще сохранились книги 20-х годов, которые переходили в собственность мальчишек путем никем пока не описанной, но уже существующей сигма-деритринитации, ко-

торая позволяла мгновенно перемещать предметы из одного места в другое.

Близился, да что там близился, стремительно приближался мир Полудня, мир, в котором хотелось жить и работать, уже беседовал с Видящими Суть Вещей астронавт Шевцов. Пусть еще не явился в мир благородный и бледный дон Румата с обрубком видеопередатчика на голове, но уже изучали Солнечную систему Быков, Юрковский, Дауте и Крутиков, появились первые могилы космопроходцев на Венере и Марсе, и наивные «Звездоплаватели» Георгия Мартынова были для мальчишек моего поколения откровением, как «Луиная дорога» и «Внуки Марса» Александра Казанцева.

Но были и иные книги, книги, которым выпала тяжелая и трудная судьба. Их ругали все и ругали совершенно правильно, все так, но на книжных полках нашего времени они были самыми зачитанными, ведь в них говорилось о звездах — том мире, который притягивал нас своей недостижимостью.

Господи! Конечно же, они были ненаучными и эпигонскими, конечно же, с высоты сегодняшнего дня они были литературно беспомощными, но мы читали их, мы зачитывались ими, и чтобы там не говорили критики, эти книги приближали эру «Открытия себя» Владимира Савченко, «Далекое Радуги», отчаянно веселого и остроумного «Понедельника», тоскливо злой и не менее остроумной «Улитки на склоне» братьев Стругацких, и десятков других книг, которые сделали наше поколение таким, как оно стало, и научили моих сверстников думать. Впереди были знакомство с Кларком и Бредбери, Карсаком и Воннегутом, Ольгой Ларионовой и паном Станиславом Лемом, Оруэллом и Набоковым, Варшавским, Днепровым, Замятиным, Анчаровым и многими-многими другими, делавшими мир духовно богаче и умнее.

Но эти книги мы читали с восторгом, мы брали их друг у друга, спорили о них, мы читали их и перечитывали, хотя они, быть может, и не стоили того, как довольно ехидно подмечали критики.

Одной из таких книг была «Грида» Александра Колпакова. Вместе с героями ее мы летели к Центру Галактики, высаживались на планете Познателей, участвовали в революции, знакомились с таинственными и всемогущими метагалактианами, чтобы через миллионы лет вернуться на ставшую неопостижимой Землю. Еще одной такой книгой была повесть Олеса Бердника «Пути титанов», где мы, мальчишки, вообще мчались через галактики и боролись с кибернетическим диктатором, чтобы освободить поработанных им инопланетян. Не менее притягательными были для нас повести Александра Полещука «Звездный человек» и «Ошибка инженера Алексеева», «Путешествие «Геоса» А. Новикова, роман М. Ляшенко «Человек-луч», в котором впервые в советской фантастике решались проблемы переброски человека через пространство в виде фотонного луча.

Ах, как мы читали эти книги! Мой друг Александр Галкин по причине книжного дефицита переписал «Гриду» от руки, снабдив ее собственными рисунками, и все жалел, что невозможно ее где-то сигма-деритринитировать.

А добытое тем же фантастическим путем «Возвращение» братьев Стругацких сопровождало меня всю мою сознательную жизнь — в Сибирь и армию, многочисленные командировки и, если бы я полетел в космос, то она, конечно же, полетела бы вместе со мной.

Ряды книг на полках росли, и мы становились умнее. Ряды книг на полках становились больше, и мы все отчетливее понимали, в каком мире мы живем, и в каком мире нам хотелось бы жить.

Боже мой! Как мы были счастливы в том мире, где взрослые и дети пытались рассмотреть первый «Восток» через бутылочное стеклышко, еще не зная, что он уже давно сел и Гагарин летит в Москву, чтобы пройти по ковровому покрытию с развязавшимся на ботинке шнурком, и было страшно, как бы он не споткнулся, так страшно, что все вздохнули с облегчением, когда все обошлось.

Книги нашего детства...

Они стоят на книжных полках потрепанными и потертыми, но это несколько не портит их, наоборот, говорит о том, что они прожили свой литературный век не зря.

Книги нашего детства...

Они похожи на рыцарские доспехи, которые выросшие дети уже не могут надеть, но в которых было совершено так много блистательных подвигов.

Я открываю иногда эти книги и с сожалением вижу, что вырос из них, как вырастают из брюк и курток подростки, идущие строить и покорять окружающий их мир.

Я благодарен им, ведь они научили меня мечтать. Он научил меня думать. Они научили мое поколение жить на разрыв, так, чтобы потом не жалеть ни о чем, даже постарев и оставшись бездомным.

Я смотрю на книги своего детства. Штурман Кондратьев, ну зачем вы бросились на допотопной черепахе с ядерным приводом, да еще с полюса, покорять новый мир?

Кондратьев молчит. Да и я не могу ответить.

Пусть другие говорят, что я жил в серой и безрадостной империи, пусть другие говорят, что моя жизнь осталась где-то в стороне от галактического потока.

Я думаю, что это не так.

Я твердо уверен, что мне нечего стесняться прожитой жизни, пусть даже эта жизнь здорового и умного мужика была по-

ложена на то, чтобы убирать с человеческого пути бытовую житейскую грязь в виде разных сволочей и негодяев.

Я честно дрался и проиграл.

Моего отчества больше нет.

Мой друг афористичный, остро-

умный, язвительный бард и фантаст

Женя Лукин качает головой: «Спалили мы Отечество,

приятель. Уж больно нам был

дым его приятен». Постоим на

пепелище империи. Нашей род-

ной империи.

Мы с ним некропатриоты.

Мы любим Отечество, которое

умерло, ушло вместе с XX ве-

ком.

Житейская история. В жизни

всегда кто-то проигрывает. Ни-

что не вечно под Луной — даже

империи, которые казались веч-

ными и незбылемыми.

Я живу в чужой стране, и да-

же язык, на котором в этой стра-

не говорят, не всегда мне поня-

тен.

Выросли новые дети. Эти де-

ти читают новые книги. Дети,

как дети — они не хуже и, пожа-

луй, не лучше моего поколения.

Они просто другие. Это не уди-

вительно, ведь они родились в

новой стране, они хозяева там,

где я — иммигрант.

Мне и моему поколению ос-

тались пожелтевшие страницы

книг, когда-то завораживавших

нас в детстве. Желтые страницы

книг и тоска по несбывшемуся.

Очень хочется в мир, кото-

рый снился тебе в детстве. Мир,

в котором мы превращались в

фотонный луч или строили меж-

звездные корабли, в котором мы

летели сквозь галактики, еще

не зная, что прилетим в никуда.

Известный и очень талантливый

ленинградский писатель

Вячеслав Рыбаков, который живет

теперь в Санкт-Петербурге,

написал своеобразное продолжение

«Туманности Андромеды». Это

продолжение называется «Прощание

славянки с мечтой».

Я его понимаю.

Я все понимаю. В том числе понимаю и мир, в котором живу. В нем вместо артистичного Юрковского властвует умами

Сергей Синякин — лейб-повар «ВолгаКона»-2001».

мужиковатый Брынцалов, вместо бесстрашного капитана Быкова и стеснительного штурмана Крутикова учит людей жить «генерал» Дима Якубовский, вместо задающего умные вопросы Жилина дает idiotские ответы юрист и сын юриста Владимир Жириновский. В этом мире ум и совесть смело меняют на чистоган, а у людей вместо звезд в глазах отражаются доллары. На смену поколению романтиков пришло поколение прагматиков, хорошо знающих, что такое чистоган. Мы жили в стране зон, теперь мы все живем в одной большой зоне, а над нами лишь паханы и братки. Охранять нас не надо, ведь мы никому не нужны.

Я не идеализирую мир, в котором жил, — в нем было душно, в нем было страшно, как в старом вонючем колодце. Но над этим колодцем был виден кусочек неба, в котором сияли звезды.

Наверное, меня спасли. Так говорят. Я не буду спорить.

Я сел на краю колодца и отдыхался. Придя в себя, я огляделся по сторонам. Империи не стало. Но все те же люди, которые не давали мне жить там, продолжают учить меня, как

жить здесь. Кусочек звездного неба исчез, меня окружает душный мир, в котором не стало видно звезд.

Друзья, мы так долго шли к светлому Полдню, что даже не сообразили сразу, что это мираж.

Мираж растаял, мы растерянно огляделись и увидели на высоком холме город в дожде, а вокруг холма свился кольцом огромный и страшный змей. Мы опять в Граде Обреченном, и над нами неведомые и похожие на нас существа ставят очередной эксперимент.

Я понимаю, что отныне это неизбежные реалии моего бытия. Как ни грустно, ребята, но мы никуда не летим.

Я понимаю. Только не могу этого принять.

Я только надеюсь — однажды те, кто пришел после нас, поймут, что звезды нельзя разглядывать в сонной луже, надо обязательно поднять голову и тогда станет видно, что утро уже наступило, а до Полдня не так уж и далеко.

Царицын, 17 июня 2001 года.

там-сям-издат

Белянин, Андрей, «Сестренка из преисподней». — М.: «Армада — Альфа-Книга», 2001. («Фантастический боевик»). Вторая книга сериала «Моя жена — ведьма»

Есть писатели, которые пишут много, но плохо (не будем называть имен). Есть, которые наоборот — пишут хорошо, но мало (тоже не будем называть имен из соображения политкорректности). «Астраханский затворник» Андрей Белянин в этом смысле представляет середину. Может быть, не золотую, но уж серебряную — безусловно. Его новая (уже не помню, какая по счету) книга снова отправляет нас в столь любимый Беляниным мир псевдо-античной демонологии, описанный им в первой книге сериала. На этот раз сюжет закручен менее лихо, но более, я бы сказал, авантюрно. К тому же, книга рассчитана скорее на подростковую, нежели на взрослую аудиторию. Судите сами. Родственница главного героя — юная девица, помещенная на японском мультсериале «Сэйлор Мун» (у нас он шел под названием «Луна в матроске»), приехавшая в гости на каникулы, случайно обнаруживает у него дома некий «талисман силы» (естественно, тут не обошлось без происков главного злодея), активирует его и проваливается в тот самый мир демонов в качестве... ну, правильно, конечно же той самой Банни Цукино — главной героини сериала «Сэйлор Мун». Как следствие, она забывает свое прошлое и в новом облике начинает там бороться со злом. А поскольку «зло» вообще — понятие растяжимое, то под это определение попадает довольно много народу, и в магической стране начинается форменный переполох. Для ликвидации которого и вызывают главного героя — поэта из нашего мира и мужа той самой ведьмы из первой части.

Андрей Белянин никогда не страдает тонкостью подхода к раскрытию темы, здесь вы не найдете литературных красот. Для его книг характерны обаятельные герои, заведомая нестандартность ситуаций, в которые они попадают, и своеобразный юмор при общей топорности стиля. Это добротная литература, что называется — «читиво», и это ни в коей мере не является упреком. Хорошее читиво тоже надо уметь сотворить, и у Белянина это получается. Хотя нормального читателя не раз заклинит на словесных вывертах. Некоторые фразы, вроде: «...несмотря на кровь, стекающую вниз с

губы по подбородку, я продолжал давить на гашетку» просто убивают наповал. К сожалению, вторичность выбранной для этого романа смысловой и сюжетной «маски» (все-таки японский сериал для девочек — легенда современная) диктует свои законы. Да и автор зачастую увлекается и принимается страницами описывать, какие славные девочки — припевочки громят волшебную страну, но это уже вина не Белянина, а скорее, создателей сериала и собственно культуры анимэ. И впрямь все это выглядит весьма комично, когда в качестве террористов выступают четыре глазастых длинноногих девочек, среди которых затесалась двухметровая блондинка-переросток в мини-юбочке, облегающей детсадовской матроске и высоких красных лакированных сапожках. (Ой! Гм!.. Что-то и меня уже тоже заносит...)

Нельзя не обратить внимание, что при внешней легкости сюжета и дурашливости ситуации, роман затрагивает довольно серьезные проблемы, например — положение в обществе различных меньшинств (все равно, каких, но в данном случае, как сказано у автора — «нетрадиционных магических»), а также слепые методы, при помощи которых общество так любит укрощать в себе любые отклонения, совершенно не беря за труд разобраться в их природе. Опять же такая проблема, как «синдром 2D» (влюбленность в мультипликационного персонажа вплоть до полного игнорирования окружающего мира), по поводу которой сейчас болят головы у психологов во всем мире, тоже нашла свое отражение в романе. В общем, при ближайшем рассмотрении роман Белянина оказывается не только непрост, но и довольно злободневен. И это тоже можно записать в раздел достоинств.

Что приятно — мир в произведениях Белянина неплохо проработан, и при внешней простоте его страна «нигде и никогда» выглядит по крайней мере оригинально, без надоевших «эльфов-гоблинов», и даже пресловутые бароны там какие-то, не скажу, что хорошо описанные, но... своеобразные, что ли. Да и bestiary подобран с выдумкой и со вкусом. В общем, вроде можно и нужно придраться, а не хочется. Тем паче, что по сравнению с первыми своими опусами Андрей заметно прогрессировал. Хотя по большому счету никаких неожиданностей от чтения этой книги вы не получите — «Сестренка из преисподней» вполне подтверждает репутацию Белянина, как ав-

тора скорее плодотворного, чем даровитого, умеющего обыграть весьма нетривиальные сюжеты, несколько не в меру юморного, и мало на кого похожего. С одной стороны, эта своеобразность хороша: такой автор мог возникнуть только в России, его с трудом можно представить живущим где-то в Оклахоме или в Оксфорде. С другой стороны — подобный подход к фантастике грешит «местечковостью» и никогда не будет претендовать на какую-либо глобальность. Оригинальность в этом смысле всегда чревата некоторым отчуждением. Хорошо ли это, плохо ли — решайте сами.

Но все же где-то в глубине души я недолюбливаю книги Белянина. Только не поймите меня неправильно. Просто когда я вижу терем, срубленный одним лишь топором и без единого гвоздя, на меня невольно накатывает умиление — умеют же! Но когда я захожу в него и вижу, что внутри вся мебель, от кресла до стола и шахмат на этом столе также срублена одним лишь топором и второпях, без всяческой отделки, то меня от этого корбит. Все-таки, так нельзя. Но, как гласит народная мудрость, «если нельзя, но очень хочется, то можно». А книги читает, в основном, народ.

Кстати говоря (не в виде критики, а так), если разобраться, то «Сэйлор Мун» — уже вчерашний день. И, учитывая любовь Белянина к смешению временных легенд и исторических несоответствий, я не удивлюсь, если в его следующей книге кто-нибудь вообразит себя, например, покемоном...

Дмитрий СКИРЮК

Борис Тараканов, Сергей Галихин. Кольцо Времени. — М.: «АИФ-принт», 2001

Можно никогда не прочитать этот роман, вышедший в 2000 году в издательстве «АИФ-принт», а до этого заботливо проанонсированный в Интернете по адресу <http://poezd-prizrak.tarakanov.net> и в многочисленных «фантастических» форумах и гостевых книгах. Но не зная легенду о «поезде-призраке», обсмакованную еще в 70-х годах в Западной фантастической литературе, а в 90-х — в большинстве российских газет, невозможно. У одних это странное словосочетание ассоциируется с гибелью линкора «Новороссийск» (якобы в ночь перед катастрофой этот поезд видели под Севастопо-

лем), у других — с неизвестной романтикой железной дороги... В русской фантастике тема «поезда-призрака» впервые была по-настоящему воспева в 70-х годах писателем Владиславом Крапивиним, уже в те годы заслуженно считающимся мэтром «литературы для ищущих». В его фантастической трилогии «Голубятня на желтой поляне» некий поезд проходил через разные пространства, замкнув Время в кольцо. Это «кольцо», судя по всему, так и не суждено было разорвать — в начале нового тысячелетия в русской фантастической литературе неожиданно для всех появился роман, полностью основанный на идеях, когда-то предложенных Крапивиним и, похоже, основательным им забытых.

Для журналистов и фантастов идея железнодорожных аномалий — это «черный хлеб», который никогда не надоеет. Поэтому «соль» не в том, что тема поезда, загадочным образом пропавшего в Италии летом 1911 года, вновь попала на страницы русской фантастики, а в том, что к этой теме неожиданно решили обратиться создатели фантастической серии «Черная Звезда» издательства «АИФ-принт».

Не фантастикой единой живо «расписание» злополучного состава. В постсоветскую прессу «поезд-фантом» был привнесен журналистом (писателем-маринистом по совместительству) Николаем Черкашиним. Его публикации в «Технике — молодежи», «Совершенно секретно», «Российской газете» etc., наглядно показали, что XX век пока еще не создал ни одной столь же стройной и привлекательной мистификации. Но вот за дело взялись фантасты. Очевидно, муза-идея слишком долго витала в прокуренных кулуарах Русской Фантастики, стучась в головы то почивающего на заслуженных лаврах Булычева, то озорника Лукьяненко, то «гения синтетической inferнальности» Никитина, то занятых евгеникой человечества супругов Дяченко... Не достучалась муза. Вот и пришлось Ей (очевидно, «за неимением лучших кандидатур») обратиться к писателям начинающим и в фантастике совершенно неопытным. Выбор почему-то пал на оригинального интерпретатора сведений о классической музыке Бориса Тараканова и сочинителя детективов Сергея Галихина.

В качестве популяризатора классического музыкального наследия, Б. Тараканов достаточно ангажирован. Возможно, из-за относительной незаполненности этой ниши. Статьи его далеко не шедевральны, но читаются с интересом, хотя изобилуют странными фактами в стиле откровений Галины Улановой (та как-то обмолвилась, что во время знаменитого пробега Джульетты в гениальном творении Прокофьева, она вспоминала молодого врача Кремлевской больницы, который делал ей аборт). Тем не менее, на одобренные «клубничкой» обзоры Тараканова можно наткнуться и в Интернете, и на страницах уважаемых периодических изданий — от демократичных «Компьютера» и «Мир ПК» до чопорного приложения «Искусство» к газете «Первое Сентября». Сергей Галихин менее известен читающей публике — на данный момент из его публикаций можно назвать только один детектив, изданный в «АСТ», но почему-то подписанный совершенно незапоминающимся псевдонимом.

Версия Галихина и Тараканова известной истории о «поезде-призраке» обладает рядом достоинств небольшого фан-

тастического романа: компактностью формы, остротой конфликта (философское столкновение Добра и Зла, в том числе в душе человека), динамичностью действия, а главное — гармоничным компромиссом между попыткой обратиться к классическим традициям русской фантастики и несмелым новаторством. Сам Черкашин, беспорочный «крестный отец» железнодорожной легенды, прочитав этот роман, наверняка скажет, что свой «Поезд-призрак» он так и не написал.

Несмотря на определенное количество сюжетных и композиционно-стилистических «ляпов», в работе соавторов чувствуется мастерская направляющая рука. Наше время, как известно, не балует нас Беляевыми и Ефремовыми. Но зато есть Владислав Крапивин — блуждающий метеорит, оторвавшийся от блистательного созвездия классической школы фантастики, и прочно осевший в Екатеринбурге. Достаточно экстравагантный персонаж для московских палестин, он лично «благословил» соавторов на использование его философских идей о параллельных мирах «кристаллической вселенной», и наверняка частично помог с общей редакцией текста — что касается «технической оснащенности» соавторов (чувство композиции, словарный и фразеологический запас, умение «управлять стилем» и т.д.), то претензий здесь, к сожалению, недостаточно. Видимо поэтому рукопись романа была практически в одно и тоже время отозвана из «АСТ», «Аванты плюс» и «Армады», и переделана под требования новой серии молодого издательства при известном бульварном еженедельнике. Но и в рамках «Черной Звезды» произведение, похоже, не станет «своим», ибо, несмотря на топорное редакторское вмешательство господина Янковского, оно сохранило амплуа экзотической залетной птицы и стиль рафинированного самолюбования — все это, как известно, не очень соответствует традициям, принятым в современной фантастической «тусовке». Но если относительно образа «сатаниста» Лукавского бесстрастно холодную манеру изложения еще можно обосновать, то в описаниях взаимоотношений героев отсутствие у соавторов должного писательского мастерства приводит ряд ситуаций к полному краху. Например, эпизод финального объяснения с «сошедшей с катушек» Тамарой в Подземном Храме (эпизод, требующий кипения агрессивных страстей и, как минимум, сексуальной соблазнительности) в эмоциональном отношении совершенно провален.

На фоне всех этих видимых невооруженным глазом несоответствий вторая («итальянская») часть романа подкупает искренностью, гибкостью и текучестью сюжетной линии, по-модернистски красивыми описательными оборотами. Авторы не стесняются лишний раз доказывать своему читателю, что, в конце концов, все мы — путешественники, и все ищем свою Италию.

Как всегда в подобной литературе — «любые совпадения случайны». Однако нельзя не предположить, что образ Григория Бондаря неуловимо соотносится с личностью журналиста Николая Черкашина — основного генератора идеи «поезда-призрака» и фактически автора его отечественной ипостаси. Пожалуй, это самый колоритный персонаж в романе — элитарный, начитанный, информированный, интеллигентный, готовый прийти на помощь всему человечеству, но... сам

становящийся жертвой артефакта, обещающего неограниченную власть. Через сердце именно этого героя авторы проложили лезвие образцового конфликта: мечты и грубой действительности. В эпизоде, когда наделенный мистической силой череп попадает в руки Бондаря, на наших глазах вдруг открывается экзистенциальная Бездна — происходит внутреннее перерождение человека. Это уже не спокойно-рассудительный Григорий Ефимович, гуляющий с журналистом Юрой по заброшенным рельсам и беседующий с ним о топологических корнях феномена «поезда-призрака». Это вырвавшееся на свободу его второе «я», квинт-эссенция темных сторон души и в тоже время некий фантом, рок, судьба! И соблазн вновь берет верх над добродетелью...

В финале романа Добро побеждает Зло с огромным трудом. Удивляться не приходится — какие времена, такие и концовки. И, несмотря на вопиющую писательскую неопытность и воинствующий эстетизм Бориса Тараканова в сочетании с детективно-брутальным апломбом Сергея Галихина, впечатление от знакомства с результатом их совместного творчества, в общем и целом, положительное.

Давид БУРЧУЛАДЗЕ,
литературный обозреватель
издательства «Столичный Север»

В. Ильин. Сны замедленного действия. — М.: «Эксмо-пресс», 2001

Шерлок Холмс как-то сравнил мозг человека с чердаком, на котором скапливаются вещи. И только от человека зависит, какими вещами чердак забить. То ли полезными, то ли хламом. Во втором случае, когда совершенно необходимо за тащить туда нечто нужное, может оказаться, что места для него уже не хватает.

Это было сказано более ста лет назад. А еще лет через семьдесят небезызвестный Ийон Тихий обезвредил дракона Диплоя, который грабил звездопроходцев, отбирая у них... информацию. Он сделал это очень изящно: соорудил демона Максвелла. Только тот аккумулировал не молекулы, а биты. Совершенно при этом не селектируя информацию. И дурак дракон захлебнулся в потоке никому не нужных сведений.

«Информация правит миром», — сказал какой-то не очень великий человек. Истинно же великий, Норберт Винер, сформулировал первую аксиому кибернетики. Гласит она следующее: информации нет без ее носителя.

Поэтому разговоры об информационном поле хороши для застольного разговора. Либо же для публикаций в журналах типа небезызвестного «Чудеса и приключения». Наконец, для газетных или журнальных статей, подписанных, как правило, членами одной из десятков нынче расплодившихся академий — кроме, конечно, РАН. Наконец, для фантастической литературы.

Только не надо при этом маскировать ее под научно-фантастическую.

Роман Ильина именно это и делает.

Суть дела в том, что люди, не могущие жить без информации, впади в лентаргию, и такой вот сон — это способ войти в земную инфосферу. Почему во-

круг нескольких латаргигов сталкиваются интересы всех спецслужб страны, да еще некой международной организации, занимающейся НЛО и прочими Лох-Нессами? Оказывается, корни тянутся чуть ли не в Шамбалу. Неясно только, во-первых, почему все эти «видящие (в близком будущем) суть вещей» скопились в одном городишке. Во-вторых же...

Ну, да, идея богатая, хоть и не новая. «Ему не давали читать, и он умер от голода». Так, кажется?

Только вот — что читать?

Помнится, еще один из гоголевских героев обожал чтение. Но его не волновало — что именно читать. Вывеску, скажем, или руководство по разведению турнепса. Его занимал сам процесс. А мокрец умер от голода, но дерьмо бы есть не стал. Потому он и мокрец. «Спящие» же у Ильина — сплошные Петрушки и Селифаны. Право же, В. Ильин не убедил, что будущее за ними. За теми, кто сутками смотрел в телевизор или читал все газеты, которые попадались под руку. Их чердаки забиты хламом, по определению великого сыщика. На черта им инфосфера? И на черта инфосфере — они? Что, более достойных кандидатов нет? Эйнштейн недостойн. Ландау — тоже. Инфосфера ждала, пока не появились клерк Нейл Ностингер и недоучившийся школьник Олежка Круглов.

Ой, не верится что-то...

А если не верится в это — кто поверит в резню, учиненную ГРУ, КГБ и прочих спецслужбами, на чем, собственно, и строится сюжет?

Любая научно-фантастическая вещь должна быть основана прежде всего на свежей идее. Либо на новом повороте идеи известной. Но она (или «он» — поворот то есть) должны быть убедительными.

Иначе никакими накрутками фабулы читателя за живое не возьмешь.

**Юрий АСТРОВ —
ЗАЦАРИЦЫНСКИЙ**

Мария Галина. Прощай, мой ангел. «Крещатик». Международный литературно-художественный журнал. № 1(11), 2001

В повести Марии Галиной описывается гипотетическое настоящее, в котором мы могли пребывать сейчас, если бы...

Если бы на нашей многострадальной планете задолго до появления людей не утвердилась древняя цивилизация грандов или мажоров (от латинских слов *grandis* — большой, важный и *major* — больший), произошедшая от древнеавстралийских шестиплавниковых рыб. Обоюполые позвоночные, да еще с крыльями (теперь, правда, рудиментарными), размножающиеся чем-то вроде почкования, они и дальше бы жили в уютной Австралии, но губительная пандемия, выкосившая почти всю их популяцию, заставила мажоров искать убежища на других континентах. Сведения о происхождении, анатомии мажоров, историю их внедрения в человеческое общество автор выдает исподволь, вкрапляя информацию в текст мелкими порциями (это несколько утомляет, но одновременно и интригует читателя). Намного более развитые в техническом отношении гранды, успевшие «в незапамятные времена

перебраться через воду, были достаточно могущественны, чтобы прижать примитивное человечество к ногтю. Или, по крайней мере, занять внутри него ключевые позиции». Действие повести происходит во времена, примерно соответствующие нашим дням, в столице Евразийского союза (объединиться Европе и Азии, естественно, помогли мажоры) городе Киеве. Людей в этом государстве держат под неусыпным контролем, искусственно сдерживается увеличение численности людского населения, так как практически запрещены антибиотики (кстати, на мажоров пенициллин действует подобно наркотику), строго лицензируются научные исследования, производимые людьми, индивидуумы с низким ИТ (индексом толерантности) лишены возможности сделать карьеру, их держат от грандов подальше. Что-то знакомое, не правда ли? В мире существуют и другие страны: хорошая Америка, в которой гранды более демократичны, соответственно — люди более свободны; плохой Китай — там люди, загнанные в резервации, производят какие-то «изделия народного творчества».

Рассказ ведется от лица Пьера-Олеся Воропаева, сотрудника Технологического Центра мажоров. Леся его жизнь вполне устраивает, но в силу обстоятельств, он, вовлеченный в самую гущу событий, оказывается чуть ли не в первых рядах борцов с режимом грандов. Кстати, Воропаев в тайне от мажора — начальника занимается моделированием альтернативной истории, составляет программу возможного развития человечества в отсутствие вмешательства свалившегося ему (человечеству) на голову иного разумного вида... Для объективности хочу отметить, что для части человеческого населения Евразийского союза гранды не только начальники и хозяева, но и что-то вроде старших братьев, ангелов-хранителей. Тем паче, что у них и в самом деле есть крылья. «...Спустились с неба на своих аэростатах... И помогли отбить нашествие, помогли построить панцирные машины, и зеркала и катапульты... Неудивительно, что мы им покорились — сами просили, чтобы взяли наши земли под крыло...». Не могу удержаться и не вспомнить сэра Артура Кларка. Помните, как выглядели в его известном романе «Конец детства» могучие и добрые крылатые Сверхправители? Да-да, у тех, помимо крыльев, рожки и хвосты наличествовали. Гранды-то явно симпатичнее (по крайней мере, снаружи).

Благодаря техническому превосходству мажоры несколько веков одерживают верх в своеобразном межвидовом соперничестве, но люди, традиционно считавшиеся неспособными к работе со сложной аппаратурой и механизмами, оказываются более гибкими. Эпоха технологического бума приводит к тому, что технически развитая, но застывшая в своем культурном развитии цивилизация грандов начинает сдавать свои позиции. «Обезьянки», так полупрезрительно мажоры называют людей, быстрее обучаются и осваивают новое. К тому же, в кланах грандов нет единодушия. Были среди них и такие, что «мятеж Пугачевский в крови потопили», а были и народники, людские заступники. Есть они и сейчас — например, молодой мажор Себастиан, искренне пытающийся помочь людям, но мало что понимающий в сложившейся обстановке. А ситуация такова: родитель Себастиана Аскольд — гранд из правя-

щей верхушки, видя, что человечество жизнеспособнее, что люди постепенно выходят из-под контроля мажоров, становятся опасными, пытается совершить государственный переворот и установить тоталитарный режим, загнав людей в «изолированные коллективы». Для этого он, используя группу фанатиков-диссидентов из людей, взрывает торговый центр, посещаемый в основном мажорами, и занимающий целый квартал. Подобные акции планируются и в других губернских городах: Париже, Берлине, Константинополе. Но не только Аскольд строит грандиозные планы, далеко идущие замыслы есть и у других героев повести — один из знакомых Леся, Адам Шевчук, люто ненавидящий грандов, уже лет двадцать экспериментирует с глубинами, пытаясь возродить смертельный для мажоров вирус. Ладно, не буду раскрывать все хитросплетения сюжета...

События, очень похожие на описанные в повести Марии Галиной, но, к сожалению, значительно более страшные, произошли в нашей реальной жизни почти сразу после выхода одиннадцатого номера международного журнала «Крещатик», где был опубликован «Прощай, мой ангел». Похожи они своей внешней стороной (мощные взрывы с множеством жертв, злонамеренное распространение возбудителей смертоносных инфекций), но никак ни подоплекой. Кровавый террористический акт устроил отнюдь не испугавшийся потерять власть Аскольд, живо напоминающий мне члена всевысшего когда-то Политбюро ЦК КПСС. Да и прогремели реальные взрывы как раз именно в той «самой свободной» и очень пекущейся о свободе других Америке, вскормившей режим талибов в Афганистане, где нашли убежище исламские террористы. В повести только Америка с ее гуманными грандами — единственная надежда интеллигента Олеся Воропаева на спасение, именно в американское посольство Леся передает с помощью Себастиана магнитную запись тайных переговоров о сотрудничестве Аскольда с террористами. Но спасти страну ему все-таки придется самому, без помощи хороших мажоров, как отечественных, так и американских. Спасать страну для людей и вместе людьми — добрыми и злыми, талантливыми и недалекими, сильными и слабыми. С такими, какие есть... Мне кажется, Леся начинает это понимать...

Владимир ЛАРИОНОВ

Павел Крусанов. Укус Ангела. — СПб.: «Амфора», 2000 («Новый век»)

Даже не знаю, что сказать про книгу, которая настолько самодостаточна, что ей даже не требуется читатель. В аннотации написано: «Крусанов написал роман в 65 000 слов, каждое из которых лежит на своем месте, как камень в мостовой». Не знаю. Может, и лежит. Может, и как камень. Только я, наверное, предпочитаю землю и траву. Нет, честно, я просто не знаю, что сказать о романе, который не отозвался во мне никак и ничего не дал ни телу, ни душе, ни уму, ни сердцу. Удовлетворение от прочтения, наверное, получает только сама книга, к примеру: «Как же я рада, как это хорошо, что вы меня прочитали!»

-Лавка фантастики- №2 (10), 2001 г.

Главное впечатление, оставшееся после прочтения книги, звучит как в том анекдоте про «черный ящик», установленный на «крутом» джипе. То есть, в виде фразы: «Пацаны, смотрите, как я могу!» И все. И больше ничего. Если выражаться кратко, «Укус ангела» — это черная мистерия в «альтернативной» России с магическим уклоном. В общем, какая — то дьявольская камарилья, щедро одобренная вечным вопросом «От Бога власть, или же не от Бога, и дает ли право эта власть избранному ею быть выше морали, закона и совести?» Поле, если разобраться, перепаханное вдоль и поперек. Разработкой этой темы, этого вопроса занимались очень много писателей — от Достоевского до Витицкого. Немудрено, что Крусанов вынужден говорить с чужих слов. От похожих произведений роман Крусанова отличается тотально несимпатичными героями, совершенно диким ходом развития события, манерностью стиля и примодненной «незаконченностью» в духе позднего Андрея Лазарчука. (Кстати говоря, «Укус Ангела» даже чем-то неуловимо напоминает «Посмотри в глаза чудовищ» Лазарчука и Успенского, правда, начисто лишенного всякого юмора и непреложных рыцарских законов бытия «воина духа».) Не альтернативная история, не «турбореализм», не мистика и вообще — непонятно, что. Как фантастика — весьма посредственная книга. Как антиутопия — вообще дребедень. Сплошная литературная игра словами. Мне сказали, что этот роман — «тонкая и уминая стилизация». Позволю себе спросить: под что? Или, точнее, — под кого? Под Крусанова? Тогда она вполне автору удалась. Что-то есть от Достоевского, кое-что — от Балларда, что-то — от Анри Роб-Грийе, а что-то — от Умберто Эко и от Милорада Павича. Страницами, без всякой маскировки (!) переписан Кастанеда. Все в целом представляет собой некий мутный компот, который нам подают в непрозрачном стакане и пытаются выдать за некий изысканный коктейль, за новое слово в литературе. Грустно, если разобраться. Крусанова сегодня сравнивают с Акуниным, с Пелевиным, но здесь даже не пахнет тонкой литературной игрой характеров и душ, в которой так силен тот самый Б. Акунин, или великолепной психоделикой и «непохожестью на все», которой славится Пелевин — все о-очень серьезно, прямо-таки — до тошноты. Из всех дыр лезет вечная идея о богоизбранности России и изыскания путей для ее подтверждения. Колдуны-«Моги», тайные ордена, алхимические свадьбы, какие-то другие подобные фишки погоды не делают. Сами по себе они не могут заменить сюжет. Эрудированный до элитарности и маньеризма, автор местами просто путается в вещах, в которых ничего не смыслит. А ведь может писать человек! Чувствуется, что умеет человек обращаться со словом, и вообще... Может писать. И хочет. Только не знает, о чем. И это, право, очень жаль.

Ну вот, уже конец рецензии. Расписал на три страницы, а о романе, собственно, так ничего и не сказал... А впрочем, что про него сказать? «Крусанов написал роман в 65 000 слов...» и т.д., и т.п.? Да, этот роман написал Крусанов, по желанию Крусанова, стилизован он под Крусанова, да и написан он, скорее всего, тоже для Крусанова.

Вот пусть Крусанов его и читает.

Дмитрий СКИРЮК

Владимир Васильев, Анна Ли.
Идущие в ночь. — М., АСТ, 2000

— Нет, это действительно Воха? — недоверчиво спросил я у Завгара по прочтении романа.

— Да, Воха. А почему ты сомневаешься? — ответил тот.

Действительно, почему?

Попробую объяснить.

Ну, во-первых, стилистика. Я, к стыду своему, Воху читал не так чтобы уж много, тем не менее стиль — явно не его. Скорее напоминает Марию Семенову, вполне мною любимую, но никак же не Воху... Во-вторых, способ мышления на Воху не похож...

Ага, понял.

Женское фэнтези.

А чем, собственно, женское фэнтези отличается от мужского? Если поставить вопрос шире, чем отличается от мужской — женская фантастика?

Наверное, тем же, чем отличается от мужской — женская литература. А именно: отсутствием оригинальности сюжета и тщательной проработкой характеров и деталей.

Я не говорю о мере таланта. Никто же не будет серьезно сравнивать «Унесенные ветром» и «Скарлетт». Стиль подделать можно, способ мышления — никогда. О. Ларионова и сборник «Фэми-фан» если чем-то и близки друг другу, так только тем, что фамилии авторов склоняются так, как склоняются слова женского рода.

...Итак, планета двух солнц. Люди, а также оборотни. Ну, кроме прочего — всякой нечисти хватает, причем не обязательно вредной. А солнца сменяют друг друга так аккуратно — прямо как часы. Зайдет одно — взойдет другое. И оборотни, оказывается, подчиняются этим солнцам. Взойдет синее — человек превращается в карсу. Вроде рыси, что ли. А взойдет красное — другой человек превращается в вулха (объяснять не надо). Соответственно, значит, мужчины — они волки, а женщины — кошки, понимаете ли. Понятно, что люди оборотней уничтожают в меру сил, а те, естественно, прячутся и т.п.

А тут затмение наступает. Третье солнце, черное, закрывает оба других (как это возможно — пусть астрономы разьяснят). И тогда третий оборотень, оборотень черного солнца (он в птеродактиля оборачивается), он же колдун, пытается захватить некий трон, на коем восседая, можно переустроить мир по своему разумению.

Но не он один этого желает... Дальнейшую «ходилку» может представить каждый. Если учесть, что помогают колдуну два оборотня — карса и вулх, — ясно, что любви не избежать.

А люди... люди, оказывается, в темноте (затмение ведь!) становятся зверьми. Не в смысле оборачиваются, а в смысле звереют. Точненько как у Азимова в давнем рассказе.

Но... что значит рука мастера! Пусть Воха обижается сколько хочет, не верю я, что он писал эту книгу вместе с Анной Ли с начала до конца. Зато верю, что подсказывал сюжетные ходы, выверял антураж и прошелся (может, и не один раз) своим пером по готовому роману. Поэтому роман вполне читабелен, и даже с удовольствием. Жаль, патетики многовато. А ведь недаром один из героев романа обмолвился насчет серьезного покойника...

И еще вот что обидно: ну, чем люди-то виноваты? По некоторым намекам, прекрасный новый мир заселят оборотни...

Юрий
АСТРОВ—ЗАЦАРИЦЫНСКИЙ

Евгений Прошкин. Механика вечности. — М.: ЭКСМО. 2001. («Абсолютное оружие»)

Казалось бы, сюжет избит еще в позапрошлом веке: отправиться в прошлое и изменить там самую малость, дабы в своем настоящем пожать плоды безапелляционного вмешательства в ход истории. Есть машинка времени, есть куча амбиций по переустройству Времени под свою мерку, и нет никаких ограничений: Вселенная не перевернется вверх доннышом, как сковарка, и Земля не налетит на небесную ось, если начинающий писатель издаст бестселлер лет на десять раньше срока. Именно с таким предложением подкачивает к герою книги его альтер эго из недалекого будущего. Параллельно молоденькая девушка горит желанием спасти мать от пьянства, а еще один типчик хочет себя-сироту пристроить в нормальную семью. В результате бредбери-евская бабочка и рядом не валялась. Куда ей, чешуекрылой! Под сапогами хронопутешественников как-то сами собой гибнут люди — пачками, города — десятками (и не иначе как от атомных бомб, меньшие угрозы нам уже не интересны), а некоторые страны и вовсе прекращают скорбное существование свое под дулами вражеских танков (причем врага державы Е. Прошкин окончательно так и не определил, называя в качестве такового то миротворческие силы ООН вкупе с оккупационной армией НАТО, то «зеленых братьев» с Ближнего Востока, а то и вовсе — Китай. Читайте сценарий «Оккупация» А. Столярова, там обо всем этом всерьез и подробнее).

В романе напрочь отсутствуют какие-либо рефлексии по поводу ответственности хронопутешественника за вмешательство в ход истории: сама череда негативных Будущих как нельзя лучше иллюстрирует тезис о вреде всякого вмешательства. Ни автору, ни героям шевелить серой извилиной некогда — проносись по роману как в болиде по скоростной обледелой трассе. «Если быстро бежать, можно увидеть собственную спину» — персонажи романа то и дело натыкаются на собственные следы, получают тумачи и оплеухи от своих двойников из недалекого будущего.

В книге практически нет рассуждений об изменчивости человеческой природы: один и тот же человек в разных обстоятельствах оказывается то коммерсантом-нуворишем, то высокопоставленным сановником на службе оккупационного режима, а то и вовсе писателем — патриотом. Наверняка в каждом человеке сидят зерна и того, и другого, и третьего, была бы только благодатная почва для произрастания той или иной личины, но наш герой неизменно бросается в Прошлое, чтобы подкорректировать события как-нибудь иначе. Ну не нравится ему ни один вариант: если себе хорошо, то стране плохо, а если себе плохо — то стране и вовсе кажут.

Сентиментальные струнки (чуть не написал «слюнки») появляются где-то на

задворках сюжета ближе к финалу и почти никак не влияют на его дальнейшее развитие — право слово, не было никакой необходимости прилетать к метаниям героя по параллельным временам призрачную надежду спасти малознакомую девушку в далеком 2038 году, если любое хронопутешествие влечет неизгладимые перестановки в обществе и стране уже буквально через несколько лет.

Странное дело, в книге вообще ничего нет, кроме чистого четырехсотстраничного приключения, но именно кинематографичность держит читателя от первой и до последней страницы: никогда не предугадаешь, какой фортель выкинут радители за благо Измененного Будущего. Спасает роман безумный драйв в ритме современных посттартановских боевиков, а само чтение в этом случае напоминает процесс стремительного падения в саях на американских горках: разглядывать пейзажи некогда, в седле б удержаться.

А для любителей спокойно обозреть просторы в арсенале НФ луна-парка есть колесо обозрения.

Теперь по обложке. Трехосный драндулет действительно взят из книги — именно так он и описан, с идиотской вертикальной газоотводной трубой. Тем не менее бульдозерный нож, нарисованный художником, не способен срезать земляные завалы на пути следования этого транспортного средства: нож раза в два уже колеи этого «лунного трактора». Писатель-неудачник, что сидит на холодных бетонных ступеньках в ожидании геморою — наверняка и есть главный персонаж. Только в книге у него две старенькие трехдюймовые дискеты. Художник одну где-то заклинил, и нарисовал только одну. Зато — лазерную, мегабайт эдак на 700.

Вот и в романе Е. Прошкина: ждешь приключений в духе «Патруля Времени» Пола Андерсона или «Конца Вечности» Айзека Азимова, а получаешь раз в сто больше.

Сергей СОБОЛЕВ

Сергей Синякин. Реинкарнатор. Вокруг света с киллерами за спиной. — М.: АСТ, 2001

«— Все-таки высадили, козлы!

— Тише ты, — сказал долговязый. — За козла и в океане ответить можно!

И точно — негласным стражем, готовым немедленно наказать сидящих в лодке за неуместное упоминание сугубо сухопутного животного, неподалеку от шлюпки из зеленой воды высунула злое зубастое рыло внушительная акула».

Ответ за козла принимает в книге несколько даже мистический характер. Не упомянуть его, причем в самой неподходящей обстановке, киллеры просто не могут. И немедленно готовятся к ответу. Акула — это еще цветочки! В Индии их чуть было не задушил фанзигар (поклонник богини Кали), в Тибете наемные убийцы почти попадают под снежную лавину, в Африке... Э-э, хватит, этак я все материи перечислю, что же останется на долю читателя?

Впрочем, останется немало, ведь «Вокруг света...» — вольная фантазия на тему Жюль Верна. Правда, роль Филеаса Фогга не без блеска выполняет новый русский. (Чтобы его ни с кем похожим

не спутали, автор дает нуворишу фамилию Русской.) Роль же Паспарту успешно выполняет спорадически, но всегда к месту появляющийся в романе Жора Хилькевич. Что ж с того, что первый возделывает тучные нивы лохов Владивостока, а второй успешно очищает карманы мурманчан? Помнится, Паспарту тоже, в отличие от Фогга, был не англичанином, а французом...

Фабула романа проста и незамысловата, как колумбово яйцо. «Достали» постоянные покушения Ильи Константиновича Русского, и решил он на некоторое время «слинять» из Владика. Ну, хотя бы в Японию. Но когда и там он лишь чудом спасается от киллеров — приходится прошвырнуться вокруг света...

Чудо, однако, объясняется просто, как и все дальнейшие чудесные спасения героя. Просто один из киллеров, кроме подрыда на убийство, взял еще и обязательство поставлять о бегле информации в «Новости дня» и «Владивостокское утро». Дополнительный заработок. По совместительству. Так что убивать — деньги терять... На это киллер пойти не может, не приучен.

Кого встретил, кроме Жоры, в своих странствиях Илья — рассказывать долго. Ибо, как любой плутовской роман, «Вокруг света с киллерами за спиной» имеет огромное количество персонажей. А что корни его nascovъз литературны — на этом настаивает и сам Синякин в последнем абзаце:

«Братан, — гласила телеграмма, постигшая из Новой Зеландии, — плыви валить Моби Дика. Китобоев я уже нанял. Твой Жорик».

Это вовсе не обещание продолжения. Это раскрытие концепции. Чтобы любой козел понял, за что автор отвечает...

Ну и, само собой, разумеется, есть в плутовском романе и мораль. Столь же, впрочем, плутовская.

«Надо договариваться, — устало сказал себе Илья Константинович. — Мы просто не выживем. Перестреляем друг друга. А потом придут другие, из-за рубежа. Те, кто договариваться научились...»

Читатель возмутится: это что еще такое? Автор призывает уголовников договариваться? Читатель ухмыльнется: что же, выходит, у нас бизнесмены и уголовники — близнецы-братья? Читатель вздохнет: да не все ли мне равно, кто меня грабит — наш пахан или зарубежный...

Это будет один и тот же читатель, который, вздохнув, признается: нет, все-таки, если грабит свой — на душе как-то спокойнее.

Что же до «Реинкарнатора» — если вспомнить последние выборы в любом регионе России, можно убедиться вочую: никакой фантастики в романе нет.

Взять хоть Волгоград. В книге выборы губернатора Царицынской области выигрывает мэр, Валерий Яковлевич Брюсов. А бывший губернатор, проигравший кампания, при помощи реинкарнатора переселяет свою душу в Брюсова. Душа же оного, соответственно, оказывается в теле бывшего губернатора. То есть так было задумано, но реинкарнатор схалтурил, души разделились пополам... и после некоей внутренней борьбы дружно приняли за работу. На благо, так сказать, общества. Весьма тесного общества.

Ну, а после выборов у нас в Волгограде проигравший и оставшийся мэром

Чехов (правда, не Антон Павлович) тут же заявил, что времена конфронтации прошли и надо вместе с губернатором честно и дружно работать рука об руку.

Так что главное в романе вполне поддается проверке. Зачем же автору выдумывать второстепенное? Все в «Реинкарнаторе» — чистейшая правда. Я на этом настаиваю. И объявление «Скуплю души. Дорого». И ИЧП «Мистерия жизни», специализирующееся на вторичном использовании душ умерших и исправно платящее налоги. И черт, подделывающий подписи под фальшивыми договорами о продаже душ украденным в донорском пункте кровезаменителем. И души «братков», переселенные в баранов — и, соответственно, наоборот. (Что касается «наоборот» — наблюдал неоднократно.)

Веселая книжка.

Юрий АСТРОВ—ЗАЦАРИЦЫНСКИЙ

Марина и Сергей Дяченко. Долина совести. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. («Нить времен»)

Еще одна история о роковом даре: герой нового романа Марины и Сергея Дяченко Влад Палий обладает способностью буквально насмерть привораживать к себе и женщин и мужчин. Естественно, происходит это помимо его воли. В «Жизни Кости Жмуркина» Ю. Брайдера и Н. Чадовича главный герой не контролирует последствия воздействия своей «зловрачной» любви, но, по крайней мере, это — его личное, ему принадлежащее, испытываемое им чувство. Палий же «очаровывает» потенциальную жертву, иногда абсолютно ничего не чувствуя по отношению к ней, искренне ее не замечая, не обращая на нее внимания, просто побыв некоторое время рядом. Что уж говорить о том случае, если Влад сознательно захочет кого-то привязать к себе, создать «узы» — так авторы называют незримые цепи, приковывающие окружающих к нему. Люди, плотно пообщавшиеся с Палием пару недель, а при близком контакте (например, сексуальном) и значительно меньший срок, «западают» на Влада, нуждаются в нем, не могут существовать без него, готовы сделать для него все, что угодно. При разлуке со своим личным божеством они впадают в депрессивное состояние, у них «обостряются все хронические болячки», начинается ломка пострашнее наркотической. Несчастные должны хотя бы раз в три дня на минуту встретиться с объектом поклонения, подержаться за его руку, сделать себе спасительную инъекцию общения с Владом. В этой книге все почти, как в жизни, только краски сгущены — ведь невидимые неразрывные «узы» связывают многих из нас и в реальной действительности: зависимость в супружестве по расчету, дружба не на равных, рабская привязанность к пахану-хозяину, безответная несчастная любовь. Если дружба настоящая, а любовь взаимная — эти узы еще прочнее. «Мы спутаны ремешками и бельевыми веревками, шелковыми шарфами и льняными простынями. Узы похожи на паутину, на сетчатые пластмассовые авоськи... На упряжь. На украшение. На силос». В романе самые близкие Владу люди, лишившись его общества, просто умирают. А в жизни мы разве никогда не были близки к смерти

только из-за того, что рядом не было того единственного человека, без которого жить нельзя, бессмысленно, невозможно?

Первая глава посвящена детству и отрочеству Влада, примерно в 12 лет осознавшего свою исключительность, непростым взаимоотношениям подростка с одноклассниками (он их дважды чуть не угробил, сначала сбежав из летнего лагеря, где отдыхал весь класс, а позже — уехав из родного городка поступать в столичный институт), с девушкой Изой, попавшей под воздействие «уз», с любящей его и любимой им мамой. Кстати, Влад — приемный, мать усыновила мальчика, еще младенцем забрав его из дома ребенка, настоящие родители Влада неизвестны. Тайной остается и происхождение его феноменального дара. Далее сюжет становится почти детективным. Герой встречает роковую красавицу по имени Анжела, обладающую такими же способностями. Влад, еще в школьные годы потерявший из-за своего дара лучшего друга, старается максимально обезопасить окружающих от воздействия своих «чар» — преуспевающий детский писатель, получающий очень высокие гонорары, он ведет уединенную жизнь, почти не общается с внешним миром, позволяя себе время от времени лишь единичные деловые и половые контакты. Обостренное чувство нравственной ответственности, которое называется совестью, не позволяет ему использовать «узы» в личных целях, он отказывает себе в праве быть рядом с любимой, иметь друзей. Напротив, бесовская Анжела активно использует свой дар, оставляя в своем бурном прошлом вереницу трупов. Все просто до тривиальности: она опутывает сетями «уз» будущую жертву — обычно это преуспевающий, перспективный, талантливый или очень богатый мужчина (для этого ей достаточно войти с ним хотя бы в очень короткий контакт), влюбляет в себя (иногда — женит на себе), а потом бросает, тем самым — убивая. Деньгами и наследством, если таковые имеются, женщина-вамп, сами понимаете, не пренебрегает. (Чтобы быть до конца справедливым, отмечу — убивать взаправду она не желает, но как-то так получается, что ее мужчины отправляются на тот свет один за другим). Анжела и в случае с Владом применяет свою обычную методику, но... Но Дяченки не были бы Дяченками, если бы они не использовали придуманную ими коллизию столкновения двух индивидуумов, наделенных талантом создавать губительные «узы», для демонстрации трагической картины психологического поединка героев друг с другом, с собой, со своей совестью. Жестко и жестоко, с уничительными подробностями, показана патологическая зависимость Анжелы и Влада друг от друга. На мой субъективный взгляд, после знакомства с Анжелой главный герой слишком долго не может сообразить, что с ним происходит, но внимательному читателю ясно — Влад «попал». Обстоятельства соединили героев, «узы» опутали их, «каждый день превратился в новый раунд молчаливой схватки».

Книга издана в авторской редакции, в тексте иногда проскальзывают шероховатости вроде: «...демарш...был всего лишь цирком в угоду...» или «...вернулся бы в ... дом под предлогом забытой

шпилишки...», фраза про «сухой порох» и «мокрого крокодила» встречается дважды на соседних страницах, но эти мелкие огрехи не могут повлиять на общий мощный эмоциональный фон романа. Известным киевским авторам нетрудно писать о своем собрате-литераторе — знакомая жизнь, знакомый антураж. Их герой и в театральном институте учился, и в других учебных заведениях знания получал, а стал профессиональным писателем (да еще и сказочником). Сочиняет он сказки-фэнтези о приключениях незаконнорожденного тролля-полукровки Гран-Грэма, который полюбился и детям и взрослым. Кстати, именно вставные цитаты из вымышленной книги писателя Влада Паля объясняют нам, что такое — «Долина Совесть» и каким надо быть нехорошим человеком, чтобы иметь реальные шансы пересечь ее. Авторы умело закручивают интригу, нагнетают напряженность, добавляют в отношении главных персонажей чуточку любви... На определенном этапе повествования начинает вызывать сочувствие даже лживая бессердечная ведьма-злодейка Анжела, которая вроде бы и не ведьма вовсе...

Когда главные персонажи узнают о необычных способностях друг друга, сразу думаешь — да они без труда мир перевернут, если договорятся объединить усилия!

Ведь каждый из них способен создать вокруг себя окружение из преданных и послушных роботов, готовых на все ради своего кумира. Талантливые Дяченки, конечно, не могли пройти мимо этой идеи — данный вариант в романе рассмотрен, но развития не получает. Слишком по-разному устроены герой и героиня, по-своему каждый из них преодолевает коварную «Долину Совесть». А перевернуть мир Анжела пытается в одиночку...

Владимир ЛАРИОНОВ

Алан Лайтман. Сны Эйнштейна. Друг Бенито. Романы — М. АСТ.: 2001. («Мастера. Современная проза»)

Алан Лайтман — ученый-физик, работает в престижном Массачусетском Технологическом Институте и преподает там две, казалось бы, несомненные дисциплины: физику и литературную стилистику. Еще Шкловский говорил, что у писателя должна быть настоящая профессия, через призму которой будет преломляться окружающий мир. Книжка Лайтмана в таком случае — очень показательный, положительный пример влияния профессии на художественный текст, так как первый роман целиком построен на вольном изложении, интерпретации некоторых физических концепций, а роман второй — словно списан из жизни ученых.

Конечно, «Сны Эйнштейна» — это не роман и не повесть в классическом смысле слова, а сборник сюжетных моделей различного восприятия времени представителями разных культур. Как будут вести себя люди в мире, где причинно-следственная связь не имеет значения? Как будет устроен мир, где каждый день повторяется снова и снова? Возможна ли жизнь на планете, где времени вообще нет ни под каким соусом или оно остановилось? Как начнет развиваться цивилизация, если каждый час

будет иметь собственную протяженность? А если время потечет вспять, какую прибыль можно из этого извлечь?

Если нормально отвечать на все эти заковыристые вопросы, получится любопытная научно-популярная книжка о детерминизме темпорального восприятия, с необходимыми формулами и схемами. Лайтман пошел своей дорогой и описал все это в виде лаконичных художественных зарисовок, пейзажей «с натуры», делая доступным восприятию сложные идеи.

Один из описанных вариантов нелинейного, закольцованного, течения времени уже проэксплуатирован в маскультуре: кинофильмы «День Сурка», «Зеркало для героя», роман А. Столярова «Монахи под луной», но остальная дюжина вариантов настолько необычна, что даже у современных фантастов тяжело найти подбоящие им аналогии. Сюжеты еще ждут своего художника.

В романе «Друг Бенито» Алан Лайтман пристально, словно под микроскопом, рассматривает продольный срез жизни Беннета Ланга, одного физика — теоретика, выросшего в послевоенной Америке. Взгляд писателя скользит по стелю жизни профессора от зрелых лет — к студенческой юности, от детских увлечений техникой — к увлечению первой женщиной, и т.д. Наиболее интересные листья жизни Лайтман пересказывает читателям, остальное — не входит в поле зрения писателя, да так и пропадает за пределами видимости. Писатель — профессиональный физик, и он знает о чем пишет. Наверное, это даже полуавтобиографический роман о своем поколении, о своей научной субкультуре — рассказ о том, как мальчик, увлекавшийся в детстве всякими физическими опытами, мастерил радиоприборы, самодельные ракеты и т.п., а потом поступил в колледж и «заболел» теоретической физикой.

Может, станет немного понятным из романа, почему американские подростки, пережив нервную апокалиптическую депрессию с перманентным ожиданием атомной войны времен Карибского кризиса, чуть повзрослев, кинулись в студенческих кампусах оттягиваться на марихуане. Впрочем, наш герой одержим только одной идеей: познать окружающий мир. Рассчитать движение разнокалиберных звезд в скоплении — вот высший кайф для молодого ученого. Физики работают как одержимые, у них тоже понедельник начинается в субботу: «Любой профессиональный физик моложе сорока лет наукой дышит и наукой питается. После сорока теоретик может себе позволить немножко двигаться по инерции и завести хобби или проводить время с семьей». Вся жизнь Бенито — это череда тихих математических расчетов и молчаливых открытий, смысл которых способны оценить несколько сотен человек на всей планете, и которым наверняка не найдется практического применения в ближайшие сто лет. Все радости Бенито — это радости познания, все огорчение — от ошибок в расчетах. Все у него выверено по логическим схемам, все идет как по расписанию, но только не в личной жизни. «Слова неоднозначны, только математические формулы точны». Беннету трудно найти общий язык с людьми. Друзья остались далеко в детстве, а сейчас его верные товарищи — стопка листов бумаги и компьютер. Но любовь плохо поддается матанализу, а чувства — формализации, поэтому в по-

здно начавшейся личной жизни все идет у него наперекосяк и шиворот-навыворот. Отчаявшаяся жена пытается покончить с собой, лишь бы муж хоть чуточку уделял ей внимание, а не занимался целыми днями чистой наукой. «Говорят, что музыканты самый циничный народ» пел ЧИЖ. Физики тоже.

Сергей СОБОЛЕВ

Аласдер Грей. Бедные-несчастные. Роман. — М.: Иностранная литература; БСГ—пресс. 2000. («Иллюминатор»)

Если прав Борхес (а не доверять небелированному книгочею у меня, недоучки, оснований никаких нет), что все сюжеты неоднократно повторяются и лишь слегка варьируются, то перед нами — любопытный коктейль из «Галатеи» и «Франкенштейна».

На волне интереса к клонированию живых организмов возросло любопытство читающей публики ко всякого рода искусственным созданиям в человеческом облике.

Издатели принялись переиздавать классического «Франкенштейна» М. Шелли, перевели «Освобожденного Франкенштейна» Б. Олдисса. Книга «Бедные-несчастные» — история жизни искусственно оживленной красавицы Беллы Бакстер с пересаженным мозгом младенца. Роман стилизован под дневник шотландского врача конца XIX века, напичкан всевозможными историческими комментариями и напшигован иллюстративным материалом. Портреты персонажей, виды природы, схемы Глазго и т.п. приятные мелочи украшают книжку, оживляя фантастическую историю гениального хирурга, уже в девятнадцатом веке пересаживающего живые органы. Уэллс и Белаяев неплохо проэксплуатировали выдумки о врачах-кудесниках, шотландец Аласдер Грей продолжает плодотворно слухи о мастерах в белых халатах.

Однако задача автора — отнюдь не выдумать новый сорт разумных животных или заставить человека плавать аки рыба. А. Грей создает условия (для отдельно взятого человека), при которых взрослый человек смог бы взглянуть на окружающий бардак, называемый цивилизацией, незашоренным взглядом: «Вновь познавать мир в возрасте достаточно зрелом, чтобы сразу осмысливать познаваемое, чего люди, всю жизнь находящиеся во власти детских впечатлений, обычно не делают».

Путешествуя по миру, повидав вышший свет и изнанку общества, научившись презирать богатство и славу, наша героиня становится крайне циничной особой а, как писал еще Диоген Лаэртский, «цинизм — кратчайшая дорога к добродетели».

Медики — самый циничный народ, поэтому и роман — о врачах. Главные герои — студенты-эскулапы, искусственная женщина, созданная одним из них, хочет посвятить свою жизнь спасению бедных от эпидемий и болезней, а для этого ей надо всецело стать медиком и получить соответствующее образование. Которого нет у читателя, и поэтому основная масса авторских комментариев как раз и направлена на просвещение в этой области знания, — то есть, опять же, преследуя цель сделать читате-

ля — хотя бы на время — циничным медиком.

Ведь выводы, скрытые под шуточным покрывалом сатирической повести, очень даже нешуточные: например, за пацифистские настроения в Англии времен Мировой войны можно было надолго попасть за решетку. Аласдер Грей протаскивает гипотезу, согласно которой войны начинаются и не прекращаются только из-за жестокого и неумелого воспитания детей, из-за подавления подростковой сексуальной энергии, каковая непременно вырвется в извращенной — милитаристской — форме. Неоднократно автор устами персонажей озвучивает мысль, что «война — болезнь человеческого рода», и «важнее заниматься профилактикой, нежели лечить запущенные болячки». Лечить болезнь под названием «жестокость» бесполезно, куда как важнее для пациента — профилактика заболевания. Методы профилактики, нарисованные А. Греем, могут показаться странными (вытеснить один инстинкт — другим), но недаром ведь хиппи предпочитали заниматься любовью, а не войной.

Сергей СОБОЛЕВ

Уильям Гибсон. Виртуальный свет. Роман. — СПб.: Азбука; Екатеринбург, У—Фактория. 2001. («Библиотека стилей»)

Уильям Форд Гибсон (William Ford Gibson) родился 17 марта 1948 в Конвее — маленьком городке штата Южная Каролина. Семья его имела достаток выше среднего, и данное обстоятельство способствовало юному Биллу обильно читать книжки и вплотную знакомиться с передовыми техническими достижениями.

В детстве Билл не делал особенных различий между фантастикой и мейнстримом, и на одной и той же неделе мог по чистой случайности прочесть одновременно и Рэя Брэдбери, и Уильяма Берроуза, и Томаса Пинчона, и Альфреда Бестера.

В 1967 году, чтобы избежать призыва в армию и отправки во Вьетнам, Гибсон фактически эмигрирует в Канаду. Обосновавшись в Ванкувере, он заканчивает филологический факультет университета.

В конце семидесятых Гибсон столкнулся с ситуацией, когда прилавки книжных магазинов заполнились фэнтезийной белибердой, в то время как старая научная фантастика, казалось, канула в Лету.

В Гибсоне подспудно боролись два начала.

С одной стороны — любовь к научной фантастике, привитая в раннем детстве и культивируемая всю сознательную жизнь. А с другой — филологическое образование и осведомленность в современной литературе уже не позволяли принимать всерьез коммерческое развлекательное чтиво, сработанное для тинэйджеров и домохозяек.

Читать стало практически нечего.

И тогда он стал писать — писать то, что сам же и хотел бы прочитать: «Мы просто хотели продаться в прошлое через всю эту коммерческую дребедень», — говорит он в одном из интервью.

«Виртуальный свет» — четвертый по счету роман Уильяма Гибсона о недалеком будущем. Роман не такой навороченный, как предыдущая киберпанковская трилогия «Нейромант», «Граф Ноль» и

«Мона Лиза Овердрайв» (все переведены и изданы в России), но основные атрибуты и, что характерно, атмосфера гибсоновского пространства остались прежними: высокие технологии вперемежку с плохо социализирующимися маргиналами, могущественные корпорации из небольших стран тихоокеанского региона на развалинах некогда всемогущей Америки, не способной утратить собственные сопли уныния, повышенный интерес к новым субкультурам.

Гибсон не сочиняет историю о крахе цивилизации в духе Upheaval literature, то есть литературы катастроф. Вся жизнь современного мира — и есть одна сплошная череда катастроф побольше и поменьше, в которой, тем не менее, надо продолжать жить. Если в первых его романах компонент фантастического поражае своим размахом и буйством фантазии, затмевая сюжет, то в «Виртуальном свете» мы не насчитаем и десятой доли гибсоновских нф-изобретений. Не закрученный сюжет, а мастерски выписанная психология героев, размышления о месте человека в мире — вот что теперь более всего волнует Гибсона.

Идеолог киберпанка Брюс Стерлинг, сам известный писатель и специалист в компьютерной отрасли (недавно, кстати, выступил с критикой в адрес американской Фемиды по поводу задержания российского программиста Дмитрия Склярова, вскрывшего недостатки в защите электронных книг фирмы Adobe) писал в одном из манифестов: «Мы окружены опасными технологическими новшествами и вынуждены трепетать, как тростинки на ветру. Необходимо каким-то образом сдерживать технологию, решить наконец, где, на каком этапе социальной эволюции мы сейчас находимся — и где бы пожелали человечеству остановиться». Мир киберпанка пропитан ощущением свершившегося апокалипсиса. Нежелание принимать катастрофу, стремление отгородиться от краха цивилизации, от вмешательства в личную жизнь со стороны кого бы то ни было, символизируют зеркальные очки — по слухам, отличительный атрибут писателей данного направления в середине восьмидесятых годов. Так это или не так, выяснить уже невозможно. Но первая программная антология киберпанков, выпущенная в 1986 году, называлась именно «Зеркальные очки». А на обложке русского издания «Виртуального света» помещено изображение человеческого лица в отражающих очках...

История книгоиздания — как частный случай Истории вообще — не знает сослагательного наклонения. Однако Уильяму Гибсону катастрофически «не везло» с переводами на русский, и его нашумевший роман «Нейромант», перевернувший американскую фантастику и собравший полный урожай жанровых премий 1984—85 гг., прошел в России почти незамеченным. В англоязычных странах Гибсон приобрел массу эпигонов, разражавших наиболее смачные изобретения фантаста (виртуальная реальность, кибернетические ковбой-хакеры, борьба транснациональных корпораций в информационных сетях и т.п.) в многочисленных романах и кинофильмах. Так получилось, что сначала российские любители фантастики познакомились с продолжателями (к/ф «Газонокосильщик», сериал «Электронные жуки», книги Лейтема, Симмонса — называю лишь достойных упоминания, внесших свой, не-

повторимый вклад в развитие жанра), и лишь несколько лет спустя, году эдак в 1997, был издан первоисточник — роман «Нейромант». Но время было безвозвратно упущено: растущий по винтикам, скопированный в десятках произведений, роман уже не воспринимался как сногшибательное откровение грядущего цифрового века. Тем более что компьютер стал уже чуть ли обязательной частью быта, а полуфантастический некогда интернет — одним из средств связи и коммуникации. Романтический флер и экстаз первооткрывателей-пионеров испарился безвозвратно. Единственное, что оставалось в «Нейроманте» — это слоистые, насыщенные зарисовки о Будущем, странном мире, где на задворках цивилизации рождаются гении-самоучки а бывшие супердержавы теряют могущество под натиском агрессивных «восточных тигров».

Три года назад книги Гибсона не произвели у нас должного эффекта. Мир компьютеров продвинулся далеко, и киберпространство сейчас смотрится — с технической точки зрения — как фантастика ближнего прицела, не больше, не меньше.

Однако есть и другая сторона: психологический фон действия. Мы живем в том мире, психопатологический фон которого описан в произведениях писателей-киберпанков:

1. Страна нашего обитания уже не является пупом Земли, однако прежние состояния Имперского всесилья многие помнят, и бывшее могущество еще долго будет отбрасывать тень...

2. Правят олигархи, транснациональные корпорации и прочие структуры, слабо подвластные привычным, классическим методам регулирования даже сил государства.

3. Огромный сектор теневой экономики, черный нал, сращивание бизнеса, криминала и политики...

Вы резонно скажите, что это нам тут газеты пересказываются? А ведь все это было у Гибсона на заре восьмидесятых, и для сытых-довольных американцев такая экономико-политическая ситуация, нарисованная киберпанками в 1980—90-х годах, была тогда (и во многом остается сейчас) настолько шокирующей, что «Нейромант» заслуженно стал классикой жанра. Плюс, естественно, новое слово в технике. Плюс особый язык, аргот.

Как мне кажется, от фантастического произведения читатели ждут или утопичного описания радостного мира, или какого-то шокирующего. В случае же с «Нейромантом» и «Виртуальным светом» концептуального изменения сознания у постсоветского читателя не произошло.

Мы уже давно погружены в «континуум Гибсона», и почему-то именно его фантастика становится реальностью.

Сергей СОБОЛЕВ

Филип Дик. Пролейтесь, слезы... Роман. — М.: АСТ. 2001. («Новые Координаты Чудес»)

«Пролейтесь, слезы...» — последний роман психически здорового Филипа Кинд्रेда Дика (16 декабря 1928 — 2 марта 1982). Будучи написанным в 1973-м и опубликованным в 1974-м году, роман завершил карьеру Ф. К. Дика как писателя-фантаста. Пусть немного шиша-

нutoго, немного с приступами паранойи, но — фантаста.

Потому что уже весной 1974 года Ф. Дик начинает видеть загадочные картины и получать сигналы от веземного разума — перейдя, таким образом, из разряда писателя-выдумщика, сочинителя-фантазера — в категорию эзотериков, мистиков и контактеров.

После контакта с неведомым, Дик прекращает писать художественные книги и переключается на дневниковые записи (и ведет их до самой смерти — всего восемь тысяч страниц текста!). Неоконченные рукописи и наброски лежат в столе, Тесса Лесли Басби, пятая жена, уходит, забрав трехлетнего сына Кристофера, а Дик все никак не может оправиться от мистических галлюцинаций, и даже пытается покончить жизнь самоубийством.

Попав в тяжелейший моральный клинч, без гроша в кармане, Дик вытаскивает из запасников черновики и непроданные ранее романы, однако опубликовать удается совсем немного. В конце семидесятых вышло всего три романа — дописанный Роджером Желязны «Господь гнева» (использовался черновик середины шестидесятых), реалистические «Признания продажного художника» (написанные лет десять назад), антинаркоманский роман «Помутнение» да пара рассказов.

Но не будем о грустном — пока не издана у нас трилогия «Вализ», разговор о мистической стороне жизни и творчества Ф. К. Дика является беспредметным. Вернемся к книге.

Концептуально роман развивает идею о подмене настоящих воспоминаний ложными, впервые использованную автором в рассказах «Из глубин памяти» (We Can Remember It for You Wholesale, 1966) и «Электрический муравей» (The Electric Ant, 1968). Если заглянуть в закрома нф, можно найти новеллу Клиффорда Саймака «Спокойной ночи, мистер Джеймс» (1954) — там аналогичное дикусовскому описанию психологического шока человека, оказавшегося совсем не тем, кем он себя вроде бы помнит.

Однажды утром высокооплачиваемый ведущий популярной телепрограммы проснулся в незнакомой дешевой гостинице. Оказавшись без документов в аналоге горьковской ночлежки (см. пьесу «На дне»), Джейсон Тавернер, со снобизмом, присущим миллионерам, и чувством морального превосходства над грязными пролетариями, пытается выбраться из неловкой ситуации и вернуться в привычную обстановку. Все бы ничего, да только в Штатах идет Вторая гражданская война со студентами, и за любое подозрение в связях с подпольем можно лишиться свободы, а из полицейских компьютеров по какой-то роковой случайности пропадает файл с личными сведениями на нашего бедолагу. Чтобы не загреметь в трудовые лагеря на Аляске или Луне, Тавернеру приходится обратиться к подпольным мастерам по изготовлению документов. Как и положено в антиутопии, подпольщики оказываются полицейскими информаторами, а полицейские — явно симпатизируют подпольщикам, но не стукачам, а настоящим, подлинным революционерам.

В таком запутанном клубке из очевидного обмана и скрываемого внутреннего этического неприятия субъектами навязанных им социальных ролей, Тавернер кувырывается до самого финала,

попадая из огня да в полымя — то ему пришьют дело об убийстве, то обвинят в самозванстве...

Детективный слой повести прост и знаком по десяткам кинобоевиков. Коротко он формулируется словами «на хорошего парня парни злые всех собак из округи повесили, но справедливость торжествует».

Однако Дик не был бы Диком, если бы не примешал в сюжет фантастическую составляющую, тем самым посеяв зерна сомнений в правильности интерпретации событий. Оказывается (и намеки на это обстоятельство щедро рассыпаны по всему тексту) Тавернер — не национальная телезвезда, а обдолбанный наркоман, которому вся его карьера ведущего и десять записанных сольных альбомов только пригрезилась под кайфом: «Моя карьера, все двадцать лет, есть не что иное, как ретроспективная галлюцинация, выдуманная наркотиком... ..Может, я один из многих, кто живет синтетической жизнью и наслаждается популярностью, деньгами, славой при помощи капсулы? В то время как реальная жизнь проходит в кишках клопами крысятнике» (с.245—246).

Но и это жуткое открытие — лишь часть правды. Вымышленная реальность мира Тавернера возникает в ходе непонятного химического эксперимента, введенного изнывающей от лени, пресыщенной жизнью близкой родственницей высокопоставленного генерала полиции, запустившей секретный наркотический препарат с малоизвестными свойствами типа обратного воздействия на окружающий мир.

Причем по одной из версий, озвученной полицейскими, весь окружающий мир — включая копов, стремящихся посадить Тавернера за решетку — плод буйной фантазии разыскиваемого: «Он попал во вселенную, в которой его раньше не было» (с.290). (Кстати, перенос в параллельные миры под воздействием всевозможных психоделиков — не такое уж и редкое явление в фантастике; достаточно вспомнить «Две судьбы» С. Корнблата, книги К. Кастанеды, «Футурологический конгресс» Ст. Лема).

Несмотря на многослойность, «Пролейтесь, слезы...» — один из наиболее логичных и внутренне непротиворечивых романов Ф. Дика.

Может быть, именно поэтому Ф. Дик и получил за него «Мемориальный Приз Джона Кэмпбелла» в 1975 году.

Сергей СОБОЛЕВ

В. Стоверов. Сиреневый аграф киборга. — М.: Словолитня им. III Интернационала, 2001

Постмультипанк в России порою приобретает поистине патологические формы. Первая книга молодого автора, вышедшая в случайном для фантастики издательстве (по слухам, близком к национал-большевикам), блестящее подтверждение, что никакие турбореализмы и знание наизусть произведений Гибсона не могут преодолеть квасной дух нашего околоромантического бомонда.

Конечно, если бы автор хотел нас интриговать, название следовало брать другое. К примеру, «Че Гевара очищает диск» (хотя это вроде что-то и напоминает...). А так, когда нам преподносят по-

хождения лихой девицы из красного московского подполья, ведущей войну подполья с окружающими буржуями в стиле журнала «Хакер», причем девица нигде не расстается со своей старинной брошкой, догадаться, кто есть ху затруднений не составляет. Мир современных революционеров описан с такой серьезностью и страстностью, что заставляет предположить — автору немногим больше двадцати. Что человеку в таком возрасте хватило терпения сесть и написать довольно занимательный роман — хороший признак. Беда в том, что герои и их речи вызывают непредусмотренный автором смех. «Лимонов — это наше все», «По-настоящему понимаешь душу трудогового человека, когда день-другой поплелся свеклу под палящим солнцем», «Советская наука дала человечеству космос, ядерную бомбу и чудеса мичуринской биологии, которые свели на нет прихвостни буржуазии». Последнее явно показывает, что автор начал читать уже после заката журнала «Огонек».

Что тут долго ходить вокруг да около. В секретной лаборатории КГБ на исходе андроповщины был создан идеальный человек. Крупный советский генетик Жорес ...кгхм... Савилов вложил в свое создание душу и генетический материал лучших представителей революционного класса (часть его, вероятно, соскабливали с ледоруба, но это так, к слову). Девочка росла в семье академика, которая в ней души не чаяла. Однако грянула перестройка.

Нельзя читать без слез, как умирал в своей московской квартире от голода академик — патриот, отказавшийся от многомиллионного гранта на исследования (вероятно, предложили генетический материал лучших представителей буржуазного класса). Как стояла в Столешниковом с потертым пальто на руках его вдова, пытаясь выручить продажей академического гардероба деньги на памятник. Как смышленная не по годам девочка-киборг (вероятно, андроид?) поклялась отомстить обществу, для начала бросив школу и уйдя в коммуну хиппи.

Через некоторое время серия дерзких взломов корпоративных сайтов, исчезновение из компьютеров ФСБ оперативных данных на красное подполье, обнародование швейцарских «черных касс» неких политических партий и союзов потрясли страну. Бандиты в смычке с ФСБ, поддерживаемые интернетчиками истэблишмента в стального цвета галстуках, безупречно белых рубашках и с ноутбуками в кейсах, идут по следу. Начинается бегство с одновременным припаданием к корням и истокам.

В виртуальном просторе нынешней России находится место самым разным типам. Автор явно знает, как вписываться у приятелей по чату, угощаться придорожными шашлыками за счет подбросившего на пару сотен километров рэкетира, истово трудиться в сельхозартели православных анархистов. И всегда «быть на контакте». Временами берет оторопь, с какой легкостью устанавлива-

ет героиня интернет-соединение в нашей глубинке, пока не вспомнишь, что произведение-то фантастическое. Невидимые и неслышимые друзья своевременно сообщают ей о надвигающейся опасности и снова приходится менять место дислокации. Сверхспособности героини представлены довольно скромно, но вкусно. Слышит на километры, нюхом чувствует выхлоп вражеского «Мерседеса», естественно, видит в темноте и с компьютерами на «ты, мудила». Соображает плохо, но нельзя же требовать всего сразу, не одна она такая.

Кульминация романа разворачивается в «красном скиту» под Абаканом. ФСБэшный антихрист-искуситель, явившийся к ней в образе близкого приятеля и умелого любовника, уговаривает бедную киборгшу мстить буржуазному обществу в приличных формах, например, для пропаганды чистой энергии установить небольшой Чернобыль в штате Вашингтон. И тут нить старинного благородства, протянувшаяся к ее душе через фамильную аметистовую брошку (заглавие помните?), спасает и просветляет. Улетает революционный киборгше на моторке в дождливую ночь над Енисеем, чтобы и дальше честно взрывать, взламывать и выводить из строя автомобильную электронику на благо родной страны и на ее территории. Аминь.

Николай ЯКОВЛЕВ

ВООБЩЕ-ТО Волков не всеядный читатель фантастики. Если трилогия Ле Гуин о волшебнике Земноморья достаточно полно отразилась в его творчестве, то иные классики жанра фэнтези (включая родоначальника — Толкина) как-то не затронули в душе творческих струнок. Зато пафос юного мира, начала исторических начал, космогонические игры демиургов романа «Меч и радуга» Мэделайн Симмонс неожиданно вызвали к жизни «бездраконье» полотно — но в пространстве времени его сюжета будто незримо присутствует чудесная мощь и красота вечных огнедышащих архетипов. Кстати, художник только от репортера «Лавки фантастики» узнал, что автор любимейшего ему романа — питерская писательница Елена Хачекая, дебютировавшая под иностранным псевдонимом в начале 90-х, когда отечественным авторам практически ничего не «светило» при тогдашней издательской политике.

Еще один толчок фантазии Михаила Волкова дал американский фильм «Звездные врата». Средненькое достижение режиссера Рональда Эммериха подкупило пермского художника идеей скрытого в древнеегипетской религиозной атрибутике, архитектуре, пластике... инопланетного хайтэка. Зооморфная голова Анубиса, например, оказывается гермошлемом, а пирамида — звездным кораблем... Как тут не вспомнить замаскированные под динозавров машины времени Роберта Янга.

Культура древнего Египта столь заинтересовала Михаила, что он проштудировал всю доступную литературу по теме и не раз еще обращался в своей живописи к символам и художественным формам древней цивилизации. Но вот странность: в одежде, орнаментах, антропологических типах персонажей картин «фантастическо-египетского» цикла обнаруживается этнографическое сходство со славянскими образцами. Иногда художник стремится изгнать это спонтанное цивилизационное сопряжение, а иногда оставляет вопрос открытым: почему так? Что общего между нами и древними строителями каналов и пирамид?

Окончание на 4-й странице обложки.

МОЖЕТ, попыткой ответа становится полотно «Огненная колесница королевы». Здесь Волков представил, как могли бы древние воспринять и истолковать палеоконтакт, прилет «богов-астронавтов» (по терминологии небезызвестного Деникена). И вот тройка красных драконов, какими их изображали на вазах в эпоху Хань, влечет по небу некое радаротражающее черное железо, очертаниями явно соответствующее аэродинамике технологии «Стелс», а на нем, как на колеснице, стоит богиня — то ли Исида, то ли Лада.

Есть понятное, хоть и обидное объяснение тому, что Волков сейчас практически оставил краски и кисть. Ведь большинство его полотен создавалось, когда художник был безработным. А теперь он, так сказать, при деле, служит в мебельном салоне, и времени на живопись уже нет. Вообще-то он должен давать посетителям салона дизайнерские советы, но по большей части приходится выполнять обязанности обыкновенного продавца. Проводя время за прилавком, Михаил почти не снимает наушников плеера. Самая первая из его «драконовых» картин носит то же название, что и альбом Ингви Мальмстина — «Затмение», и навеян финальной инструментальной пьесой. Импульсы музыки сейчас возвращают хотя бы к графике. У него есть цикл рисунков, так или иначе навеянных Макаревичем и Розенбаумом. Но прорывается на лист через музыкальные ассоциации еле слышный призыв из далекой фантастической страны Нигде-и-Никогда, особенно если Чиграков («Чиж») поет о Хайнлайновской двери в лето.

Павел
КОПЕЙЩИКОВ.

